INSPIRIA

МОМЕНТАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

ЭЛИЗАБЕТ ДЖОРДЖ

ЕСТЬ ЧТО СКРЫВАТЬ

INSPIRIA

Элизабет Джордж
Есть что скрывать
Серия «Tok Мировой бестселлер»
Серия «Инспектор Томас Линли и сержант Барбара Хейверс», книга 21

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68299598
Есть что скрывать : Эксмо; М.; 2022
ISBN 978-5-04-175024-4

Аннотация

МОМЕНТАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES. За кажущейся невинностью часто скрывается ледяная жестокость…

Детектив-сержант лондонской полиции Тео Бонтемпи была найдена без сознания в собственной квартире. С травмой головы она попала в больницу, где вскоре умерла. Выясняется, что Тео служила в специальной группе, расследовавшей варварскую традицию хирургических операций над маленькими девочками, до сих пор практикующихся в нигерийской общине Лондона. Не исключено, что ее смерть тесно связана с этим делом. Но детектив Томас Линли и его помощники, сержанты Барбара Хейверс и Уинстон Нката, оказались не готовы к правде, открывшейся в ходе

расследования. В такие глубины бесчеловечности и цинизма им спускаться еще не доводилось…

Серия бестселлеров о детективах Томасе Линли и Барбаре Хейверс.

Элизабет Джордж – выдающийся мастер детективного романа. Литературные критики наделяют ее статусом «великая». Творчество Элизабет завоевало признание читателей во всем мире, в том числе и в России. Ее книги издаются миллионными тиражами, становятся основой для телефильмов, получают престижные литературные премии.

«Элизабет Джордж раскрывает еще одну умную и запутанную тайну». – New York Times

«Блестящая писательница, Джордж выстраивает потрясающие сюжеты, а эмоциональный уровень ее повествования выше, чем у кого-либо другого». – The Times

«Трудно сопротивляться дару рассказчицы Джордж, однажды попавшись к ней на крючок». – USA Today

«Элизабет Джордж – подлинный мастер детектива. Как и хорошее вино, ее прозу нужно смаковать маленькими глоточками…» – Sunday Express

«Джордж создает причудливую мозаику, которая никогда не бывает скучной». – Guardian

«Автор великолепно пишет – и по-настоящему умеет выстроить сцену и создать персонажи, о которых вы хотите знать как можно больше». – Sun

«Джордж жмет на все наши кнопки, а мы глотаем ее книги одну за другой». – Daily Telegraph

Содержание

Часть I 6
21 июля 6
25 июля 42
27 июля 66
28 июля 94
31 июля 120
1 августа 134
Часть II 156
5 августа 156
6 августа 219
Конец ознакомительного фрагмента. 227

Элизабет Джордж
Есть что скрывать

Посвящается тем, кто страдает, тем, кто терпит, и тем, кто сражается

Человеческая душа практически не поддается разрушению, а ее способность возрождаться из пепла остается до тех пор, пока тело дышит.
Алис Миллер «Ради твоей же пользы»

Elizabeth George
SOMETHING TO HIDE
Copyright © 2022 by Susan Elizabeth George

© Гольдберг Ю.Я., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство Эксмо», 2022

Часть I

21 июля

Вестминстер Центр Лондона

В один из самых жарких дней необыкновенно жаркого лета Дебора Сент-Джеймс шла к Санкчуэри-билдингс через Парламент-сквер. Ее попросили встретиться с одним из секретарей Министерства образования, а также с главой Государственной службы здравоохранения. «Мы бы хотели обсудить с вами один проект, – сказали ей. – Вы свободны?»

Да. После публикации «Голосов Лондона», проекта, которому Дебора посвятила последние несколько лет жизни, она искала следующую тему. И очень обрадовалась приглашению на встречу, которая может вылиться в новый проект, хотя даже не догадывалась, какого рода фотографии могли заинтересовать Министерство образования вместе с Государственной службой здравоохранения.

Подойдя к охраннику у дверей, она показала удостоверение. Но охранника интересовало не оно, а содержимое вместительной сумки. Он сообщил, что к телефону у него пре-

тензий нет, а вот цифровую камеру нужно включить, чтобы доказать, что это на самом деле камера. Дебора подчинилась и сфотографировала охранника. Потом показала ему. Он махнул рукой, пропуская ее. И прибавил, прежде чем она успела войти: «Удалите. Я тут дерьмово выгляжу».

У стойки приема посетителей Дебора спросила Доминик Шоу. Назвала свое имя и сообщила, что пришла по приглашению помощника секретаря по школьной системе. После приглушенного телефонного разговора ей вручили шнурок с карточкой «Гость». Комната для переговоров номер четыре. Третий этаж. Лифт направо, лестница налево. Она повернула к лестнице.

Войдя в комнату для переговоров номер четыре, подумала, что ошиблась дверью. За полированным столом сидели пять человек, а не те двое, которые, как она предполагала, хотели с ней встретиться. Три напольных вентилятора героически пытались уменьшить температуру воздуха в комнате, но лишь создавали что-то похожее на сирокко[1].

Женщина, сидевшая у дальнего конца стола, поднялась и направилась к ней, протягивая руку. Она была элегантно одета в стиле «государственный служащий»; на носу огромные очки без оправы, в ушах золотые серьги размером с бейсбольный мяч.

– Доминик Шоу, – представилась она, – парламентский

---

[1] *Сирокко* – сильный жаркий ветер в странах средиземноморского бассейна, зарождающийся в пустынях Северной Африки и на Ближнем Востоке.

помощник государственного секретаря по школьному образованию.

Потом представила остальных, но так быстро, что Дебора уловила только должности: глава Государственной службы здравоохранения, представитель благотворительной организации «Барнардос», основатель чего-то под названием «Дом орхидей» и женщина по имени Нарисса, фамилии которой Дебора не запомнила. Пестрая компания: один черный, один похож на корейца, Доминик Шоу белая, а женщина по имени Нарисса – мулатка.

– Прошу вас. – Доминик Шоу указала на пустой стул рядом с представителем «Барнардос».

Дебора села. И с удивлением увидела, что перед каждым из присутствующих лежит экземпляр «Голосов Лондона». Первое, что ей пришло в голову: книга вызвала какие-то проблемы, оказалась некорректной в политическом, социальном или культурном плане, – хотя она не представляла, при чем тут Министерство образования. Книга состояла из портретов жителей Лондона, снятых за три года работы. Каждый снимок сопровождался несколькими фразами персонажа, записанными Деборой во время фотосессии. Среди них было не меньше двух дюжин бездомных, количество которых в городе постоянно росло, – людей всех возрастов, рас и национальностей, которые дошли до того, чтобы ночевать в дверных проемах на Стрэнде, лежать в тоннелях под Парклейн, сидеть на корточках у передвижных мусорных контей-

неров – а иногда и внутри – и позади таких отелей, как «Савой» и «Дорчестер». В этой части книги Лондон представал совсем не шикарным космополитичным городом, которым хотел казаться.

Отказавшись, после некоторых колебаний, от предложенных чая и кофе, Дебора выбрала теплую воду из стеклянного кувшина, стоявшего на столе. Она ждала, пока кто-нибудь сообщит повестку дня – хотелось бы понять, что она тут, черт возьми, делает. Но лишь после того, когда Дебора получила воду и совершенно не нужный ей экземпляр «Голосов Лондона», переданный Доминик Шоу, помощник государственного секретаря приступила к делу.

– На вашу книгу мне посоветовал обратить внимание мистер Оу. – Чиновница кивком указала на мужчину из «Барнардос». – Впечатляет. Но я все удивлялась… – Она умолкла, словно выбирала варианты, что же ее так удивило, а в это время под окном на улице скрежетала неисправная трансмиссия какого-то грузовика. Шоу посмотрела в окно, нахмурилась и продолжила: – Как вам это удалось?

Дебора не поняла, что имеет в виду Доминик Шоу. Ее взгляд упал на обложку книги. Издатель выбрал вполне невинный снимок: один из тех пожилых людей, которые кормят птиц в парке Сент-Джеймс. На голове у него был картуз, и он стоял на мостике, перекинутом через пруд. Рука протянута, на ладони птица. Внимание Деборы привлекли глубокие морщины на его лице – как они пролегли от глаз к по-

трескавшимся губам. Сама она не выбрала бы для обложки этот снимок, но понимала логику издателя, который хотел, чтобы потенциальный покупатель взял книгу и открыл ее. Фотография бездомного, спящего под открытым небом на Стрэнде, вряд ли была бы такой же эффективной.

– Вы имеете в виду, как я уговорила людей позировать? Просто спрашивала. Говорила им, что хочу сделать портрет, – и, открою вам секрет, большинство людей соглашаются, если их попросить и объяснить, зачем это нужно. Не все, конечно. Некоторые отказываются, причем категорически. Бывает, приходится выслушивать резкие слова, но это не должно обескураживать. А те, кто любезно согласился, чтобы я их сфотографировала… Если у них был адрес, я отправляла им копию того снимка, который выбрала для книги.

– А то, что они вам говорили? – подал голос мистер Оу. – Их слова, что вы включили в книгу?

– Как вам удалось вызвать их на откровенность? – спросила женщина по имени Нарисса.

– А, вот вы о чем… – Дебора раскрыла книгу и принялась листать страницы. – Штука в том, что, когда кого-то снимаешь, нужно добиться того, чтобы они не думали о съемках. Перед камерой люди становятся скованными. Так уж они устроены. Думают, что должны позировать, и перестают быть собой. Поэтому фотограф должен придумать, как поймать их в тот момент, когда они… Скажем, в тот мо-

мент, когда они раскрываются. Каждый фотограф должен это уметь. В принципе, никаких проблем, если застать свой объект врасплох. Но для такой работы – я имею в виду книгу или любой официальный портрет – это не подходит. Поэтому большинство фотографов разговаривают с людьми, когда их снимают.

– То есть просят расслабиться, улыбнуться или еще что-то? – спросила Доминик Шоу.

Добора увидела, что помощник секретаря ничего не поняла из ее объяснений.

– Я ничего им не говорю. Наоборот, прошу что-нибудь мне рассказать. Слушаю их, отвечаю, а они продолжают. Для этого проекта, – она указала на книгу, – я просила поделиться впечатлениями от Лондона, рассказать о том, нравится ли им жить в этом городе, какие чувства у них вызывает Лондон, рассказать о том месте, где я их снимала. Естественно, все ответы были разными. И в процессе разговора я получала те мгновения, которые искала.

– Чем это объяснить? Думаете, у вас особый дар вызывать людей на откровенность? – спросил представитель «Дома орхидей».

Дебора с улыбкой покачала головой.

– Нет, конечно. Я и двух слов связать не могу, если речь не идет о фотографии, кошках или собаках. Думаю, я неплохо справляюсь с работой в саду, но только если она касается прополки и мне не нужно определять, где сорняк, а где нет.

Для этого, – она снова указала на книгу, – я заранее придумала вопросы и задавала их, пока снимала. Это была исходная точка. Дальше все зависело от того, что они отвечали. Когда люди говорят о том, что им интересно, их лица меняются.

– И тогда вы их фотографируете?

– Нет-нет. Я ищу такие моменты, но фотографирую все время. Для такой книги… приходится выбраковывать… не знаю… не меньше трех тысяч портретов.

Все сидевшие за столом люди умолкли. Потом переглянулись. Дебора сделала вывод, что причина, по которой ее сюда пригласили, явно не имеет отношения к «Голосам Лондона», но все еще не могла понять, чего они от нее хотят. Наконец тишину нарушила помощник секретаря.

– Да, у вас получилась прекрасная книга, – сказала она. – Поздравляю. У нас есть проект, который мы хотели бы с вами обсудить.

– Что-то связанное с образованием? – спросила Дебора.

– Да. Но осмелюсь предположить, эта связь будет для вас неожиданной.

Мейвилл-Эстейт Долстон Северо-восток Лондона

Танимола Банколе цеплялся за надежду, что изнуряющая летняя жара, не ослабевавшая уже четвертую неделю подряд, изменит ход мыслей отца, которые последние тридцать семь

минут неслись, подобно локомотиву по рельсам, не сворачивая с темы безответственности Тани. Для Абео Банколе эта тема не была новой. Отец Тани мог бесконечно твердить одно и то же – как на английском, так и на своем родном языке йоруба – на протяжении сорока пяти минут, и такое случалось уже не раз. Он считал своей родительской обязанностью позаботиться о том, чтобы Тани стал настоящим мужчиной, каким его представлял Абео, и сделать это Тани мог только одним способом – исполнять все мужские обязанности, определял которые также Абео. В то же время он считал главной обязанностью Тани слушать и запоминать все, что говорит отец, а также повиноваться ему во всем. С первым Тани обычно справлялся. А вот со вторым и третьим было сложнее.

В этот день Тани ничего не мог противопоставить ни одному аргументу отца. Ему *действительно* повезло получить постоянную работу, и досталась она ему только благодаря тому, что он был сыном Абео Банколе, владельца магазина «Товары из Африки», а также мясной лавки и рыбного прилавка на рынке. Ему *действительно* повезло, что отец разрешил оставлять одну восьмую заработка себе, вместо того чтобы отдавать в семейный котел. Он *действительно* ел три раза в день – еду, которую готовила ему мать. Одежду *действительно* приносили ему прямо в комнату, безупречно чистую и идеально отглаженную. И так далее, и так далее – до бесконечности. Не замечая ни поднимавшихся от

тротуара волн жара, ни деревьев – очень редких в этой части города, – которые слишком рано сбрасывали листья, ни остатков льда на рыбных прилавках, таявшего так быстро, что в воздухе пахло хеком, окунем и макрелью, ни на мясные ряды с запахом крови от нагретой требухи овец и коров, ни на фрукты и овощи, которые нужно продать со скидкой, пока они не сгнили, Абео шел в направлении Мейвилл-Эстейт, озабоченный только неспособностью Тани вовремя прийти на работу.

Тани был виноват. Все, что говорил отец, – истинная правда. Тани *не* мог сосредоточиться на своих обязанностях. Тани *не* ставил семью на первое место. Тани постоянно *забывал*, кто он. Поэтому он ничего не говорил в свою защиту. Он думал о Софи Франклин.

О, там было о чем подумать: о прекрасной коже Софи, о ее мягких коротких волосах, о гладких как шелк ногах и изящных лодыжках, о соблазнительной груди, о ее губах, языке и всем остальном… *Конечно*, он был абсолютно безответственным. А как же иначе, если он был с Софи?

Отец мог бы это понять. Теперь ему шестьдесят два, но и он когда-то был молодым. Однако Тани не мог рассказать ему о Софи – это абсолютно исключено. Тот факт, что она не нигерийка, был лишь одной из причин, по которым Абео Банколе хватил бы удар, прямо здесь, на тротуаре. Второй причиной был секс с Софи, сам факт которого отец не мог бы принять спокойно.

В общем, Тани опоздал на работу в «Товары из Африки». Причем опоздал настолько, что к его приходу уже началось ежедневное пополнение товаров на полках. Эта процедура – наряду с повторными заказами и общей уборкой – была ежедневной обязанностью Тани, когда он возвращался из колледжа, а второй работник лавки, Зайд, должен лишь помогать клиентам найти то, что они ищут, и стоять на кассе. Зайду совсем не понравилось, что в этот день ему пришлось заниматься и всем остальным. Свое недовольство он высказал по мобильному Абео, который шел в мясную лавку.

Опоздавший Тани принялся старательно проверять полки с товарами. Но Зайд уже закончил уборку и бросал на него недовольные взгляды. Вошел Абео и приказал Тани идти с ним.

Тани знал, что его ждет. Но также понимал, что это подходящая возможность поговорить с отцом о своем будущем. Ему не нравилось работать в одном из двух отцовских магазинов *или* за рыбным прилавком, а еще больше не нравилось, что ему придется управлять магазином «Товары из Африки», когда он закончит курс ресторанного менеджмента в предуниверситетском колледже. *Это* не для него. Сказать правду? Это отстой. Не для того он собирался поступить в университет и получить диплом по бизнесу, чтобы потом тратить свою жизнь на управление магазином. Для этого Абео мог бы нанять кого-нибудь из кузенов Банколе. Конечно, тогда пришлось бы впускать родственника из Пекхэма в

ограниченный круг жизни, который Абео создал для своей жены и детей на северо-востоке Лондона, и Абео это не понравится. Но Тани не собирался оставлять ему выбор. Он хотел сам строить свою жизнь.

Путь к Мейвилл-Эстейт по окончании рабочего дня зигзагом проходил по оживленным улицам. Ближе к вечеру их заполнили пешеходы, машины, автобусы и велосипеды – местные жители возвращались домой. Банколе, одни из немногих нигерийцев в этой многонациональной общине, состоящей из выходцев со всего света, от Африки до Вест-Индии, жили в районе Мейвилл-Эстейт, в доме под названием Бронте-хаус, пятиэтажном здании из неоштукатуренного красного кирпича, каких очень много в жилых районах города. Прямо через дорогу от дома располагалась асфальтовая игровая площадка, прикрытая от солнца огромными лондонскими платанами. В торцах площадки были установлены баскетбольные щиты с кольцами и футбольные ворота, а всю ее обнесли забором, чтобы дети в погоне за мячом не выскочили на улицу.

К дверям квартир на первом этаже Бронте-хаус вели бетонные ступеньки, а для того чтобы попасть на верхние четыре этажа, нужно было пройти по внешнему коридору, а затем подняться по лестнице или на лифте. Почти все двери были открыты – в тщетной надежде впустить ветер, которого, по крайней мере в этот момент, совсем не чувствовалось. Из распахнутых окон доносились звуки работающих телеви-

зоров, а также музыки, танцевальной и рэпа; к ним присоединялись запахи самой разной еды.

В квартире Банколе было жарко, как в перегретой сауне. Тани почувствовал, что его обволакивает пелена почти жидкого воздуха, и прищурился от заливающего глаза пота. Вращающиеся лопасти вентиляторов нисколько не охлаждали воздух – просто гоняли его, словно застоявшуюся болотную воду. Дышать было можно, но неприятно.

Тани почти сразу почувствовал запах и посмотрел на отца. Его лицо выражало недовольство.

Монифа Банколе была обязана многое предвидеть. В это время дня она должна была знать, когда муж вернется домой и какую еду предпочтет. Обычно он ей ничего не говорил. Абео считал, что, раз они женаты уже двадцать лет, нет никакой необходимости говорить что-то вслух, словно новобрачные. В первые годы семейной жизни он объяснил ей многие вещи, в том числе требование, что его чай должен быть готов не позже чем через десять минут после того, как он вернется домой после дневных трудов. «Сегодня, – понял Тани, – будет готов не только чай, а что-то посущественнее». Его сестра Симисола накрывала на стол для всех, а это значит, что от семейной трапезы увильнуть не удастся.

Сими молча кивнула ему в знак приветствия, но на его вопрос: «Ты так суетишься, потому что к нам на чай приходит твой парень?» – ответила улыбкой. Потом спохватилась и поспешно прикрыла рот рукой. Ладонь закрыла щель меж-

ду передними зубами, но нисколько не приглушила смешок. Ей было восемь, на десять лет меньше, чем Тани. Их общение в основном сводилось к тому, что он ее подначивал.

– У меня нет парня, – заявила она.

– Нет? Почему? В Нигерии ты уже была бы замужем.

– А вот и нет!

– Точно. Там так принято – скажи, Па.

Абео проигнорировал его и повернулся к Сими.

– Скажи матери, что мы дома, – как будто в этом была необходимость.

Девочка крутанулась на месте, танцующей походкой обогнула один из почти бесполезных вентиляторов и крикнула:

– Мама! Они здесь! – И обратилась к отцу и брату, копируя мать: – Садитесь, садитесь. Хочешь пива, Па? Тани?

– Ему воду, – сказал Абео.

Сими скосила глаза на брата и снова сделала пируэт. Тани догадался, что так она хочет продемонстрировать свою юбку. Это была старая юбка, похоже из благотворительного магазина «Оксфам», но сестра украсила ее блестками – как и ленту на голове, из-под которой выбивались короткие черные волосы. К многочисленным блескам на ленте она добавила перо. Девочка бросилась на кухню, едва не сбив с ног мать, которая входила в комнату с супом *гбегири*, запах которого уловил Тани. От пара, поднимавшегося от супа, лоб и щеки Монифы покрылись капельками влаги, а очки запотели. Тани не мог представить, что даже попробует *гбегири* в

такую жару, но промолчал, зная, что за этим последует.

Абео снова пустится в пространные рассуждения о своем детстве. Сорок из своих шестидесяти двух лет он прожил в Англии, но когда начинал говорить о своей родной Нигерии, создавалось впечатление, что он приземлился в Хитроу только на прошлой неделе. Больше всего отец любил вспоминать, какое там все «дома» – школы, условия жизни, погода, обычаи… Но все это, похоже, существовало лишь в его фантазиях об африканской родине, порожденных фильмом «Черная пантера», который он смотрел не меньше пяти раз. Это был любимый фильм Па.

Монифа поставила супницу, и Абео нахмурился.

– Это не *эфо риро*.

– Я не решилась в такую жару, – объяснила она. – Куры. Мясо. Дома у нас ничего нет, только немного говядины. И я не знала, не испортится ли мясо, если я куплю его на рынке. Подумала, что разумнее приготовить *гбегири*.

Абео посмотрел на жену.

– Ты не сварила рис, Монифа?

– Вот, папа! – Сими принесла пиво. В одной руке у нее была запотевшая банка, в другой – запотевший стакан. – Такое холодное… Потрогай, какое холодное, папа. Можно мне попробовать? Один глоточек?

– Нет, – сказала мать. – Садись. Я подаю еду. Прости насчет риса, Абео.

– Но я еще не принесла Тани воды, – возразила Сими.

– Делай, что говорит мать, Симисола! – рявкнул Абео.

Сими подчинилась, бросив виноватый взгляд на Тани. Тот пожал плечами.

Она спрятала руки под стол и снова посмотрела на брата, который подмигнул ей. Потом скосила глаза на мать, не отрывавшую взгляда от Абео. Он долго смотрел на жену, потом кивнул, подавая знак, что можно раскладывать еду.

– Твой сын снова не пришел на работу вовремя. Мог бы уделить магазину всего полчаса своего драгоценного времени. Зайду пришлось перед закрытием почти все сделать самому, и тот был недоволен, – сообщил он Монифе. И прибавил, обращаясь к Тани: – Чем ты был так занят, что пренебрег своими обязанностями?

– Абео… – промямлила Монифа. – Может, вы с Тани… потом?

– Не твоего ума дела, – оборвал ее Абео. – Ты испекла *эба*? Да? Симисола, принеси лепешки из кухни.

Монифа налила большую порцию супа *гбегири* в тарелку с ободком и передала Абео. Вторая тарелка отправилась к Тани.

Через секунду из кухни вынырнула Сими с большой тарелкой *эба*. Под мышкой она держала бутылку коричневого соуса – приправа к лепешкам и одновременно дань «английской традиции». Поставив тарелку и бутылку перед Абео, вернулась на свое место. Монифа налила ей суп последней – таков обычай в этом доме.

Все ели молча. Слышны были только звуки с улицы, причмокивание и глотание. Не доев суп, Абео отложил ложку, отодвинул стул и исполнил ежевечерний ритуал, как называл его Тани: оглушительно высморкался в бумажную салфетку, скомкал ее и бросил на пол. Потом приказал Сими принести другую. Монифа встала, собираясь выполнить его просьбу сама, но Абео остановил ее:

– Сядь, Монифа. Ты не Сими.

Девочка выбежала из комнаты и вернулась через несколько секунд со старым кухонным полотенцем, которое полиняло настолько, что было уже невозможно различить, какой годовщине бракосочетания королевы оно посвящено.

– Салфетку я не нашла и взяла вот это. Подойдет, папа?

Абео взял у нее полотенце и вытер лицо. Потом положил полотенце на стол и обвел взглядом семью.

– У меня есть новости.

Все замерли, превратившись в статуи.

– Какие новости? – осторожно поинтересовалась Монифа.

– Все устроилось, – ответил Абео.

Тани заметил взгляд, брошенный на него матерью. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

– Это заняло не один месяц, – продолжил Абео. – И обошлось дороже, чем я предполагал. Мы начали с десяти коров. *Десяти*. Тогда я спросил, не будет ли она бесплодной, ведь я отдам за нее десять коров. Он сказал, что в семье двенадцать детей и у троих уже есть свои дети. Так что она из

плодовитого рода. Это не считается, ответил я ему. Тот факт, что ее мать и сестры плодовиты, не означает, что она тоже такая. Поэтому мне нужна гарантия. Десять коров и никакой гарантии? Так я ему и сказал. Ха, сказал он, кто может требовать гарантии? Тот, ответил я, кто понимает, что важно, а что нет. Так мы торговались, пока он не согласился на шесть коров. Я сказал, что это все равно слишком много. А он сказал: тогда она может остаться здесь, потому что у меня есть другие варианты. *Варианты*, сказал он. Я сказал, что знаю, что он блефует. Но время подходящее, и возраст у нее подходящий, и она недолго будет свободной, если он объявит об этом. Так что я согласился, и дело улажено.

Пока Абео говорил, Монифа сидела, уткнувшись взглядом в тарелку. Сими перестала жевать, ее лицо выражало растерянность. Тани не понимал, о чем говорит отец. Десять коров? Шесть? Плодовитый род? Но он чувствовал, что назревает что-то неприятное, и к его беспокойству прибавился страх.

Абео повернулся к нему.

– Шесть коров я заплатил за девственницу шестнадцати лет. Это для тебя. Скоро я отвезу тебя в Нигерию, и ты с ней познакомишься.

– Зачем мне знакомиться с какой-то нигерийской девушкой? – спросил Тани.

– Потому что ты на ней женишься, когда ей исполнится семнадцать.

Абео вновь принялся за еду. Он отломил часть лепешки и подцепил им маленький кусочек говядины. Похоже, это напомнило ему, что он еще не сказал все, что хотел.

– Тебе повезло. – Теперь Абео обращался к сыну. – Девушку ее возраста обычно отдают за мужчину лет сорока или больше – из-за цены. А не за такого мальчишку, как ты. Но ты скоро должен остепениться и стать мужчиной. Так что мы поедем, а там она будет готовить для тебя, и ты ее узнаешь. Я обо всем позаботился, чтобы ты не привел негодную. Кстати, ее зовут Оморинсола.

Тани положил руки на стол и сцепил пальцы. Казалось, после их возращения с Ридли-роуд температура в комнате поднялась еще на несколько градусов.

– Я этого не сделаю, Па.

Монифа охнула. Глаза Сими расширились до размеров старого пенни. Абео поднял голову.

– Что ты сказал, Танимола?

– Я сказал, что не сделаю этого. Я не буду знакомиться с какой-то девственницей, которую ты для меня выбрал, и уж точно на ней не женюсь, когда ей исполнится семнадцати. – Услышав, как мать прошептала его имя, Тани повернулся к ней. – Мы не в Средневековье живем, мама.

– В Нигерии, Тани, – сказала Монифа, – эти дела устраиваются именно так, и…

– Мы не в Нигерии. Мы живем в Лондоне, а в Лондоне люди женятся на том, на ком хотят, и тогда, *когда* хотят. По

крайней мере, я. Никто не будет выбирать мне жену. И я вообще не собираюсь жениться. Точно не теперь и не на какой-то африканской девственнице с гарантированной плодовитостью. Это какое-то безумие.

На мгновение в комнате повисла звенящая тишина. Молчание нарушил Абео:

– Ты будешь делать то, что тебе говорят, Тани. Ты познакомишься с Оморинсолой. Ты обещан ей, а она обещана тебе, и обсуждению это не подлежит.

– Я не твой раб.

Монифа снова охнула.

– Нет, мама, – сказал Тани. – Я не поеду в Нигерию или куда-то еще просто потому, что он так решил.

– Я – глава этой семьи, – сказал Абео. – И ты должен меня слушаться.

– Вот уж нет. Если ты так думаешь, то глубоко ошибаешься. Ты не заставишь меня жениться.

– Ты женишься, Тани. Я об этом позабочусь.

– Правда? Ты так думаешь? Собираешься приставить пистолет к моей голове? Шикарные будут свадебные фотографии, ага…

– Следи за языком.

– Зачем? Что ты со мной сделаешь? Побьешь, как…

– Перестань, Тани, – поспешила вмешаться Монифа. – Прояви к отцу хоть немного уважения. – Она повернулась к дочери: – Сими, иди…

– Она останется, – сказал Абео и прибавил, обращаясь к Тани: – Говори, что хотел.

– Я уже все сказал. – Тани резко поднялся, так что ножки его стула со скрежетом проехались по линолеуму. Его отец тоже встал.

Абео сжал кулак, но Тани не отступил. Они смотрели друг на друга через стол.

– Убирайся с глаз моих, – сказал Абео.

Тани был только рад.

Нэрроу-уэй Хакни Северо-восток Лондона

Старший суперинтендант полиции Марк Финни не удивился, увидев, что брат его уже ждет. Встречу назначил Поли, и значит, его более или менее волнует, понравится ли Марку, что брат ждет его внутри массажного салона «Парадиз». Кроме того, салон находился недалеко от обоих ломбардов, принадлежащих Поли, а также в пешей доступности от дома их родителей и дома самого Поли. «Слава богу, – подумал Марк, – брат не торчит в крошечном вестибюле, а расположился на Мар-стрит со стороны Нэрроу-уэй, на скамейке в центре пешеходной зоны». Марк сразу его увидел, как только свернул за угол. На лице Поли застыла знакомая ухмылка, которой он всегда приветствовал младшего брата – подростка с прыщавым лицом, – когда Марк возвращался, как полагал Поли, со свидания, хотя на самом деле он просто

болтался на улице в компании школьных друзей, среди которых были три девчонки, такие же неприкаянные, как сам Марк. Вернувшегося домой Марка Поли всегда встречал одной и той же фразой: «Успех, приятель?» – на что Марк неизменно отвечал: «В любом случае ты об этом не узнаешь».

Сегодняшняя ухмылка не имела отношения к юным девушкам; скорее она была связана с тем, что происходило в одной из задних комнат спа-салона, который мог быть чем-то большим, чем спа-салон, если у вас есть чем расплатиться, – они не давали сдачу и не принимали кредитные карты, когда мужчина покупал определенные услуги.

– Итак?.. – спросил Поли, а когда Марк сразу не ответил, прибавил: – Что-то ты долго, Бойко. Одним заходом не ограничился?

– Пришлось ждать ее двадцать минут. Пойдем. Наверное, мама уже приготовила ужин.

– И всё? – удивился Поли. – Просто «пришлось ждать ее двадцать минут»? Я из кожи вон лез, чтобы записать тебя на сегодня, приятель. Теперь это такое популярное место… Как тебе? Стоит этих денег? Она была молодой? Красивой? Изможденной? Беззубой? Что она использовала? Руку, рот, язык или другую часть тела? Думаю, между сисек было бы здорово. Нет. Гм… Может, подмышка? Или ты использовал ее на все сто?

Марк его не слушал. Он шел в направлении башни Святого Августина, зубчатая верхушка которой возвышалась над

Нэрроу-уэй. У подножия башни появилась стайка детишек, игравшая в какой-то оригинальный вариант игры «пни жестянку» – такого он не видел с тех пор, как мобильные телефоны, текстовые сообщения, компьютерные игры и приставки вытеснили все, чем дети занимали себя на протяжении многих поколений.

Они вошли во двор церкви Святого Иоанна в Хакни, справа от древней башни. Их путь лежал на восток, вдоль мощеной дорожки к Саттон-уэй. Там жил Поли с семьей – в доме, служившем неприятным напоминанием об архитектурном буме 1960-х, с острыми углами и венецианскими окнами, не вызывавшими никакого интереса.

– Думаю, все равно лучше, чем порнушка по интернету. Дороже, конечно, но прикосновение женщины того стоит, правда? Его ничем не заменишь. Другое человеческое существо. Теплая плоть. Черт, Бойко, если б Эйлин не знала, чего я хочу, еще до того, как это пришло мне в голову, я бы составил тебе компанию. – Голос его стал задумчивым. – Эта женщина, наша Эйлин, – настоящая секс-машина. Она почти никогда не носит трусиков, а когда детей нет в комнате, то при каждом удобном случае задирает юбку. Однажды она поимела меня даже в магазине. Я тебе не рассказывал? Прямо за прилавком, три дня назад, при открытом магазине. Я удивлен, что меня еще не обвинили в жестоком обращении с женой. Эта женщина производит столько шума, когда я ее имею…

Марк ничего не ответил. Он уже много раз слышал о сексуальных причудах Эйлин. Честно говоря, уже надоело. Молчание нарушил Поли:

– Пит тоже придет на ужин? Или только ты?

Марк покосился на брата, который смотрел прямо перед собой, словно хотел запомнить какой-то удаленный объект.

– Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь, что в данный момент это невозможно.

– А как насчет Грир? Кажется, так ее зовут? Грир? Подружку Пит. Ту, с которой она так часто видится. Грир могла бы остаться на час-другой. Она знает, что делать, если что-то случится.

– Пит не любит оставлять Лилибет, – сказал Марк брату.

– Я знаю, что она не *любит*. Мы *все* знаем, что она не любит, Бойко.

Марк снова ничего не ответил. Да, он очень страдал, но дело было не в Пит, которая делала все, что могла, учитывая их обстоятельства. Он страдал из-за того, что не мог предвидеть будущего, уготованного для них троих: Пьетры, Лилибет и его самого.

Они пересекли нижнюю часть церковного двора. В это время дня, ближе к ужину, здесь почти никого не было. Несколько скамеек были заняты, но по большей части людьми, уткнувшимися в экраны своих смартфонов. Кто-то выгуливал собак, а одна женщина в алом сарафане тянула за собой на поводке крупного полосатого кота, который жался

к земле и, судя по всему, не испытывал никакого удовольствия от прогулки.

Когда они приблизились к дальнему концу двора, в воздухе запахло жареными бургерами. Источником сильного запаха было маленькое кафе, притулившееся к стене, отделявшей церковный двор от района, который начинался прямо за ней. Кафе старалось удовлетворить вкусы пестрого, многонационально населения – в его меню были не только бургеры, но и блинчики, самоса, кебаб, куриная шаурма и разнообразные овощные блюда. Похоже, заведение процветало. Люди за несколькими столами для пикника, расставленными на лужайке, что-то вылавливали из картонной посуды. Одна очередь выстроилась к окошку для заказов, другая ждала, пока еду упакуют, чтобы взять с собой. У всех были покорные лица типичных лондонцев, проводивших б*о*льшую часть жизни в той или иной очереди: на автобус, в метро, поезд, такси или к кассе.

– Поверить не могу, что оно по-прежнему здесь, – заметил Поли, когда они проходили мимо кафе. – Должно быть, теперь в нем заправляют внуки.

– Наверное, – согласился Марк.

Они миновали кафе, а дальний выход из церковного двора привел их на Саттон-уэй, где Поли поднял валявшуюся на тротуаре пустую сигаретную пачку и сунул в карман. Вдоль ряда строений, похожих на наследие 1960-х, они направились не к дому Поли, а к дому, где выросли. Он находился

чуть дальше и на противоположной стороне улицы, рядом с такими же домами из красного кирпича, покрытыми копотью и требующими тщательной чистки. Все они были абсолютно одинаковыми. Три этажа, слегка утопленная арка входной двери, веерообразные окна над дверьми, сами двери выкрашены в черный цвет. Чугунные ограды перед фасадом, по два окна на каждом этаже, дающие представление о размерах жилья. Друг от друга дома отличались только занавесками на окнах и дверными молотками из латуни – жильцы со временем заменили оригинальные соответственно своей фантазии. В доме, где прошло детство Марка и Поли, дверной молоток имел форму фонаря из тыквы, а занавески на окнах были произведением детей Поли, которым помогла бабушка – она обеспечила их красками. Очаровательный примитив, пока не пытаешься понять, каких животных решили изобразить дети.

Поли не воспользовался ключом – в светлое время суток дверь почти никогда не запиралась.

– Эй! Встречайте победителей! – крикнул он, распахнув дверь, а потом опустился на одно колено, чтобы обнять своих отпрысков, которые стремглав бросились к нему. Топот ног сопровождался громкими криками.

– Папа пришел! Мама! Бабушка! Дедушка, папа пришел! С дядей Бойко!

Марк нашел взглядом свою крестницу. Племянница Эсме была его любимицей. И его незаживающей раной. На два ме-

сяца младше Лилибет, она являла собой разительный контраст с его дочерью, от которого разрывалось сердце.

Их захлестнула волна хаоса – дети потребовали «что-то особое из магазина, папа!». Как правило, это была какая-нибудь вещь, которую не выкупил клиент ломбарда и которую вряд ли можно было продать. Сегодня такой предмет был один – затупившаяся и потускневшая машинка для обрезки сигар. Поли вручил его старшему мальчику и предложил всем детям отгадать, что это. Пусть напишут свой вариант на листочке бумаги и отдадут папе – таковы правила. Вещь получит тот, кто угадает.

Отец Марка и Поли сидел в гостиной и смотрел телевизор; на голове у него были огромные наушники, спасавшие всех домочадцев от головной боли из-за включенного на полную громкость телика. Он махнул рукой, приветствуя сыновей, и они ответили ему тем же. Мать они нашли на кухне. Эйлин, жена Поли, что-то помешивала в стоящей на плите большой кастрюле, а Флосс Финни рвала листья салата.

Эйлин сразу же подбежала к Поли и обняла его за шею. Тот стиснул ее ягодицы, и они страстно поцеловались, словно не виделись несколько лет, а не десять часов. Марк отвел взгляд. Флосс наблюдала за ним, ласково улыбаясь. Поли с женой разомкнули объятия; Эйлин вернулась к плите, подняла крышку кастрюли и понюхала.

– Боже милосердный, мама… Неужели ты разрешила Эйлин готовить? Пахнет ее стряпней.

Эйлин хлопнула его по руке.

– Не лезь.

Флосс повернулась к Марку:

– Ты без Пьетры, Бойко?

– Может, придет попозже, – ответил Марк.

Поли подошел к холодильнику и сделал то, что делал с самого детства: открыл дверцу и пристально смотрел внутрь, словно пытался предсказать будущее по остаткам вчерашней еды. Марк понизил голос:

– Она на собеседовании.

– Правда? – переспросила Флосс. – Это же хорошо, да? Можно надеяться, что в этот раз все будет по-другому… – Она перевела взгляд на Поли, изучавшего содержимое холодильника. – Поли, мальчик мой, приготовь нам напитки. Эйлин, присмотри, чтобы он в этот раз не экономил лед. Терпеть не могу теплые коктейли.

В глубине дома дети подняли гвалт, и Поли прикрикнул на них, когда возвращался в гостиную с тележкой для напитков, чтобы смешать любимый коктейль матери – джин с тоником, причем тоника совсем чуть-чуть. Детские голоса притихли – ненадолго, можно не сомневаться, – и во время этого относительного затишья в комнату проскользнула Эсме. Она подошла к Марку, сунула ладошку ему в руку и прижалась лбом к его локтю.

– Я сдала экзамен по математике, дядя Марк, – сообщила племянница едва слышным шепотом. Во всей семье только

Эсме и жена не называли его Бойко.

– Молодец, Эсме.

– Лилибет тоже сдала бы, если б могла, – ответила девочка. – Может, даже лучше, чем я.

Марк почувствовал, как у него защипало глаза.

– Да… Ну, может, когда-нибудь, а?

Флосс спросила девочку, не поможет ли она накрыть на стол, но Эсме указала бабушке, что ее мама все уже сделала.

– Неужели? – Бабушка ласково улыбнулась Эсме. – Тогда позволь нам, пожалуйста, поговорить с твоим дядей.

Эсме перевела взгляд с Марка на его мать, потом снова посмотрела на Марка.

– Значит, вот зачем ты просила меня накрыть на стол, бабушка… Могла бы прямо сказать.

– Прости, дорогая. Иногда я забываю, что ты уже большая девочка. Теперь буду говорить прямо.

Кивнув, Эсме вышла из комнаты, и Флосс повернулась к Марку.

– Сколько на этот раз?

– Претендентов? – Он пожал плечами. – Я ее не спрашивал. Она старается как может, мама.

– Иногда ей нужно уделять время и себе.

– Она отдыхает, около двух часов в неделю.

– Это вряд ли можно назвать отдыхом. Так продолжаться не может. В противном случае она не доживет и до пятидесяти, и что тогда будет с Лилибет? Что будет с *тобой*?

– Я знаю.

– Ты должен настоять, Бойко.

«Как будто я этого не делал, – подумал Марк. – Снова и снова, пока слова не распались на части и полностью не утратили смысл».

– Пит не хочет ей навредить.

– Конечно. И ты тоже. Но еще вы должны хоть немного думать о себе, правда? – Она помешала варево Эйлин, потом снова повернулась к нему, не выпуская из руки деревянную ложку. Флосс смотрела на него так, как смотрит мать на сына: молча сравнивала того мальчика, каким он был, с мужчиной, которым стал. И ей явно не нравилось то, что она видела. – Когда у вас в последний раз был секс?

Раньше она никогда с ним об этом не говорила. Марк был шокирован.

– Господи… Мама…

– Скажи мне, Бойко.

Он отвел взгляд и посмотрел на открытое окно с терракотовыми горшками, в которых росли свежие травы – мать любила, чтобы они всегда были под рукой. Он хотел спросить, когда их в последний раз поливали. Базилик выглядел несколько вялым.

– На прошлой неделе, – ответил Марк, приготовившись, что мать поймает его на лжи. Он не помнил, когда последний раз спал с женой. Знал только, что это время измеряется годами, а не неделями. Но Пит ни в чем не виновата. Даже

когда она была рядом, то все равно не с ним – какой тогда смысл? Все чувства, которые у нее были, теперь настроены на маленькую спальню дочери и на звуки, которые передает из нее детский монитор: шипение кислорода и пыхтение, когда поднимается и опускается грудь Лилибет. «Невозможно заниматься любовью с женщиной, которая отсутствует», – хотел сказать он матери. Это просто механические движение, когда два тела трутся друг о друга в нарастающей лихорадке удовольствия, ведущей к разрядке. Для этого подойдет кто угодно. Например, безымянная иностранная «массажистка». Даже резиновая кукла, черт бы ее побрал. Но это все не то. По крайней мере, не то, чего он хотел. И это продемонстрировала сегодняшняя интерлюдия в массажном салоне. Оргазм? Да. Взаимоотношения? Нет.

Флосс печально смотрела на него.

– Бедный мой, – сказала она.

– Все нормально, мама, – ответил Марк.

Кингсленд-Хай-стрит Долстон
Северо-восток Лондона

Адаку Обиака оделась так, чтобы затеряться в толпе, и ей это удалось. Она стояла на своем посту, безымянная, незапоминающаяся, почти невидимая. Ее наблюдательный пункт располагался в арке входа кинотеатра «Рио», откуда тянуло запахом попкорна и кофе – «Странное сочетание», – по-

думала она, – заглушавшим ароматы, которые ветер приносил с противоположной стороны улицы. Там «Вкус Теннесси» изрыгал из себя миазмы вони: масло для жарки, куры, ребрышки и бургеры. Казалось, от этого запаха стал жирным сам воздух.

Она стояла здесь почти три часа, наблюдая за всей улицей и в особенности за отсутствием признаков жизни в нескольких подозрительных квартирах. Эти квартиры находились над бывшим магазином, торговавшим игрушками, играми и книгами, от которого осталась яркая фиолетовая вывеска с такими же яркими буквами двенадцати разных цветов. Магазин закрылся, и на его место никто не пришел, хотя на пустой витрине красовалось внушающее надежду объявление «Скоро открытие».

Закрытый магазин находился прямо между «Вкусом Теннесси» и магазином электронных сигарет «Вейп», и, как у всех торговых заведений на улице, у него было две двери. Через одну в магазин входили покупатели. Вторая, всегда запертая на ключ, предназначалась для жильцов верхних этажей. Интересующие ее квартиры можно было определить по шести окнам с ветхими рамами, по два на каждый этаж. В окнах верхнего этажа за выцветшими занавесками горел яркий свет. Окна третьего этажа, закрытые жалюзи, похоже, были темными. На втором этаже окна бесстрастно глазели на кинотеатр «Рио», отражая навес над входом, обещавший еще один усталый и мрачный мир, который должен возродиться

благодаря юной героине, предпочтительно с белой кожей и белокурыми волосами.

За все три часа, проведенные на посту, никто не вошел и не вышел через запертую дверь, которая вела к квартирам наверху. Но Адаку по секрету сообщили, что кто-то здесь обязательно появится, и эта перспектива удерживала ее здесь, несмотря на урчание в животе, настоятельно требовавшее ужина. Она потратила слишком много времени и сил на поиски «Клиники женского здоровья в Хакни». Конечно, можно прийти завтра и снова устроиться у входа в кинотеатр, но свет в окнах верхнего этажа говорил ей, что там кто-то есть. Остается лишь дождаться, когда они выйдут, даже если ждать придется до утра.

За то время, пока Адаку тут торчала, звуки улицы стали другими: болтовня пешеходов, детский плач и крики подростков на скутерах сменились ревом машин, пиликаньем скрипки, доносящимся из какой-то квартиры, мелодией, которую исполнял на аккордеоне уличный музыкант перед фотоателье «Снаппи Снапс», в нескольких шагах от букмекерской конторы «Пэдди Пауэр», – вне всякого сомнения, музыкант надеялся, что какой-нибудь удачливый игрок после выигранной ставки на скачках бросит ему несколько монет.

Адаку жалела, что не взяла с собой сэндвич. Или хотя бы яблоко и бутылку воды. Но она не думала, что нужно запасаться едой. Да и времени не было. Пришедшее на телефон сообщение «Она здесь» направило Адаку от станции метро

«Вест-Бромптон» к кинотеатру «Рио», и только еще одна эсэмэска может заставить ее уйти отсюда, пока она не увидит, как кто-то выходит из здания на другой стороне улицы.

Прошло десять минут четвертого часа наблюдений, и долгое ожидание наконец принесло плоды. Свет в окнах верхнего этажа погас, и через минуту открылась дверь, ведущая в квартиры над магазином игрушек. На улицу вышла женщина. В отличие от Адаку, она была одета по-английски, в обтягивающие брюки и тонкий свитер в красную и белую полоску, с вырезом «лодочка». Красная бейсболка, лихо сдвинутая на затылок, и большая хозяйственная сумка через плечо.

По всей видимости, в тот день женщина переодевалась для работы в одной из квартир наверху. Там она должна была выглядеть профессионально, чтобы внушать доверие клиентам. Ее одежда словно посылала безмолвный сигнал: *все будет хорошо*. «Отчаявшиеся люди, – подумала Адаку, неодобрительно качая головой, – готовы верить во все, что говорят им другие».

Женщина торопливо шла на север, в направлении железнодорожной станции. Значит, она живет не в этом районе. В таком случае Адаку нужно действовать быстро, пока объект не сел на поезд. Она перешла через дорогу и, ступив на тротуар, прибавила шагу. Довольно скоро поравнялась с женщиной, взяла ее под руку и сказала:

– Мне нужно с вами поговорить.

Губы женщины приоткрылись, приняв форму овала. Зву-

ки, которые слетели с этих губ, выдали уроженку Великобритании.

– Кто вы? Что вы хотите? – Она попыталась освободиться.

– Как я уже сказала, мне нужно с вами поговорить. Это не займет много времени, – ответила Адаку. – Мне назвали это место. «Клиника женского здоровья в Хакни», так?

– Как вы смеете приставать ко мне на улице? Что вы от меня хотите?

Адаку оглянулась, чтобы проверить, не слышит ли их кто-нибудь, и понизила голос.

– Мне назвали только место. Мой единственный шанс – подойти к вам. У меня нет номера телефона, по которому можно было бы позвонить. Поэтому или так, или никак. Вы поговорите со мной?

– О чем? Если вы хотите получить медицинскую консультацию прямо здесь, на тротуаре, то это явно плохая идея.

– Мне нужно всего пять минут вашего времени. Дальше по улице есть «Коста Кофе». Можно зайти туда.

– Вы что, плохо слышите? Я же сказала…

– У меня есть деньги.

– На что? Это взятка? Вы хоть отдаленно представляете, что говорите?

– У меня деньги с собой, в сумке, – сказала Адаку. – Я отдам их вам.

Женщина рассмеялась.

– Послушайте, вы и вправду такая тупая? Я же сказала,

что не знаю вас и что не собираюсь обсуждать медицинские вопросы на улице.

– У меня с собой пятьдесят фунтов. Потом могу принести больше. Сколько скажете.

– Сколько скажу, да? – Женщина долго разглядывала Адаку, посмотрела налево, потом направо, пытаясь понять, не подстава ли это. Потом вздохнула. – Ладно. Отлично. Покажите мне эти пятьдесят фунтов.

Адаку сунула руку в висевшую у нее на плече сумку, больше подходившую для похода в магазин, чем для надежного хранения личных вещей, и достала конверт, мятый, с пятнами кофе. Открыв конверт, вытащила деньги, и женщина быстро схватила их. Для пятидесяти фунтов не нужно много купюр, но женщина тщательно их пересчитала. Потом подняла голову и отрывисто сказала:

– Пять минут. Если вам понадобится больше пяти минут моего времени, это будет стоить еще двести пятьдесят.

«Интересно, – подумала Адаку, – как ей собрать двести пятьдесят фунтов, сохранив в тайне свои планы? И что она получит взамен?» Ей нужен был только допуск в святилище над бывшим магазином игрушек.

– Что я получу за эти триста фунтов, которые дам вам?

Женщина нахмурилась.

– Получите? – переспросила она. – Я понятия не имею, о чем вы.

– Эти деньги – аванс?

– За что? Это женская консультация. Мы помогаем женщинам заботиться о своем здоровье. Нам за это платят. Когда будут деньги, приходите. И принесите медицинскую карту.

– Зачем она вам?

– Вам же нужны медицинские услуги, да? Разве не об этом речь? Или есть другая причина?

– Дело в таком большом авансе.

– Ну, с этим я не могу вам помочь. Таковы правила.

– Но вы гарантируете…

– Послушайте меня. Вы уже использовали свои пять минут, и здесь, на тротуаре, мы больше ни о чем говорить не будем. Вы дали мне пятьдесят фунтов. Можете дополнить их до трехсот, когда у вас будут деньги.

Адаку почувствовала, как по спине сбегает струйка пота, до самой талии. Она кивнула.

– Я не знаю ваше имя.

– Вам и не нужно. Вы же не выписываете мне чек.

– А как тогда мне вас называть?

Женщина колебалась. Верить или не верить? Наконец она решилась. Достала из сумочки визитную карточку и протянула Адаку.

– Эстер, – наконец сказала она. – Эстер Ланж.

25 июля

Мазерс-сквер Нижний Клэптон
Северо-восток Лондона

Марка Финни разбудил голос Пьетры. «Милый, милый, милый», – шептала она, и эти слова проникали в его сон: ее тело, наконец ставшее податливым, под ним, а он настолько возбужден, что чувствовал тянущую боль в паху. Но сбросив остатки сна, Марк понял, что причиной боли была всего лишь утренняя эрекция, а слова Пит доносились из детского монитора – она разговаривала с Лилибет в соседней комнате. Он лежал на боку, укрытый одной простыней – тонкое одеяло было сброшено ночью из-за неослабевающей жары, – и слушал тихое пение Пит. У нее был талант превращать все в песню. Мелодия всегда была новой, а рифмы она придумывала на ходу.

По звукам, доносившимся из динамика, он мог определить, чем занята Пит: меняет Лилибет кислородный баллон, после чего проверит подгузник. Марк лежал, пока не началась «песня подгузника», потом отбросил простыню и встал. Пит весело пела: «Ой какие мы грязные, ой как пахнет, да, да, да…»

Марк не мог сдержать улыбку. Он восхищался женой. Ее

преданность Лилибет ни на секунду не ослабевала на протяжении всех десяти лет жизни девочки. Она была внимательной, умелой и все время старалась помочь дочери, сделать ее жизнь более разнообразной, чем та, на которую ее обрекли неудачные роды. У него на сердце скребли кошки, когда он думал о том, насколько сам предан девочке.

Звякнул лежавший на прикроватной тумбочке телефон. Сообщение от Поли: «Может, вечером по пивку, Бойко?» Интересно, что брат подразумевал под «пивком»? «Должен быть здесь. Но спасибо», – ответил он. Поли прислал эмодзи – поднятый вверх большой палец.

Марк слишком долго смотрел на экран смартфона. Потом понял: верни он телефон на тумбочку, ничего не случилось бы. Мысли не увели бы его в опасном направлении, и он избежал бы искушения. Но он промедлил. И они не замедлили явиться – мысли и искушение. Марк пролистал список контактов до трех номеров без имени. Потом набрал сообщение: «Думаю о тебе». И стал ждать ответа, хотя, наверное, еще рано. Но через минуту телефон тренькнул снова, и Марк увидел присланную ссылку. Он нажал на ссылку и услышал их песню, прекрасно осознавая безумие даже мысли о том, что у них есть своя «песня». Разве что… этот рефрен попадал в точку – «Нет, я не хочу влюбляться… в тебя». Голос был таким глубоким и нежным, что песня больше походила на медитацию.

Марк понимал, почему она отправила ему эту запись. Ду-

ша у нее болела, как и у него, и их страдания отражали абсолютную безнадежность ситуации. Он закрыл глаза и слушал песню, прижав телефон к уху. И размышлял над ответом, когда услышал голос жены.

– Это по работе, Марк? – спросила Пьетра с порога спальни.

Он повернулся к ней и увидел, что она уже давно встала, потому что была полностью одета: синие джинсы, кроссовки без носков, белая футболка. Марк называл это ее униформой, которая менялась только в прохладную погоду – белая футболка сменялась белой рубашкой, обычно с закатанными рукавами. Марк уговаривал ее купить что-нибудь новое, другое, но в ответ всегда слышал одну и ту же фразу: «Ничего другого мне *не нужно*, милый». Скорее всего, так оно и было, потому что Пит редко покидала квартиру, да и то с Лилибет в тяжелом инвалидном кресле, за спинкой которого был установлен кислородный баллон. Если речь заходила о том, чтобы поужинать в ресторане или сходить в кино – вдвоем, ведь Грир может побыть с Лилибет пару часов, правда? – ответ тоже был всегда одинаковым: «Я не могу ее просить, Марк, она и так очень много делает».

– Марк, это по работе? – повторила Пьетра, и он понял, что в первый раз не ответил.

– Сегодня встреча в Вестминстере. – Это было правдой, но он предпочел объяснить: – Кто-то думает, что я нуждаюсь в напоминаниях.

Пит ласково улыбнулась.

– Будет трудный день, да?

Когда она повернулась, чтобы выйти из комнаты, Марк увидел пятно от подгузников Лилибет на футболке. Окликнув жену, он кивком указал на грязь.

– Боже, какой ужас! – со смехом воскликнула Пит и поспешила в ванную, чтобы застирать пятно.

По детскому монитору он слышал, что происходит в спальне Лилибет. Она нажимала кнопки мобильного телефона, висевшего над ее кроватью. Через секунду включился телевизор. Девочка испуганно вскрикнула.

– Я за ней присмотрю, – крикнул Марк жене, схватил брюки и пошел в спальню дочери.

Комнату следовало проветрить, и он открыл окно. Мазерс-сквер имела овальную, а не прямоугольную форму и напоминала очень дешевую копию улицы под названием Королевский полумесяц в Бате. У одной из машин, припаркованных в центре овала между беседками, затарахтел двигатель, и из дома выскочила миссис Невилл, размахивая коробкой для ланча, забытой мужем. Она подбежала к машине, стекла которой были опущены, потом вернулась в дом, придерживая халат у горла.

Марк отвернулся от окна. Почти все пространство комнаты занимали больничная кровать, громоздкое инвалидное кресло Лилибет, кислородные баллоны, комод и старое кресло-качалка его отца – повернуться тут было практиче-

ски негде. Свободное место занимали упаковки подгузников, ведро для использованных подгузников и всякие аксессуары для ухода за младенцами. Вот только Лилибет была не младенцем, а ребенком, который все время рос, – единственная постоянная величина в жизни ее родителей. Она не говорила, хотя могла видеть и слышать. Она не ходила, хотя могла двигать ногами. Марк понятия не имел, понимает ли она его, когда он говорит с ней, и поэтому каждый день удовлетворялся тем, что она, похоже, его узнавала.

Когда он подошел к кровати, Лилибет замычала. Он склонился над дочерью и вытер ей лицо чистой салфеткой.

– Поднять? – спросил Марк, и из ее горла вырвались булькающие звуки. Он поднял спинку кровати. – Какие планы на сегодня, малыш? День рождения? Поход в зоопарк? В музей мадам Тюссо, посмотреть восковых людей? В библиотеку? В магазин за нарядным платьем? Девочки в твоем возрасте устраивают вечеринки на день рождения. Тебя уже приглашали? А кого ты хотела бы пригласить на свой? Эсме? Она бы с удовольствием пришла.

Нечленораздельные звуки в ответ. Он заправил ей за уши тонкие волосы и позволил себе помечтать. Это гораздо приятнее, чем думать о будущем. Мечты были грустными – впрочем, как всегда. Мысли о будущем пугали.

– Мне очень жаль. – В дверях стояла Пит, прижимая полотенце для рук к тому месту на футболке, где было пятно.

Марк перевел взгляд на жену и по ее лицу понял, что она

слышала его слова, обращенные к дочери.

– В этом никто не виноват, – сказал он.

– Только она – не «это». Во всяком случае, для меня.

Марк выпрямился.

– Ты же знаешь, что я не имел в виду Лилибет.

Пьетра посмотрела на дочь, потом на мужа.

– Знаю, – признала она и опустила руку, плечи ее поникли. – Прости. Иногда мне просто хочется сказать какую-нибудь гадость. Не понимаю, откуда это берется…

– Тебе тяжело. Ты измучилась.

– Это ты измучился. Я утратила то, что ты во мне любил.

– Неправда, – возразил Марк, хотя они оба знали, что она права. – Нам выпал трудный путь, Пит. Вот и всё. Никто не виноват.

– Я бы не винила тебя, даже если бы было за что. – Она вошла в комнату, встала рядом с ним у поднятого поручня больничной кровати, накрыла ладонью его пальцы и посмотрела на дочь. Лилибет как будто изучала их, хотя взгляд у нее был несфокусированным. «Интересно, что она видит?» – подумал Марк. – Мы обе висим на тебе тяжким бременем.

Он слышал эту фразу уже много раз. Ответить на нее можно было сотней разных способов, но Пьетра хотела слышать только один.

– Не знаю, что я делал бы без двух моих девочек, и больше не будем об этом, ладно?.. Ты завтракала?

– Нет еще.

– Может, что-нибудь поедим?

Ее взгляд автоматически переместился на дочь. Марк подавил раздражение и постарался, чтобы голос его звучал как можно мягче.

– Она может побыть одна пятнадцать минут, Пит. Ночью ты оставляешь ее дольше, – сказал он и тут же подумал, что совсем ненамного. Пит вставала к дочери всю ночь, страшась мысли, что Лилибет перестанет дышать, пока ее мать спит, хотя в этом случае включился бы сигнал тревоги и они могли бы дать девочке кислород.

– Я побуду с ней. Иди завтракать. Я скоро приду.

Марк знал, что несколько минут назад, прежде чем выйти из комнаты, она уже проверяла состояние дочери, но ничего не сказал. Пит ничего не могла с собой поделать. Она должна была что-нибудь записать – все равно что – на планшете в изножье кровати. Сам он не взглянул на записи, когда входил в комнату, а направился прямо к окну, но в этом не было необходимости. Планшет – памятник ответственности Пит и ее чувству вины за то, что случилось с их дочерью. Хотя она ни в чем не виновата. Она была виновна лишь в том, что являлась человеком, хотела самого лучшего для Лилибет, для их брака, для него. Тот факт, что все это почти достижимо, – просто гримаса судьбы.

Он послушно пошел на кухню, достал три пакета с кашами и выбрал один наугад. Потом вытащил из холодильника молоко. Аппетита не было, но Марк знал, что должен поесть.

В противном случае Пит использует это как предлог, чтобы не есть самой. А ей, бог свидетель, нужно хорошо питаться. Она и так уже похожа на скелет.

Он ел стоя, прислонившись к сушилке, и слушал, как Пит объясняет Лилибет, куда идет мама, как долго будет отсутствовать и чем они займутся потом.

– Мама собирается тебя искупать, милая, устроить настоящую ванну. Я вымыла тебя, но, когда ты так какаешь, этого недостаточно. Ты знаешь, родная, что я имею в виду. – Разумеется, Лилибет не знала и никогда не узнает… и что, черт возьми, они будут делать, когда она войдет в подростковый возраст, потому что…

Звякнул мобильный. Марк взглянул на сообщение. *Тяжелое утро?*

Немного, ответил он.

Ответ пришел не скоро. *Сочувствую. Мое сердце с тобой*.

Но ему этого было мало. Он хотел ее всю, хотел жизнь, которую они могли бы с ней иметь, будь это возможно. *До скорого*, только и смог ответить он.

Скоро – это максимум, что она была готова ему дать.

– Теперь Поли? – спросила появившаяся в дверях Пьетра. «Интересно, – подумал Марк, – что она прочла на лице?» Жена улыбалась. Искренне или притворно? Теперь он уже не понимал. – Наверное, приглашал выпить пиво после работы?

– Ага. Что еще от него ждать?

– Иди. Я тут сама справлюсь. Вечером все равно придет

Грир. Попрошу ее принести какой-нибудь китайской еды.

– Я и так почти не бываю дома.

– Вовсе нет. Ты должен заботиться о себе, Марк. Ты не сможешь заботиться о нас, если махнешь рукой на себя.

– Ну да, кто бы говорил…

– Я в полном порядке.

А вот это неправда. Они оба знали, как давно она не в порядке.

– Ладно… может, часик. Всего час, – сказал он.

– Не меньше двух, – возразила Пит.

Челси Юго-запад Лондона

Дебора Сент-Джеймс подтащила стул к сооружению, совмещавшему функции разделочной доски и стола, в центре кухни в подвале дома и стала медленно просматривать первую порцию портретов, сделанных в «Доме орхидей», чтобы выбрать те, которые лучше всего отображали характеры персонажей. Время от времени она записывала номер в блокнот, а также отмечала на длинной распечатке, над которой работала последние несколько дней. За ее спиной отец гремел посудой, готовя завтрак, а на рабочей поверхности рядом с плитой телевизор передавал утренние новости. «Интересно, – лениво подумала Дебора, – почему слово «новости» в приложении к телевизору обычно означает, что случилось что-то плохое?» На кухне появился ее муж в сопро-

вождении Аляски, их большого серого кота. В углу в своей корзине дремала Пич – готовилась клянчить бекон, – но, почувствовав присутствие кота, подняла голову и прищурилась.

– Даже не думай, – предупредил таксу Саймон, когда Аляска плавно – как умеют только кошки – продефилировал мимо ее корзины, помахивая хвостом, словно это был флаг на параде спортсменов-олимпийцев.

Пич зарычала.

– Он ее провоцирует, Саймон, – сказала Дебора. – Сам посмотри.

– Сиди на месте, – приказал он собаке. Потом поднял кота с пола и переместил к двери в сад. Аляска выскользнул в отверстие с клапаном, запрыгнул на внешний подоконник и с мрачным видом стал смотреть на кухню.

– Эй вы, как готовить яйца? – спросил Джозеф Коттер.

– Мне сварить, – ответила отцу Дебора.

– Боюсь, у меня уже нет времени, – сказал Саймон.

– Что значит «нет времени»? – удивился Коттер. – В такой ранний час? Еще и половины седьмого нет. И мы не занимались твоей ногой.

Дебора посмотрела на отца. С нерегулярным питанием Саймона он еще мог примириться, но не с пропуском сеанса массажа для восстановления атрофированных мышц его поврежденной ноги.

– Сегодня не получится.

– Куда это ты в такую рань?

– В Миддл-Темпл. Встреча. Мне жаль.

Коттер хмыкнул. Саймон подошел к Деборе и посмотрел на фотографию, которую она изучала.

– Прекрасный снимок.

– Ты мой муж и обязан считать его прекрасным, – ответила она.

«…не вернулась домой на северо-востоке Лондона, и есть опасения…»

Дебора и Саймон повернулись. Коттер пультом включил звук телевизора, на экране которого появилась фотография хорошенькой девушки-мулатки – почти ребенка – с золотыми сережками-гвоздиками в ушах и волосами в мелких кудряшках. Школьная форма и проказливая улыбка. Внизу экрана бежала строка: *Болуватифе Акин – пропала – Болуватифе Акин – пропала*.

– Что это, папа? – спросила Дебора.

Коттер отмахнулся от нее, а диктор тем временем продолжил: «…не вернулась из культурного центра йоруба, где посещала курсы по вязанию. Она – дочь барристера Чарльза Акина и доктора Обри Гамильтон, анестезиолога, тесно сотрудничающего с «Врачами без границ». Их дочь – друзья и родные называют ее Болу – последний раз видели на входе в станцию метро «Гантс-Хилл» в компании двух подростков, мальчика и девочки. Система видеонаблюдения зафиксировала их на станции метро и второй раз, в поезде, направляв-

шемся на запад. Они не доехали до станции «Илинг-Бродвей», и в данное время полиция просматривает записи с видеокамер всех предыдущих станций. Можно поставить кадры, которая есть в нашем распоряжении?..»

На экране телевизора появилась запись системы видеонаблюдения со станции «Гантс-Хилл». Как всегда, очень зернистая. И, как всегда, узнать людей мог только тот, кто хорошо их знал. За ней последовали еще одни кадры такого же плохого качества, на которых три человека – по всей видимости, те же самые – стояли рядом в вагоне поезда. Девочка между двумя подростками. Не похоже, чтобы ее вели силой, но качество фильма не позволяло сделать однозначный вывод.

Диктор заключил свое сообщение просьбой: «Всех, кто обладает информацией о местонахождении Болу Акин, просим позвонить в полицию Большого Лондона по номеру, который появится на экране. Ее родители – мистер Чарльз Акин и доктор Обри Гамильтон – надеются, что она вернется целой и невредимой».

На экране появилась пара – черный мужчина и белая женщина; они стояли на пороге дома, по всей видимости своего. Женщина держала рамку с фотографией девочки, одетой в красный джемпер и полосатую летнюю юбку. Мужчина одной рукой обнимал жену. На их лицах отражались страх и волнение.

«Пожалуйста, не причиняйте ей вреда, – сказала Обри Га-

мильтон. – Она наш единственный ребенок. Она молода и невинна. Мы сделаем все, чтобы ее вернуть. Пожалуйста, свяжитесь с полицией. Все, кто хоть что-нибудь знает, *пожалуйста*, позвоните в полицию».

Затем камера переключилась на двух постоянных комментаторов программы, восседавших на ярко-синем диване. Коттер выключил звук.

– Никогда тебе не говорил, – он обращался к Деборе, – но каждый раз, когда ты уходила в школу… Я волновался, что с тобой может что-то случиться, что-то в этом роде.

– А что со мной *вообще* могло случиться? – ответила Дебора. – Ты провожал меня в школу, а в конце дня – из школы. Если кто-то хотел добраться до меня, ему пришлось бы стукнуть тебя по голове клюшкой для поло.

– Не вижу ничего смешного, девочка. А потом ты поехала в школу фотографии в Америке, хотя могла остаться здесь, в Лондоне. Знаешь, *как* я тревожился? Ты поехала в страну, где, чуть что, хватаются за пистолет. Могло случиться все что угодно. Поэтому я волновался – как и девяносто процентов остальных родителей.

Дебора не спросила, что это за оставшиеся десять процентов, и не упомянула о том, что вряд ли ей когда-нибудь придется иметь дело с родительской тревогой, как бы она ни желала такой возможности.

– А теперь появились торговля детьми и извращенцы на улицах, – продолжил Коттер. – Если хочешь знать мое мне-

ние, это уродливый мир, и он становится все уродливее.

– На этой необыкновенно оптимистичной ноте, – вставил Саймон, – я удаляюсь. – Он поцеловал Дебору в лоб и повернулся к двери.

Она схватила его за руку.

– Береги себя, пожалуйста.

Он поцеловал ее в губы.

– У тебя вкус шоколада.

– Папа уже сходил в булочную. Французская булочка с шоколадом. Ты же знаешь, что раз в неделю она мне просто необходима. За нее я могу убить.

– Будем надеяться, что до этого никогда не дойдет. – Саймон снова поцеловал ее и направился к двери в сад.

– Палтус на ужин? – крикнул Коттер ему вслед.

– Можно накрыть стол в саду, под деревом, – прибавила Дебора.

– Пич, вне всякого сомнения, будет очень довольна, – ответил Саймон.

Он вышел, и они слушали его шаги на ступеньках. Пройдя через сад, Саймон выйдет в калитку, чтобы добраться до гаража на Лордшип-плейс. Там стояла любовь его жизни: старинный «Эм-джи Ти-Ди Миджет»[2], переделанный под ручное управление.

– Хорошо бы ему избавиться от этой машины, – сказал Коттер.

---

[2] Модель родстера британской автомобильной фирмы MG.

– С чего бы это? – удивилась Дебора, снова рассматривавшая портреты.

– Безопасность, – пояснил ее отец. – Еще одна авария ему ни к чему. Хватит и первой. И мне не нравится, когда он пропускает массаж.

– Гм… Знаешь, если это самое серьезное из твоих переживаний, то тебя можно назвать счастливым человеком.

– А как насчет тебя, девочка?

Дебора задумалась, склонив голову набок.

– Полагаю, я сама кузнец своего счастья.

Отец поставил перед ней яйца, бекон и тост. Пич выбралась из своей корзинки и подошла, энергично виляя хвостом.

– Я знаю, что сделает счастливой *ее*, – сказал Коттер.

– Не вздумай, – предупредила его Дебора.

Рынок на Ридли-роуд Долстон
Северо-восток Лондона

Когда Монифа свернула на Ридли-роуд, солнце стояло в зените. Тротуар был таким горячим, что она чувствовала жар через подошвы сандалий. По пути от Мейвилл-Эстейт ей попадались ямы, закатанные асфальтом, который стал мягким под палящими лучами солнца. Воздух был неподвижным, на небе ни облачка. На рынке вращалось несколько электрических вентиляторов, и их лопасти проплывали над соседними

прилавками. Но облегчение они приносили только тем, кто находился прямо перед ними, в промокшей от пота одежде.

Несмотря на жару, прилавки и тележки сверкали яркими красками: красные перцы, зеленые плантаны[3], желтые бананы. Ряды пирамид из томатов и ямса были похожи на удаленные аппендиксы, сверкающие баклажаны казались искусственными. Клубника, черника, листовые овощи. В воздухе смешивались разнообразные ароматы: куркума и чеснок, гвоздика и петрушка, ладан и потроха. Здесь можно было найти пальмовое масло и пакетики *фуфу*: мука, плантан, маниока и ямс. Мясо продавалось в мясных лавках, как у Абео, и на открытых прилавках: любое, какое только душа пожелает. Коровьи голяшки? Отлично. Голова козленка? Есть. Рубец, сердце, печень, почки? Пожалуйста. Только покажите пальцем, вам его тут же завернут – и сегодняшний ужин почти готов.

На рынке также располагались прилавки с готовой едой, где предлагали клешни крабов, рис и цыплят. Всё с жареной картошкой и всё по одной цене – пять фунтов.

И еще музыка. Она была такой громкой, что при необходимости поговорить приходилось кричать или нырять в лавку и закрывать за собой дверь. Лавки занимали обе стороны улицы, сразу за прилавками: «Продукты из Ганы», «Бобото из Конго», «Товары из Африки», «Африканские прически от Роуз Эбезенер». Здесь предлагали самые разные товары

---

[3] *Плантан* – кормовой сорт банана.

и услуги: выщипывание бровей, восковую эпиляцию любой части тела, модную одежду. В булочной можно было купить индийскую лепешку наан, а в мясных и рыбных лавках – любое мясо и рыбу.

Семисолу обычно можно было найти в кондитерской «У Маши», занимавшей весь верхний этаж здания, на первом этаже которого располагался мини-маркет. Здесь она зарабатывала деньги, чтобы внести вклад в семейный бюджет: готовила все необходимое для курсов по украшению тортов, а потом все убирала и мыла. Остановившись у кондитерской, Монифа увидела, что занятий сегодня нет, и тогда она направилась к лавке «Головные уборы от Талату», расположенной в самом центре рынка. Тут Сими тоже подрабатывала, снабжая Талату готовыми тюрбанами разных фасонов и стилей. Монифа знала, что повседневные тюрбаны не выходят из моды весь сезон. Несколько клиентов даже сделали особые заказы, сообщила ей Талату: еще два готовых тюрбана с изображениями львов и три из ткани с лилиями.

«Сими была здесь, – подтвердила Талату. – Забрала деньги и пошла в сторону парикмахерских».

– Хочет боб с косичками, так она мне сказала. Копит деньги на наращивание. Загляните в «Кхоса бьюти». Я видела ее там на прошлой неделе.

Именно туда и направилась Монифа, и именно там она нашла Симисолу. И двух парикмахеров. Мулатка с длинными мелкими косичками, собранными в «конский хвост», вы-

дувала пузыри из жвачки. На ней была узкая прямая юбка красного цвета и блузка с очень глубоким вырезом. Другой парикмахер – «Слава богу, тоже женщина», – подумала Монифа – была чистокровной африканкой, в замысловатом ярко-оранжевом тюрбане и широкой тунике дашики из ткани в мелкий рисунок. Под туникой у нее были широкие штаны контрастного цвета, на руках деревянные браслеты, которые гремели при каждом движении, и четыре нитки бус. Монифе она показалась приличнее, чем та, другая, если не обращать внимания на макияж – в том числе накладные ресницы и темно-красную помаду. Не отрываясь от работы, она прихлебывала из стакана какой-то напиток, похожий на шампанское.

Это было царство хаоса и запахов. Источником хаоса служили два рабочих места за стеклянной перегородкой, конторка с кассой, окна, практически полностью заклеенные рекламой, и десятки фотографий с прическами, причем каждая следующая была более замысловатой, чем предыдущая. Запахи исходили не только от используемых косметических средств, но и от рыбы на прилавке, располагавшемся рядом с дверью «Кхоса бьюти». Торговец рыбой все время сыпал лед на свой товар, но, похоже, быстро проигрывал битву с жарой.

Сими не отрывала глаз от женщины в красной юбке и не видела стоявшую в дверях мать, пока та не окликнула ее, прибавив:

– Талату сказала мне, где тебя искать. Что ты тут делаешь?

Сими повернулась к двери и радостно завопила:

– Мама!

– Что ты тут делаешь, Сими? – повторила вопрос Монифа. – Если у Маши для тебя нет работы, ты должна идти прямо домой.

– Мне нравится смотреть. Я коплю на наращивание волос, мама. Тиомбе сделает мне боб… Вот, давай покажу тебе цвета. Они такие красивые!

Похоже, Тиомбе звали мулатку с «конским хвостом». Она кивнула Монифе и обменялась взглядом с другим парикмахером; смысл этого взгляда Монифа не поняла – да и не хотела. Сими схватила образцы для наращивания волос с вплетенными цветными нитями и показала матери розовый.

– Видишь? Правда, красиво?

– Ты должна поговорить об этом с отцом, – сказала Монифа. Увидев изменившееся лицо девочки, она постаралась смягчить тон, в то же время прекрасно понимая, что не стоит и надеяться, что Абео одобрит желание дочери. – Пойдем со мной, Сими. Нам нужно поговорить.

– Но иногда Тиомбе разрешает мне помочь, мама…

– Сегодня не получится. Идем.

Сими бросила взгляд на Тиомбе, которая наклонила голову в сторону двери. Второй парикмахер кивнула Монифе и сказала:

– Приятно было…

Но Монифа уже вышла за порог, и Сими последовала за

ней. Они прошли через рынок, миновав магазинчик Талату, потом мясную лавку Абео с рыбным прилавком снаружи, затем кондитерскую Маши и вышли на Хай-стрит. Здесь Монифа остановилась. Она не подумала заранее, куда отвести Сими для разговора, – просто отправилась ее искать.

Монифа посмотрела налево, потом направо, отвергнув торговый центр и остановив свой выбор на «Макдоналдсе». Она редко сюда заглядывала, но день был таким жарким, что любое помещение с кондиционером казалось раем. Женщина повела дочь внутрь, к столику в глубине зала, подальше от разговоров посетителей, заказов, выкрикиваемых номеров и стука касс. Лицо Сими выражало удивление. Она знала, что мать ни за что не привела бы ее сюда без крайней необходимости. В это заведение ее семья никогда не заглядывала – по крайней мере, в те редкие случаи, когда они куда-то выходили все вместе. Естественно, сама Сими съела тут не один кусок яблочного пирога, когда раньше гуляла с Тани.

Монифа спросила дочь, что она хочет. Сими удивленно заморгала. И прикусила губу, показав два передних зуба. Потом спросила, можно ли ей чизбургер. Когда Монифа кивнула, Сими добавила к чизбургеру картофель фри и колу.

Монифа отправилась делать заказ и вернулась к столу со стопкой бумажных салфеток. Достав из сумки баллончик с дезинфицирующим средством, она щедро побрызгала поверхность стола и вытерла салфетками. Потом вскрыла пакет влажных салфеток, одной протерла стулья, второй – руки, а

третью протянула Сими. Довольная собой, кивком указала на стулья, и они обе сели.

Монифа скрестила руки на груди и задумалась, с чего начать. Может, лучше дождаться еды? «Нет, – решила она, – разговор предстоит долгий, и нужно приступать». Говорила она очень тихо.

– Тебе скоро исполниться девять. Что ты знаешь о том, как становятся женщиной, Сими?

Девочка нахмурилась. Этого она явно не ожидала. Перевела взгляд на улицу, потом снова посмотрела на Монифу.

– Мама Лим рассказала ей о детях, а Лим – мне.

Монифа почувствовала, как по спине пробежал холодок. Лим, единственная нигерийская подруга Сими в Мейвилл-Эстейт, была на четыре года старше. Они с дочерью не говорили о Лим уже несколько недель.

– Что сказала Лим?

– Что девочка не может иметь детей, пока не станет женщиной и мужчина не вставит ей куда-то свою штуку. Мы с Лим так и не поняли, куда именно, но Лим сказала, что дети выходят из живота женщины, и тогда я сказала, что мужчина, наверное, вставляет свою штуку ей в рот, потому что так в живот попадает еда.

– А Лим говорила, что уже стала женщиной?

Сими покачала головой, но выглядела заинтригованной, и это было очень хорошо.

– Поэтому она едет на летние каникулы к бабушке? –

спросила девочка. – Она же вернется домой, правда?

– Я не знаю, а ее мать не говорила. – Ничего другого Монифа сказать не могла. – Но я точно знаю, что у Лим начались крови, и в ближайшем будущем у тебя тоже начнутся. Это значит, что ты стала женщиной.

– Крови? – переспросила Сими. – Значит, у Лими шла *кровь*? Но как…

Выкрикнули их номер, и Монифа пошла за едой для Сими. Себе она ничего не купила – такая еда ей не нравилась. Опустив поднос на стол, выставила все блюда перед дочерью на три бумажные салфетки, служившие дополнительной защитой от уже протертой поверхности. Потом кивнула Сими, чтобы та приступала. Девочка взяла ломтик картошки и откусила.

Монифа говорила тихо, наклонившись к Сими так, чтобы никто не мог их услышать. Лучше бы поговорить об этом дома, но она не могла рисковать.

– Когда у девочки появляется кровь между ног, – а это происходит каждый месяц, когда она становится женщиной, – ее тело говорит ей, что она готова.

– К детям?

– Да. Но *до того*, как появятся дети, она готовит себя, чтобы растить их, и готовит себя для мужчины, который засеет их в нее.

Сими взяла чизбургер, но вместо того, чтобы укусить, сказала:

– Мама, я не хочу детей. Не сейчас. Правда, мама. Не хочу.

– Конечно, не сейчас, – согласилась Монифа. – Это происходит гораздо позже, после того, как девушка объявит, что чиста и непорочна. В Нигерии это обычно происходит в ее деревне. Но для нас… для нашей семьи… все гораздо сложнее.

Сими наконец откусила чизбургер, но сначала успела спросить:

– Сложнее? Почему, мама?

– Мы живем вдали от деревни своего племени и поэтому должны заявить о себе как о йоруба. Это делается с помощью обряда инициации. Затем, после церемонии, ты сможешь встретиться со своими тетями, дядями, двоюродными братьями и сестрами.

Сими нахмурила свой маленький лоб, размышляя.

– Ага, – наконец сказала она. – Ты хочешь сказать, что я должна быть настоящей йоруба, чтобы познакомиться с ними.

– Да, именно это я имела в виду.

– Поэтому мы никогда не встречаемся с нашими родственниками из Пекхэма, да, мама? Потому что я еще не член племени? А ты разве нет? А папа? А Тани?

– Все мы – члены племени, потому что родились в нем. Это все меняет. А что касается Пекхэма, то мы поедем туда в гости, когда ты станешь чистой. Хочешь, Сими? Двоюродные сестры будут рады.

– Очень хочу!

– Это произойдет, когда ты будешь готова. – Монифа спрятала выбившуюся прядь волос дочери под шарф, который служил Сими головным убором. – Будет большой праздник. Ты станешь почетной гостьей, и люди придут, чтобы отпраздновать твое превращение в женщину, принесут подарки и деньги. Но только когда ты будешь готова.

– Я готова! – воскликнула Сими. – Мамочка, я готова!

– Тогда мы всё устроим. Но мы с тобой, Сими… Мы должны держать это в тайне, пока все не будет организовано – куплена одежда, заказан торт, выбрана еда. Это сюрприз для твоего отца, для Тани и для всех, кто с тобой еще не знаком. Ты сможешь сохранить этот секрет?

– Смогу! Смогу!

27 июля

Мейвилл-Эстейт Долстон Северо-восток Лондона

Тани узнал об «инициации» Сими от самой Сими в тот же вечер, когда Монифа сообщила об этом дочери. Он не понял, о чем идет речь, и поэтому особо не прислушивался к ее болтовне, но на следующий день она буквально вывалила на него новую порцию информации. И первым делом заставила его дать клятву, что он будет хранить тайну.

– Потому что я не должна *никому* рассказывать.

Но все произойдет очень скоро, сказала сестра, потому что теперь она – по ее собственным словам – «почти стала женщиной». Сими точно не знала, *когда* будет церемония, и не могла вспомнить все, что говорила мама, но инициация *точно* будет – «Это церемония, Тани», – и на праздник придет много народу. Ей принесут подарки, всем предложат еду и напитки, будет музыка, а может, и танцы. Они с мамой пойдут на рынок на Ридли-роуд, чтобы выбрать подходящую одежду, сообщила она брату. А еще мама обещала, что она – Сими – все будет выбирать *сама*.

– Она мне сказала, что у тебя не было инициации, – сказала сестра, и именно в этот момент Тани насторожился и стал слушать внимательнее. – Она сказала, что если кто-то рож-

дается здесь, как ты, то автоматически становится йоруба. И это печально, потому что у тебя, наверное, не было праздника, правда?

Тани никогда не слышал, чтобы слово *инициация* употреблялось в связи с Нигерией. Он спросил, что, черт возьми, она имеет в виду, и Сими изложила подробности своего разговора с матерью. Подробностей было много, и б*о*льшая их часть выглядела полной чушью: не считаться йоруба, если ты родился не на нигерийской земле, превращение в чистую и непорочную женщину, не видеть родственников из Пекхэма, потому что нужно быть чистым и принятым в племя, чтобы познакомиться с ними… Все эти проблемы разрешит церемония, за которой последуют вечеринка и новая одежда. И, разумеется, не будет никаких детей, пока она не готова… Когда сестра закончила свой рассказ, Тани показалось, что его голова набита ватой.

Как бы то ни было, он решил пока ничего не говорить матери. Нужно подождать и посмотреть, как – и если – будет развиваться эта странная ситуация. Но долго ждать не пришлось.

На следующий день после разговора с Симисолой Тани, работавший в «Товарах из Африки», увидел мать и сестру, бродивших по рынку на Ридли-роуд. Монифа приходила на рынок за африканскими продуктами, которые не могла купить в ближайшем супермаркете, а Сими часто приносила головные повязки и тюрбаны для магазинчика Талату. Но ве-

чером, когда сестра – подпрыгивая от возбуждения на своей кровати – объявила, что они с мамой «начали готовиться», их поход на рынок предстал перед ним в ином свете.

– Давай я тебе покажу, давай я тебе покажу, давай я тебе покажу, – пропела она.

Он лежал на кровати в наушниках и слушал Идриса Эльбу[4], читавшего «Отходную молитву». В конце концов Сими удалось завладеть его вниманием. Это была уже концовка романа, и Тани, недовольный, что ему мешают, раздраженно сказал:

– Эй, Пискля, я слушаю. Разве ты не видишь?

Увидев обиженное лицо сестры, он сразу почувствовал себя виноватым. Так было всегда.

– Ладно, прости, – извинился Тани и снял наушники. – Чего тебе?

– Я хотела кое-что рассказать и показать. Это правда здорово, Тани. Ты не пожалеешь.

Он положил наушники на прикроватную тумбочку рядом с айпадом.

– Давай, рассказывай и показывай. Я в твоем распоряжении.

Сими достала из своей части общего платяного шкафа две хозяйственные сумки и вывалила их содержимое на кровать. Получилась пестрая куча.

---

[4] *Идрисса Акуна «Идрис» Эльба* (р. 1972) – британский актер кино и телевидения.

– Это большой секрет. Я пообещал маме. А вот это я тебе могу показать, – щебетала она. – Посмотри, Тани. Посмотри, что мама мне купила. Все такое красивое!

Он сел на кровати, спустил ноги на пол и подошел к сестре, перебиравшей лежащие на кровати вещи. Увидел среди них две головные повязки, три широкие цветные юбки, четыре яркие блузки и кучу африканских украшений: ожерелья из дерева и бусин, серьги из семян и стручков, браслеты, две костяные броши. Первой его мыслью было: что за дерьмо? За первой пришла вторая: почему эта хрень предназначена для взрослой женщины?

Недоумение его усилилось, когда Сими вывалила на кровать кучу румян и кистей для их нанесения. Господи, зачем ей накладные ресницы? А помада? Какого черта?

Она что-то говорила, но Тани не мог сосредоточиться. Потом взял себя в руки.

– …с надписью «Поздравляем, Сими!». И еще мы заказали воздушные шары, Тани. С гелием! А самое главное – самое-самое, – что у меня будут деньги, и мама говорит, что я могу потратить их как захочу. Мне нарастят волосы и сделают прическу боб с косичками. Мне нравятся темные с розовой нитью. Тиомбе мне сделает. В «Кхоса бьюти». Придется заплатить, и это дорого, но… боб, Тани. – Она вздохнула. – Ты только представь!

Тани охватило дурное предчувствие. Он окинул взглядом разложенные на кровати вещи, взял ожерелье, потом провел

пальцами по дешевой ткани одной из юбок.

– Это все барахло. Почему ты хочешь это носить? Девочки в твоем возрасте не ходят в таком дерьме, Пискля. Это для взрослых женщин, а не для маленьких девочек.

Сими молчала. Он понимал, что обидел сестру, но это не имело значения. Важно другое: украшение, одежда, косметика и то, что, черт возьми, происходит.

– Я больше не буду маленькой девочкой, – наконец заговорщически произнесла Сими. – Я буду женщиной. Так говорит мама.

– Если не считать того, что ты не готова быть женщиной. Восьмилетняя девочка не может быть женщиной. Восемь лет и женщина – это *несовместимо*, Пискля.

– Я *буду* женщиной. Мама так говорит. Эстер рассказала мне, как это будет. Она сказала, что сделает мне укол, который превратит меня в женщину, и меня примут в племя йоруба.

– *Что происходит?* И кто такая Эстер, черт бы ее побрал?

– Это леди, к которой мама меня водила. Сегодня, перед тем как мы пошли на рынок. Я не должна была тебе этого говорить. Но скажу. Она положила меня на стол – Эстер, – послушала мне сердце и все такое, потом пришла мама и взяла меня за руку, а потом Эстер посмотрела мою… ну, в общем, когда все закончилось, она сказала маме, что через три недели, и мама повела меня на рынок выбирать одежду и все остальное. Хочешь, расскажу о торте? Еду мы с мамой еще

не выбирали, но поговорили с Машей насчет торта. Хочешь, я тебе расскажу?

Мысли у Тани путались, и он не мог сосредоточиться на ее рассказе, но заставил себя кивать в такт ее словам.

– Он будет лимонным. Мне так захотелось. Лимонный торт с шоколадной посыпкой и желтыми буквами: «Поздравляем, Симисола!» И, наверное, мне хочется, чтобы на нем были маргаритки. Мама сказала, что розы лучше, но *я* настояла на маргаритках – ведь это мне решать. Поэтому там будет гирлянда из маргариток вокруг всего торта, а на лепестках – блестки. Думаю, лучше всего подойдут золотые. Или розовые? Я еще не решила.

Тани совсем растерялся. Он не мог понять, что все это значит, но получалось, что по какой-то причине Монифа сплела вокруг Сими странную паутину.

Он решил поговорить с матерью. Покупка одежды и рассказ Сими об этой Эстер – более чем серьезная причина разговора о сестре. Следующим утром, когда Сими еще спала в своей кровати, стоявшей в другом конце той же комнаты, что и его, Тани тихо встал, натянул джинсы, футболку и отправился на поиски Монифы.

Она сидела в гостиной, сортируя огромную кучу выстиранного белья. Похоже, почти все вещи были чужими, за исключением нескольких заляпанных кровью рубашек отца. Остальные вещи были детскими или женскими, причем, судя по биркам, Монифа не позволяла себе носить такое. «Зна-

чит, она берет на дом стирку, – сделал вывод Тани. – Наверное, – подумал он, – это отцовская идея: дополнительные деньги в семейный бюджет».

В квартире было душно. Монифа надела длинную накидку, завязанную на груди. Руки остались обнаженными – Абео не одобрил бы, – но это нисколько не помогало охладить тело матери. Она обливалась потом и что-то бормотала – что именно, Тани не мог разобрать.

Монифа его не видела, и он довольно долго наблюдал за ней. Потом ему пришло в голову, что он понятия не имеет, сколько лет матери, и для того, чтобы это вычислить, ему пришлось начать с возраста отца. Тани видел, что она выглядит слишком старой для него. Лицо гладкое, без морщин, но все остальное – осанка, движения, посадка головы, руки – свидетельствовало о преклонном возрасте.

– Кто такая Эстер? – спросил он.

Она испуганно ойкнула и выронила маленькие футболки, которые выбрала из общей кучи белья.

– Тани! Я тебя не видела… Что ты спросил?

– Кто такая Эстер, о которой болтает Сими?

Монифа ответила не сразу. Она подняла с пола наволочку и принялась укладывать в нее детскую одежду. Закончив, сложила женскую одежду в другую наволочку. Рубашки Абео остались на месте.

– Что сказала Сими?

– Рассказывала мне о какой-то дурацкой «инициации».

Теперь, когда она превращается в женщину, Эстер должна помочь ей стать настоящей йоруба. Это ее слова, а не мои. Кто такая Эстер и как она помогает восьмилетней девочке стать женщиной?

Монифа хихикнула.

– Господи… Сими все не так поняла.

– Что именно? И почему, черт возьми, она думает, что ей нужна «инициация», чтобы стать йоруба?

– Это она сказала?

– Планируется какая-то грандиозная церемония. Ей накупили кучу новой одежды и украшений. Она мне их показала. Потом рассказала об этой Эстер, которая сделает ей укол, чтобы она могла стать женщиной. Она сказала, что будет церемония и праздник. И какого черта говорить ей, что она должна все это сделать, чтобы познакомиться с родственниками из Пекхэма, когда ты прекрасно знаешь, что папа никогда не позволит ей, мне или тебе встречаться с ними, потому что боится потерять власть над нами?

Монифа села на бугристый диван и указала Тани на кресло, предлагая тоже сесть. Меньше всего ему теперь хотелось сидеть, но он послушался. Плюхнулся в отцовское кресло и ждал, не отрывая взгляда от лица матери.

– Есть определенные вещи… – начала Монифа.

– Какие вещи?

– Женские, Тани. Очень личные, и их сложно объяснить ребенку.

– Ты хочешь сказать, что их сложно объяснить Сими? И поэтому…

– Я придумала историю, чтобы ей было легче.

– Легче? Что?

– Перенести первый осмотр. Именно это и делала Эстер. Послушала сердце, легкие, потом осмотрела, чтобы убедиться, что всё в порядке… внутри Сими. Ты понимаешь?

– Женские органы. Ты это имеешь в виду?

– Да. Женские органы.

– Зачем восьмилетней девочке гинекологический осмотр?

– Я же сказала, Тани: важно, чтобы у девочки все было в порядке.

Теперь он понял, к чему клонит мать.

– Тебе нужно *убедиться*, ага? Ты морочила ей голову инициацией и церемониями, но на самом деле тебя интересовало другое – сможет ли она… Какое там слово использует папа? Ах да. *Ахи*. Плодовитость. И эта Эстер осмотрела ее, дабы удостовериться, что с ней все в порядке. Ни укола, ни инициации, ни церемонии, ни чего-то еще. Просто тебе нужно было знать, будет ли Сими плодовитой.

Монифа молчала. И Тани понял, что прав.

– И если ответ будет положительный – а именно это тебе нужно было выяснить, – папа выставит ее на аукцион. Отвезет в Нигерию или разместит фотографию на сайте – *неважно*. Он хочет за нее большой выкуп. Больше, чем заплатил за Оморинти, или как ее там зовут. И ты ему это позволишь.

– Неправда.

– Правда. Разве есть другие варианты? Если ты не возражаешь, чтобы он покупал для меня какую-то девственницу, то почему я должен думать, что ты сделаешь что-нибудь, скажешь что-нибудь или станешь кем-нибудь, чтобы помешать ему найти какого-то парня с большими деньгами, которому понравится идея покупки восьмилетней девочки с гарантией от ее мамы, что она станет добропорядочной нигерийской женой?

– Тани, твой отец *никогда*…

– Я не желаю знать, что мог бы или не мог бы сделать Па. Он думает, что может получить все, что захочет. Но тебе так не кажется, правда? Надеюсь, мама, ты проснешься раньше, чем он разрушит наши жизни.

Тринити-Грин Уайтчепел Восток Лондона

Во время первых фотосессий в «Доме орхидей» Дебора обнаружила, что путь к успеху ее проекта преграждают несколько препятствий. Во-первых, она поняла, что ей не разрешат фотографировать девочек до прибытия Нариссы Кэмерон. Девочки ее не знают, у них нет никаких причин доверять ей, и поэтому порядок будет таким. Но в этот день, когда Дебора вошла в комнату, там были только девочки и помощники оператора, которые готовили оборудование для работы. Цифровая камера Нариссы была на месте – в отли-

чие от нее самой.

– Она внизу, – сообщил звукооператор в ответ на невысказанный вопрос Деборы. – Сказала, что ей нужно поговорить с Завади… и это было… кажется… минут десять назад. У нас почасовая оплата, так что нам с Элизой все равно, но я не знаю, сколько еще нам их тут держать. – Она кивнула в сторону девочек.

– Попробую ее найти. – Деборе не хотелось терять рабочий день, а этого не избежать, если девочки не захотят больше ждать и уйдут.

Она вышла из старой часовни, которую занимал «Дом орхидей» в дальнем конце Тринити-Грин, обнесенной стеной группы зданий, построенных в семнадцатом веке на Майл-Энд-роуд как дом призрения. Спустившись по ступенькам часовни, Дебора заметила древнего старика, смотревшего на нее из окна ближайшего коттеджа на другой стороне лужайки. Она энергично помахала ему рукой, и он тут же отпрянул от окна. Потом Дебора подошла к двери под лестницей и открыла ее. Здесь располагалась администрация «Дома орхидей», в том числе кабинет Завади, директора заведения, довольно резкой и неприятной женщины.

Дебора не переживала, что помешает Завади и Нариссе, потому что ее появление на первой фотосессии несколькими днями раньше Завади встретила с неудовольствием, которое даже не потрудилась скрыть.

– Давайте начистоту, а? Я *вообще* не хотела брать на этот

проект какую-то привилегированную белую корову, – заявила она. – Так что знайте: мне нужен черный фотограф, и я его найду, а когда найду, вас тут не будет. Понятно?

– Ладно, – медленно произнесла Дебора и, усмехнувшись, добавила: – Я вас не виню. – Чем, похоже, удивила Завади.

Но удивление продлилось не больше секунды.

– Идите, делайте свои чертовы фотографии, если сможете.

Не очень-то похоже на доброжелательную поддержку и одобрение, которые надеялась встретить Дебора, и поначалу ей казалось, что Завади хочет передать свое неудовольствие девочкам. Как выяснилось, нет. Как только им показали – один из взрослых волонтеров, – чего хочет от них Нарисса Кэмерон перед камерой, проект начал стремительно набирать обороты. Дебора фотографировала одних, а Нарисса снимала на камеру других. За исключением явной неприязни Завади, вплоть до этого утра проект Деборы не встретил никаких препятствий.

– Еще максимум два дня, – услышала Дебора, когда подошла к кабинету Завади. – Мне очень жаль, Завади. У меня договор с родителями. До тех пор, пока в завязке, я могу пользоваться квартирой в подвале. Если я нарушу условия, расстрою их, обижу кого-то из сестер или брата… Всякое может быть. Но если это случится, я окажусь на улице. И тогда мне конец.

– Просто *поговори* с ними. Будь открытой, будь честной – все что угодно. Ведь они же разумные люди, да?

– Я не хочу еще больше все усложнять.

– Просто никогда не бывает. Разве ты еще этого не поняла?

Дебора покашляла, чтобы обозначить свое присутствие, потом вошла. Завади сидела за письменным столом, далеко отодвинув свое офисное кресло на колесиках. Ее поза выражала бескомпромиссность: руки скрещены под грудью, ладони не видны, лицо бесстрастное.

– Простите. – Дебора обращалась к обеим. – Там, наверху, всё готово, Нарисса. Я немного волнуюсь, что девочки разбегутся. Всё в порядке?

Произнеся последнюю фразу, она сразу же поняла, что не стоило этого делать. Завади закатила глаза и рявкнула:

– В порядке? Правда? Когда это у *кого-то* из нас было всё в порядке?

Голос Нариссы прозвучал твердо и в то же время ласково, словно она хотела загладить враждебность Завади.

– Все хорошо. И вы правы: мне пора возвращаться к работе. Потом поговорим, ладно? – Последняя фраза предназначалась Завади. – А пока вы можете сделать несколько звонков… Пожалуйста, я делаю все, что могу.

Завади фыркнула и повернула кресло так, чтобы не смотреть на них обеих. Дебора вышла вслед за Нариссой.

– Постарайтесь не обращать на нее внимания, – посоветовала та, когда они вышли наружу и, обогнув закругленный угол здания, направились к лестнице в часовню. – Она зани-

мается этим уже больше десяти лет и выходит из себя, когда дела идут не так, как она хочет.

– Думаю, у нее много забот, – заметила Дебора. – Я могу ее понять.

Нарисса замерла на третьей ступеньке лестницы.

– *Никогда* ей этого не говорите.

– Чего?

– Что можете понять. Не можете. Не поймете. Никогда. – Нарисса вздохнула и окинула взглядом иссушенную солнцем лужайку, которая в другое время года оправдывала название этого места. – Должно быть, намерения у вас самые лучшие. Но все плохое в жизни Завади… От такого невозможно отвлечься – по крайней мере, как это делаете вы, когда берете отпуск.

Дебора поднялась по ступенькам, догнав Нариссу. Режиссер снова остановилась, на этот раз перед дверью в часовню.

– Тогда что я должна ей говорить? – спросила Дебора.

– Понятия не имею. Я – не вы. Я и сама в половине случаев не знаю, что ей говорить, хотя я смешанной расы и в этом смысле у меня преимущество.

– Единственное, что я точно знаю, – она хочет, чтобы портреты делал кто-то другой.

– Конечно. Но стоит ли ее винить? Я имею в виду, Завади совсем не обрадовалась, что Доминик Шоу выбрала вас. Ей это кажется странным. Как будто в Лондоне нет черных фотографов… Но Доминик – белая, и она думает как белая – то

есть по большей части вообще не думает, потому что ей *не нужно* думать. Ей и в голову не приходит, что мы предпочли бы человека, кожа которого не такая белая, как зефир. Ей понравилась ваша книга, и это значит, что вы подходите для этой работы. Завади пыталась возражать – и еще до того, как вас позвали на встречу, и после встречи, – но Доминик сказала: «Это гораздо важнее, чем политкорректность, культурные войны и привилегии белых». Этим все и кончилось, после ожесточенных споров, во время которых Доминик Шоу, кстати, узнала о привилегиях белых людей больше, чем могла себе представить.

Дебора понимала, что проект в целом – как его представляла помощник секретаря – выиграл бы, участвуй в нем только черные. Но она также понимала, какую битву они начинают с помощью «Дома орхидей» и других подобных организаций, с помощью документальных фильмов Нариссы и ее собственных фотографий.

– Может быть, – сказала она, – Доминик хотела достучаться до как можно большего числа людей, независимо от расы и социального положения?

– Хотите сказать, что черные на это не способны, что для этого годится только белый проект, сделанный белыми людьми?

– Я не это хотела сказать.

– Не это? Тогда думайте, что говорите.

Дебора растерялась.

– Я *правда* хочу помочь. Она это знает? А *вы*?

– Ага. Понятно. Вы хотите помочь. *Все* хотят помочь, пока к ним не обратились за помощью. Люди говорят, что это благое дело. Всегда. А что еще им говорить? Но слова ничего не значат, потому что когда нужно сделать еще один шаг и выписать чек, все меняется.

– Я не такая, – заверила ее Дебора.

– Неужели? – Тон у Нариссы был презрительный, но она тут же немного смягчилась. – Ладно, когда-нибудь у вас будет возможность это доказать.

С этими словами она вошла в часовню и обратилась к девочкам:

– Кто готов поговорить? Пойдемте в студию. Садитесь.

Кингсленд-Хай-стрит Долстон
Северо-восток Лондона

Адаку собрала требуемые двести пятьдесят фунтов. Потом позвонила по номеру телефона с карточки, которую ей дала Эстер Ланж, доехала до Кингсленд-Хай-стрит и нажала кнопку домофона без надписи рядом с дверью. Голос из динамика спросил, кто это.

– Адаку. У меня есть деньги.

– Я не понимаю, о чем вы, – последовал ответ.

– Вы – Эстер?

– Если и так, это не значит, что я знаю, что вам нужно, –

ответил голос, и разговор внезапно прервался.

Адаку гадала, что она сделала не так. И пришла к выводу, что Эстер не одна. Непонятно только, что теперь делать: ждать или прийти в другой раз. Но секунд через тридцать из-за двери послышались приближающиеся шаги. Лязгнули два откидываемых засова, дверь со скрипом приоткрылась, затем распахнулась. Перед Адаку стояла Эстер; поверх повседневной одежды у нее был застегнутый на все пуговицы белый халат.

– Покажите, – сказала она, не тратя времени на приветствие.

– Только когда войду. Не раньше.

Эстер недоверчиво прищурилась. Она не отпускала ручку двери, готовая пресечь любую попытку Адаку войти. Медленно и внимательно окинула взглядом улицу: дома на противоположной стороне, двери и окна на этой.

– Зачем вы пришли? Вы мне очень не нравитесь. – Она снова посмотрела за спину Адаку. Из-за угла появился дворник и принялся усердно выгребать мусор из канавы. Взгляд Эстер вернулся к Адаку. – Вы из полиции.

Адаку нетерпеливо переступала с ноги на ногу.

– Вам и правда *кажется*, что я из полиции? Как вы себе это представляете? Агент под прикрытием, разбрасывающийся деньгами? – Она порылась в сумке и вытащила конверт с купюрами. – Вот деньги, которые вы просили принести. Двести пятьдесят фунтов.

Судя по выражению лица Эстер, она опасалась, что при попытке открыть конверт из него брызнет красная краска.

– Разве вы не этого хотели? – переспросила Адаку. – Двести пятьдесят фунтов? – Эстер все еще не решалась взять конверт, и тогда Адаку достала купюры и развернула веером перед ее лицом.

Эстер оглянулась на лестницу. Адаку снова подумала, что наверху есть еще кто-то, не знающий, что здесь происходит. Похоже на откровенную взятку.

– Я могу принести вам рекомендации. Это будет нелегко, но я их достану. Если денег и рекомендаций недостаточно, тогда мне придется обратиться в другое место.

– Всего это будет стоить пятьсот фунтов. – Эстер схватила конверт и сунула в карман белого халата. – Еще две сотни, если хотите продолжать.

– А если я откажусь?

– Хотите знать, вернут ли вам деньги? Нет. Не вернут. И войти не позволят. Что дальше? Зах*о*дите или нет? – Она открыла дверь шире.

Чертыхнувшись при мысли о потерянных деньгах, если все пойдет наперекосяк, Адаку вошла.

Прихожая была немногим больше доски для игры в шашки, и это сходство усиливал линолеум в черно-белую клетку. На полу лежала почта, скопившаяся как минимум за неделю, – в основном рекламный мусор.

Эстер повела Адаку в глубь дома, к лестнице, устланной

пыльным старым ковром, местами протертым до дыр. Перила были в липких пятнах и отметинах от прошлых столкновений с мебелью. Адаку лишь один раз слегка коснулась их.

На втором этаже находилась одна дверь – вероятно, в квартиру. На двери были стальная пластина и три засова, хотя с улицы это место выглядело необитаемым. Эстер повела ее наверх, и они преодолели еще один лестничный пролет. Здесь также имелись стальная пластина, два засова и табличка с надписью «Частная собственность». Еще один лестничный пролет – и они подошли к открытой двери, ведущей в помещение, обставленное как приемная: письменный стол со стулом, два шкафа для документов и два пластиковых стула у одной стены с низким столиком между ними. На столике располагались лампа, плетеная корзинка с маленькими плитками шоколада и два потрепанных журнала, посвященных домашнему интерьеру. На письменном столе Адаку увидела компьютерный монитор и два лотка для документов. Они были пустыми – как и комната, где, кроме Эстер, никого не было.

– Я бы хотела поговорить с врачом, – сказала Адаку.

– Вы говорите с врачом, – ответила Эстер.

– В таком случае почему здесь больше никого нет?

– Процедуры проводятся только по назначению. Это для вас так важно?

Адаку нахмурилась. Она ожидала совсем другого.

– Тогда откуда мне знать, что вы врач? Как я могу прове-

рить вашу квалификацию?

– Поверить мне на слово. Или уйти. Мне все равно. За свои три сотни фунтов вы хотите увидеть оборудование или вам достаточно подняться по лестнице?

Адаку прикинула, какие у нее варианты. Похоже, выбор невелик: потерять деньги или хотя бы взглянуть на помещение. Она выбрала второй вариант. Эстер провела ее в комнату, соседствующую с приемной.

На взгляд Адаку, она ничем не отличалась от любого другого медицинского кабинета в стране: смотровая кушетка, весы, маленькая тумбочка, на которой лежали ватные тампоны, термометр, бинты, стетоскоп, сфигмоманометр и расширитель. Все идеально чистое – ни пятнышка, ни отпечатка пальцев. Стены пустые, если не считать таблицы соответствия роста и оптимального веса. В углу стул, на котором, как предположила Адаку, пациентка – или клиентка – оставляет одежду. В другом углу стул на колесиках, на котором врачу удобнее производить осмотр. Идеальный порядок, подумала Адаку. Даже лучше, чем в кабинете ее врача-терапевта. Это о многом говорило.

Эстер открыла вторую дверь, которая вела в маленькую операционную – со светильниками, операционным столом, несколькими большими емкостями – предположительно для анестетика, – двумя мониторами и столиком, на котором лежали стерильные перчатки, инструменты в футлярах и все остальное, свидетельствовавшее о том, что медицинские

процедуры проводят именно здесь.

Адаку спросила Эстер, кто дает наркоз. Эстер ответила, что при необходимости приходит медсестра из анестезиологии.

– Хотите посмотреть внизу? – Судя по тону, она не горела желанием показывать Адаку что-то еще.

– А что внизу?

– Послеоперационная палата. Пациентки остаются там на ночь.

– А кто за ними ухаживает?

– Матери или другие родственницы. Я тоже слежу за их состоянием.

Адаку задумалась. Похоже, Эстер – специалист широкого профиля. Почему, в таком случае, она работает не в больнице, а здесь, в этом ветхом здании на севере Лондона? Она так и спросила.

– Потому что я верю в работу в этой клинике.

«Стандартная фраза», – подумала Адаку.

– Вы теряли пациентов?

– Конечно, нет.

– Но вы бы в любом случае так ответили, правда? Вряд ли вы скажете мне что-то другое.

Эстер развела руки и повела плечами, словно говоря: «Хотите верьте, хотите нет».

– И что дальше? После того, как я увижу послеоперационную палату?

– Потом вы примете решение. – Эстер вывела ее из операционной, открыла ящик письменного стола и достала оттуда визитную карточку, похожую на ту, что вручила Адаку раньше. На ней был отпечатан только номер телефона. Ни имени, ни профессии – только цифры номера. Она протянула карточку Адаку. – Если решите продолжать, позвоните по этому номеру и запишитесь на прием.

– А потом?

– Вам назначат день для процедуры. Через две недели – повторный осмотр.

– Похоже, у вас тут все тщательно продумано.

– Да. Мы делаем всё быстро и с соблюдением всех правил гигиены – любая постоперационная инфекция исключена.

– А если осложнения все же будут? Какая-нибудь инфекция?

– Тогда вам лучше сразу идти отсюда. Полагаю, вы ищете не мясника.

Стритэм Южный Лондон

Этим вечером она назначила с ним встречу в Рукери. Парк находился в Стритэм-Коммон и представлял собой остатки некогда процветающего поместья: большой дом и сад на склоне, с которого был виден почти весь Лондон. Часть парка была огорожена и окультурена – там проложили дорожки, разбили клумбы, высадили цветы и декоративный

кустарник. Другая часть осталась дикой и заросла деревьями.

Она сказала, что будет ждать его в роще молодых каштанов. Их легко найти, объяснила она, – в северной части Рукери, в конце широкой мощеной дорожки, пересекавшей весь парк. Вдоль дорожки тянулся длинный ряд деревянных скамеек, поставленных вплотную друг к другу и обращенных к лужайке на склоне холма, над которой возвышался громадный ливанский кедр. Вниз по склону ведут ступеньки, но они ему не понадобятся. Каштановая роща наверху.

Марк Финни ждал встречи с ней десять часов. А когда нырнул в рощу и не увидел ее, то запаниковал, причем так сильно – и глупо, – что едва не лишился чувств. Потом сделал еще одну глупость – позвонил. Потом отправил сообщение. Потом стал проклинать себя, свою жизнь, свою похоть – все, что только можно было проклинать, за исключением Лилибет. «Лилибет, – говорил он себе, – не заслуживает, чтобы ее отцом был такой человек, в которого я быстро превращаюсь». Нет. Последняя фраза – неправда, ведь так? Она не заслуживает такого отца, каким он *уже* стал. Ему хотелось забраться себе в голову и выжечь из мозга все мысли, не связанные с дочерью. Это единственный способ остановить то, что с ним происходит.

А потом она пришла. Появилась среди деревьев, неслышно и быстро, словно по волшебству. И он забыл обо всем, потому что она была его якорем, лучшей частью его души. Он

принялся ее целовать. Неодолимое желание казалось унизительным.

Но она, похоже, хотела его не меньше. Сняла блузку и бюстгальтер, предлагая ему груди. Марк сжал ее соски, так что она застонала, и тогда он обхватил один сосок губами, а ее руки скользнули ему на талию, нащупали пряжку ремня, молнию – о боже, боже, – и он прижал ее к стволу дерева, освободил свой член, снова схватил ее и потянул юбку вверх, все выше и выше, но она сказала, нет, Марк, не теперь, давай я сама, опустилась на колени и взяла его член в рот, потом провела между грудей, потом снова в рот и между грудей, и ему захотелось заплакать, захотелось ударить ее, заставить хотеть его так же сильно, как он хочет ее, и она не может остановиться, не должна остановиться и не остановится, потому что весь день мог думать только о ней, о том, что его ждет.

Марк задохнулся от накрывшей его волны наслаждения. Он хотел обладать ею так, как в такие моменты мужчина хочет обладать женщиной.

– Тебе было хорошо? – спросила она, не поднимаясь с колен.

Силы покинули его. Внутри была пустота, если не считать того факта, что эта женщина присутствовала в его жизни.

Она встала. Погладила его по щеке. Он поцеловал ее ладонь.

– Позволь мне. Я хочу…

Она прижала тонкий палец к его губам и снова спросила:

– Было хорошо?

Он тихо рассмеялся.

– Сама-то как думаешь?

– Я рада. – Она подняла с земли блузку и бюстгальтер, а на его протесты лишь покачала головой.

– Пожалуйста. Я только… Ладно. Я буду только смотреть. Клянусь. Если ты не позволяешь мне… Я должен, по крайней мере, *увидеть* тебя.

– Не могу. Парк скоро закрывается. Кто-нибудь сюда придет, чтобы проверить, что никто не остался запертым внутри.

Интересно, подумал Марк, специально ли она все так спланировала? Она жила в этой части города и должна была знать, где и в какое время они могут встретиться, знать место, где в этот час между ними может произойти только то, что только что было.

– Я совсем с ума сошел. Думаю только о тебе. Больше не могу толком работать. И *не смогу*, если мы будем продолжать в том же духе.

Она застегивала блузку. Стемнело, и он видел ее лицо не так ясно, как ему хотелось.

– Говоришь, что не сможешь работать, пока твой член не окажется у меня внутри? – Ее смех прозвучал резко.

– Это не игра, – сказал он и, не дождавшись ответа, прибавил: – Ты ведь знаешь, что я мог бы взять тебя прямо здесь, если б захотел? Или прийти к тебе домой? Но я этого не де-

лаю, правда? Позволяю тебе устанавливать правила.

– То есть поэтому я тебе что-то должна?

– Ты знаешь, что я так не думаю.

– Тогда что ты думаешь? Что себе воображаешь? Приходишь ко мне, заставляешь впустить, я подчиняюсь, мы трахаемся…

– Перестань…

– …а потом ты идешь домой к жене и ребенку, а я остаюсь. С чем? Поливать свои цветы? Ты так это представляешь?

– А *ты* представляешь это вот так? – Он взмахнул рукой, указывая на рощу. – Это выглядит… грязно, вот как.

– А в моей квартире, даже в моей кровати, будет не так грязно? Дома у тебя жена и дочь, а мы лежим голые в постели?

– Не *просто* в постели. В *твоей* постели.

– И тогда это уже не такая дешевка? В моей постели, по крайней мере, можно следить за чистотой белья?

– Я тебя люблю, – сказал Марк. – Это меня убивает. Дома у меня ничего нет. Мы с Пьетрой… У нас ничего нет. Только Лилибет, и даже она… без тебя… Боже, кажется, я схожу с ума. И ты не позволяешь мне быть с тобой так, как я хочу?.. От этого только хуже. Не лучше. *Хуже*.

– Тогда мы должны это прекратить.

– Вот чего ты хочешь… – Она шагнула к нему и страстно поцеловала, прижавшись всем телом. – Я не хочу, чтобы кто-то из нас сделал что-то такое, о чем мы оба будем жалеть.

– Я ни о чем не буду жалеть. Я не думаю о сожалениях. Только о нас. Но я больше не могу так продолжать.

Марк отстранился и пошел прочь, нырнув под ветки каштанов, чтобы выйти на тропинку над склоном. «Она была во многом права, – подумал он. – Но во многом и ошибалась». Но они попались, оба. Они попались в ту секунду, когда он обнаружил, что смотрит на ее длинные скрещенные ноги – они были такими гладкими, – а потом позволил себе посмотреть на все остальное. Медленно, восхищаясь и давая волю воображению. Каким нужно было быть дураком… Путь, который рекомендовал Поли, был путем мудрости: массаж с дополнительными услугами от женщины, фамилию которой он никогда не узнает, не говоря уже о том, чтобы правильно произнести. Сделка, в которой не участвует ничего, кроме денег. А то, что происходит с ним теперь, похоже на пожар, который делает то, что обычно делает вышедший из-под контроля огонь: пожирает все, до чего может дотянуться.

Он слышал, как она вынырнула из рощи вслед за ним. Взяла его за руку. Он поднес ее ладонь к лицу и прижал к щеке. Они молча шли из Рукери в сторону Стритэм-Коммон.

– Я не знаю, как мне оставить все как есть, потому что я не вижу жизни без тебя. Даже представить не могу. То, что у меня есть теперь, – это жизнь, разделенная надвое, даже на четыре части.

– Наша общая жизнь – твоя и моя – не может зайди дальше этого, – сказала она. – В противном случае мы останем-

ся у руин, мы оба. В нашей жизни есть люди, которых мы должны защитить. По крайней мере, в твоей. А я должна еще защитить себя.

Разумеется, все это они оба уже знали. Он не мог бросить Пит и Лилибет, как не мог безболезненно отрезать себе правую руку. Ни в чем не виноватые, они нуждались в нем, а он хоть и нуждался в женщине, которая шла рядом, но руки его были связаны, а будущее предопределено.

Примерно посередине Стритэм-Коммон она нарушила молчание.

– Вон туда. – Она указала на огни, от которых их отделяла широкая лужайка. – «Мер Скрибблер». Давай закончим вечер рюмочкой в пабе и попрощаемся. Больше ничего.

Марк кивнул, соглашаясь. Его желания – а их было много – ничего не значили, и выбора у него не было.

28 июля

Мейвилл-Эстейт Долстон Северо-восток Лондона

– Что происходит, Монифа? Почему ты не делаешь что должна?

Голос в телефоне звучал так отчетливо, словно мать стояла в соседней комнате. И это происходило уже на протяжении нескольких месяцев.

– Как, по-твоему, она выйдет замуж, Нифа? Это должно произойти здесь, и ты пришлешь ее ко мне. *Аби?*

После разговора с матерью эти слова еще долго звучали в ее ушах. Мать звонила из своего дома в Нигерии, и хотя двадцать лет брака и двое детей должны были гарантировать защиту от деспотизма матери, в последние семь месяцев Монифе приходилось один, а то и два раза в неделю выдерживать подобные атаки по телефону. Причина была все та же: Симисола, хоть ей всего восемь лет, должна быть готовой для брака. И мать Монифы была не единственной женщиной, которая это твердила.

Монифа могла бы успешно отразить регулярные претензии матери, но противостоять свекрови было гораздо труднее. Дело в том, что в свои рассуждения о Симисоле она всегда включала Абео. Каждый разговор между Монифой и Фо-

ладе начинался и заканчивался фразой: «Ты хочешь, чтобы он тебя бросил, Монифа?»

Проблему могла разрешить Эстер Ланж, но она пока не звонила. Монифа надеялась, что кто-то из пациенток отменит назначенный визит и ее место займет Симисола. Она объяснила это сначала своей матери, потом матери Абео, но женщины не успокаивались. Беспокойство Ифеде усиливалось и уже приближалось к истерике. «Симисола станет отверженной. У нее не будет подруг. Ты это знаешь, да? У нее никогда не будет своего дома. У нее не будет *мужа*, который ее защитит, и детей, которые позаботятся о ней в старости».

Матери вторила Фоладе: «Женщины кровят, служат, рожают детей, а потом умирают. Так повелел Господь, Монифа. Вот почему женщина была создана из Адама, а не Адам из Евы. Первым появился мужчина. И он остается первым. Желания и потребности женщины удовлетворяются через *мужа*. Твоя мать должна была этому тебя научить. Не будь ты чистой, думаешь, Абео заплатил бы за тебя выкуп, который назначил твой отец?»

Поэтому Монифа звонила Эстер Ланж. «Может, кто-то отменил процедуру? – спросила она. – Если нет, не согласится ли кто-нибудь уступить свою очередь Симисоле?» Не может такого быть, чтобы никто не вошел в положение Монифы Банколе, которая никак не может ждать.

Поговорив с матерью и свекровью, Монифа снова позвонила Эстер Ланж. Она уже потеряла счет попыткам связать-

ся с этой женщиной. В этот раз ей наконец повезло, и когда Эстер ответила на звонок, Монифа предложила ей компромисс. Если Эстер сообщит ей – Монифе – данные о пациентках, которым назначены процедуры в клинике, она сама обзвонит всех и будет умолять их уступить очередь Симисоле.

– Это невозможно, миссис Банколе, – тихим, спокойным голосом ответила Эстер. – Вы просите разгласить конфиденциальную информацию.

– Тогда только их телефоны. Не называйте имен. Только телефоны. Я сама назову себя. Скажу, что не знаю, кто они. Объясню, почему Сими должна попасть к вам на прием. Попрошу позвонить вам, если они готовы уступить мне свою очередь.

Эстер вздохнула.

– Миссис Банколе, я не могу. Это было бы предательством. И по отношению к вам, и по отношению к ним.

– Но вы единственная можете мне помочь. Пожалуйста, выслушайте меня. Позвольте рассказать, почему это так важно.

– Попытайтесь понять… – Голос Эстер Ланж вдруг оборвался. Она помолчала. Потом тяжело вздохнула. – Ладно. Я сделаю пару звонков, миссис Банколе. Но имейте в виду, я ничего не обещаю – просто делаю, что могу. И постарайтесь сегодня держать телефон под рукой.

– О, спасибо, *спасибо*, – сказала Монифа. – Вы не представляете, как важно…

– Хорошо. Я вам позвоню.

Челси Юго-запад Лондона

Экземпляр журнала «Сорс» Дебора подобрала на утренней прогулке с Пич. Кто-то бросил таблоид на нижней ступеньке лестницы, ведущей к синим двойным дверям бывшего муниципалитета Челси. Это было величественное здание с коринфскими колоннами, ребристыми карнизами, раздвижными окнами и узким балконом, сослужившим хорошую службу хитрому герцогу Глостерскому, ожидавшему, когда граждане вспомнят о его королевской крови. К сожалению, теперь дом превратился в «место проведения мероприятий», по большей части любительских спектаклей, благотворительных распродаж подержанных вещей или ярмарок винтажной одежды и сомнительного антиквариата. Дома отец занимался ногой Саймона, а Аляска после завтрака принимал солнечную ванну на одном из подоконников в кухне. Ехать в Уайтчепел было еще рано, и Дебора решила, что нужно выгулять собаку.

Пич предпочитала набережную, потому что знала маршрут, а также его длину и время, необходимое для сопровождения Деборы, прежде чем можно будет вернуться к своей уютной корзинке и ожиданию, пока на пол упадет что-то съедобное. Но Дебора предпочитала видеть людей, а не поток машин, и поэтому на перекрестке повела собаку к Олд-Черч-

стрит, а потом – дальше, к Кингс-роуд.

Естественно, Пич никуда не торопилась. Выгуливать таксу – это все равно что пытаться тащить за собой пылесос: каждый дюйм маршрута должен быть обнюхан и обследован. Тут спешка неприемлема.

Увидев таблоид, Дебора обрадовалась. Пич двигалась со скоростью черепахи, а если добавить к этому сопротивление любым попыткам ее поторопить, то прогулка с ней требовала такого же терпения, как у Моисея, ждавшего, пока образумится фараон. А еще лучше – иметь что-нибудь пригодное для чтения или наушники, из которых льется успокаивающая музыка. Увы, у Деборы не было ни того ни другого, а в такой ситуации сгодится и «Сорс».

Так она увидела заголовок на обложке и иллюстрирующие его фотографии. Журнал продолжал освещать исчезновение Болуватифе Акин, которое оставалось его главной темой. Но в этом номере читателей знакомили с информацией о родителях девочки: оказалось, что Болуватифе появилась на свет в результате ЭКО и матери девочки, Обри Гамильтон, пришлось пройти четыре таких процедуры, прежде чем она забеременела. Другие подробности сообщали родственники. Ребенок был смыслом жизни родителей, рассказывали они, их сокровищем, и они были готовы на все ради нее.

На третьей странице, где было напечатано продолжение истории, имелась боковая врезка, рассказывающая об отце девочки, Чарльзе. Он родился в Нигерии и учился в Оксфор-

де, получив диплом с отличием по географии. Это подтверждалось документами, как и годы, проведенные в «Линкольновском инне», где он закончил образование и где в настоящее время работал барристером и специализировался по международному праву. Судя по информации, сообщенной в журнале, Джордж был высококлассным специалистом в области гражданского права. Никаких сомнительных поступков или выдающихся успехов. Он не блистал, а его честолюбивые планы – если таковые были – ограничивались должностью королевского адвоката.

Он говорил с корреспондентом об исчезновении своей дочери, выражая надежду, что Болу просто потерялась в городе. В противном случае ему хотелось верить, что ее удерживают ради выкупа и что хотя его не назовешь богачом, если для возвращения Болу нужны деньги, они с женой их найдут. Другими словами, он хотел верить во *что угодно*, кроме худшего страха, с которым сталкиваются родители пропавших детей.

Историю иллюстрировали – на обложке и на третьей странице – полдюжины фотографий, которые родители предоставили для публикации: крошечная Болу на руках у матери, Болу делает первые шаги, держась за палец отца, шестилетняя Болу на коленях у Санта-Клауса, Болу на плечах отца, Болу в обнимку с матерью.

Дебора закрыла журнал, но не бросила его в ближайшую урну, а взяла с собой.

Пич, почувствовав, что они повернули к дому, прибавила шагу. Дома ее ждет угощение. Дома ее ждет мягкая подстилка. И дремлет несносный кот, вне досягаемости для острых собачьих зубов.

Задуматься Дебору заставил тот факт, что Чарльз Акин родился в Нигерии. Она поняла, что пытается судить о нем по происхождению, но было еще несколько обстоятельств, которых не касался журнал, и это выглядело необычно для издания, известного своей склонностью вытаскивать на поверхность грязь и размазывать ее по лицу человека, который раньше мог вызывать симпатию у читателей. Английская желтая пресса всегда следовала одному принципу: вознести человека на пьедестал, а потом сбросить. Другими словами, если таблоид доброжелательно описывал человека, чья фотография помещалась на первой странице, то можно было практически гарантировать, что в течение семидесяти двух часов тот же человек будет очернен тем же самым таблоидом.

Когда Пич благополучно прибыла домой и устроилась, чтобы подремать, Дебора собрала свое оборудование и поставила у двери. Потом поднялась на второй этаж в спальню, где муж только что застегнул ослепительно-белую рубашку. Он надел брюки, а на кровати лежал пиджак в тон брюкам и галстук.

– Даешь свидетельские показания?

– Как, черт побери, ты догадалась? – с кривой улыбкой

поинтересовался Саймон.

– Никакое другое дело не заслуживает такой рубашки. Мог бы и постричься, – ответила Дебора и прибавила, когда их взгляды встретились в зеркале над комодом: – Честно говоря, я не знаю никого, кто так боялся бы парикмахеров. Впрочем, неважно. Я тоже ухожу. Пич выгуляна и накормлена, так что пусть ее умоляющий взгляд не вводит тебя в заблуждение.

– На меня он не действует.

– Это хорошо. Я *серьезно*, Саймон. Ей нельзя толстеть. Это для нее вредно.

– Как и для всех нас. – Он отвернулся от зеркала и взял галстук. – Клянусь, что пройду мимо, ничего не уронив. Значит, ты в Уайтчепел?

– Да.

– Опять съемки?

– И кое-что еще. Ну, более или менее.

– Очень расплывчато, милая, – заметил Саймон. – Больше похоже на меня, чем на тебя.

– Снимать я тоже буду. Но… Не бери в голову. Это неважно. – Дебора поцеловала мужа и запустила пальцы в его волосы. Они были мягкими и щекотали ладонь. Она дернула за прядь. – Не вздумай идти к парикмахеру. И так красиво.

– Поскольку ты смотришь на них с семилетнего возраста, я рад, что они не утратили привлекательности. – Он поцеловал ее в ответ.

Дебора вышла из дома, задержавшись лишь затем, чтобы взять свою аппаратуру. Быстро проехав Чейн-роу и Чейн-уок, она оказалась на набережной. Потом в потоке машин двинулась вдоль реки в направлении Вестминстера, размышляя, как спросить то, что она хочет. Более того, кому адресовать свой вопрос в ситуации, которая уж точно никак не касается белой привилегированной леди.

Этим человеком оказалась Нарисса Кэмерон, задумчиво склонившаяся над большой картой Лондона, которая была разложена на столе в приемной «Дома орхидей». Раньше это помещение было вестибюлем часовни – единственное отделенное стеной от остального пространства.

При появлении Деборы Нарисса подняла голову. Она выглядела озабоченной.

– А, это вы. – Не слишком доброжелательное приветствие. Но Дебора не смутилась, поскольку за все время их знакомства враждебное отношение молодой женщины к ней нисколько не изменилось.

– У вас усталый вид, – сказала Дебора. – Хотите кофе?

– Уже выпила четыре чашки. Еще одна, и вам придется соскребать меня с потолка. Вот же дерьмо…

– Проблемы?

– Не то слово.

– Вы что-то ищете. Конечно, это не мое дело…

– Бросьте эти церемонии, Дебора. Я вас не ударю, если вы скажете что-то не то.

– Рада слышать. Что вы хотите там найти? – Дебора кивком указала на карту.

– Пытаюсь определить, где буду снимать нарратив. Хотя для начала, черт возьми, хорошо бы иметь рассказчика. Кто бы мог подумать, что эта часть проекта окажется самой трудной…

– Могу я спросить…

– Перестаньте! Честное слово… – Нарисса вздохнула. – Пожалуйста. Говорите со мной нормально. Вы не нуждаетесь в специальном разрешении просто потому, что вы белая.

– Простите. Просто… Ладно, неважно. Какой вам нужен рассказчик?

– Женщина. Черная. С властным лицом и убедительным голосом. Предпочтительно знаменитость – актриса, поп-певица, спортсменка, – хотя я предпочла бы политика, если такого удастся найти. По правде говоря, нужно было послушать отца. Он говорил, что нарративом надо заняться в первую очередь. У этих людей плотный график. Естественно, я поступила по-своему, черт бы меня побрал. Как всегда. По крайней мере, так было раньше, хотя теперь я стараюсь избавиться от этой привычки.

– Завади, – сказала Дебора. – Властная внешность и убедительный голос…

– Я сама не раз о ней думала. Она не знаменитость, но все остальное на месте.

– И?..

– Я даю ей… назовем это «пространство». Я ей не нравлюсь, а гибкость не относится к числу ее главных достоинств. – Нарисса склонилась над картой и принялась красным фломастером ставить точки в разных местах. – Подойдет Пекхэм-Коммон, Сомалийский общественный клуб, парк Майатс-Филдс в Камберуэлле, больница Святого Фомы, Миддл-Темпл… Нет. Не Миддл-Темпл. Глупая идея. И не Майатс-Филдс. О чем я только думаю? Лучше рынок Брикстон.

– Чем он хорош?

– Создает нужный фон для рассказчика, так что тот не сидит за скучным столом перед таким же скучным книжным шкафом. Кроме того, нужны съемки для голоса за кадром.

– Например, перед школьным двором, где играют дети – все девочки. Может, детская площадка?

– Есть тут одна в Камберуэлл-Грин. Другая – в конце Пекхэм-Коммон.

– Играющие дети, детские голоса, которые стихают, когда вступает рассказчик?

Нарисса посмотрела на нее и улыбнулась – отчасти искренне.

– У вас неплохо получилось бы, – заметила она.

– Спасибо. Приятно знать, что я могу сделать карьеру в другой профессии. Можно у вас кое-что спросить?

Нарисса надела колпачок на фломастер.

– Спрашивайте.

– Давайте… – Дебора махнула в сторону двери. Нарисса вышла вслед за ней на лужайку. Ее обрамляли подстриженные акации, похожие на зонтики. Дебора повела Нариссу к одному из деревьев. – Я тут задумалась об одной из пропавших девочек, той, с длинным именем, которую все зовут Болу. Вы слышали о ней?

– Видела репортаж по телику, – после короткой паузы ответила Нарисса. – А что там с ней?

– Меня удивило… В общем, сегодня утром я увидела экземпляр «Сорс».

– Надеюсь, вы выстилали этими страницами мусорное ведро.

Дебора улыбнулась.

– Выгуливала собаку. И по дороге нашла «Сорс». Там был рассказ – на обложке и внутри – о ее родителях.

– А с ними что?

– Ничего. Просто когда Болу пропала, ее последний раз видели с двумя подростками на Центральной линии метро – они ехали от «Гантс-Хилл».

– И?.. – Нарисса отвлеклась на двух техников, появившихся у часовни. – Я уже все подготовила. Сейчас приду! – крикнула она им и снова повернулась к Деборе. – Что вы хотите сказать?

– Что Центральная линия проходит через станцию «Майл-Энд». Что, если они пересели там на линию Дистрикт? А потом вышли на «Степни-Грин»?

– Девочка в опасности, – сказала Нарисса.

– Значит, Завади…

– Девочка в опасности – это все, что вам нужно знать, Дебора. Девочка что-то сказала. Кто-то услышал. И сложил два плюс два. Вот и всё. Так что *если* вы хотите быть не просто белой леди, щелкающей своей дорогой камерой, то будете держать при себе все, что знаете, и все, о чем думаете.

С этими словами Нарисса повернулась и пошла к часовне. На ступеньках она остановилась и оглянулась на Дебору.

– Вы понимаете, о чем я?

Дебора кивнула. И тоже вернулась в часовню, к своей фотосессии.

Мазерс-сквер Нижний Клэптон
Северо-восток Лондона

Марк Финни понимал, что так продолжаться не может. У него куча обязанностей, самых разных. На работе он, конечно, исполнял свои обязанности, но без должного рвения. А дома – без сострадания, эмпатии, любви и всего прочего. В Эмпресс-стейт-билдинг[5] Марк быстро овладевал искусством слушать не слушая, а также разговаривать и читать рабочие доклады, не вникая в их смысл. Он пытался скрыть растущее безразличие к работе, а также неприязнь к своим обя-

---

[5] Одна из штаб-квартир полиции Большого Лондона.

занностям по отношению к жене и дочери. Если на службе еще удавалось маскировать отсутствие интереса, то дома, когда дело касалось Пит, скрыть что-либо было практически невозможно.

Марк не хотел, чтобы жена видела его насквозь. Он жаждал свободы. Он отчаянно хотел обо всем рассказать, прекратить эти тайные свидания, после которых он чувствовал себя трижды предателем всего, во что верил, всего, что когда-то ему было дорого. Он мог справиться с чувством вины, с нарушением брачного обета, с тем, что подводил коллег, или с невысказанными фантазиями насчет своего единственного ребенка. Его убивало другое, нечто совершенно неожиданное, – он влюбился и теперь страдал от последствий этой любви в ситуации, когда каждый его шаг разрушает жизнь других.

И все же он хотел сделать этот шаг. По крайней мере, он мог себе в этом признаться. Он хотел уйти от Пит и Лилибет в объятия женщины, которую любил. Они были родственными душами. По сути, они были одним целым, разделенным на две половинки… Чем? Судьбой, безвыходной ситуацией, его неспособностью поступать так, как он считает правильным и честным? Эта нерешительность не должна определять его будущее – или их совместное будущее, – но он не видел способа изменить свою жизнь так, чтобы события неизбежно привели к тому, чего он хочет. Пит этого не позволит, и кто посмеет ее упрекнуть?

Она знала его как облупленного – и поэтому наконец взяла помощника. Это был бывший санитар по фамилии Робертсон, который не желал проводить время на пенсии, постепенно становясь обузой для общества. Ему шел семьдесят второй год, но жил он как сорокалетний. Отпуск проводил на паломнических пешеходных маршрутах Европы – свой любимый, из Рима в Сантьяго, он преодолел целых три раза, – а в Англии все свободное время посвящал тренировкам и подготовке к следующему походу. Рядом с ним Марк чувствовал себя лентяем.

Робертсон приходил в дневное время – чтобы освободить для Пьетры несколько часов, – и Марк увидел его только через несколько дней. В тот вечер, когда Марк вернулся домой, помощник еще не ушел, потому что, как он выразился, «после обеда был небольшой переполох с дыханием девочки».

– Я сразу пошел к ней, как только услышал сигнал тревоги, но не хочу оставлять ее с кем-либо, кроме миссис Финни.

Под «кем-либо» подразумевался Марк, вернувшийся домой позже обычного. Его группа пополнилась новым сотрудником – сержантом Джейд Хопвуд, – и он встречался с ней в конце каждого дня, чтобы ввести в курс дела, познакомить с планами, достижениями, дать более полное представление о том, что они собираются делать. Училась она быстро – слава богу – и была не менее хороша, когда дело доходило до предложений, но все равно оставались еще рапорты, которые требовалось просмотреть и обсудить.

Марк сразу стал расспрашивать Робертсона о дыхании Лилибет. Что случилось? Когда? Как?

– Пусть миссис все объяснит. – Тот бросил взгляд в сторону комнаты Лилибет и понизил голос. – Но все равно девочку лучше показать специалисту. Что произошло? Это случилось неожиданно. Все было в порядке, а потом ей стало плохо. Она дышала – и вдруг перестала. Стоит показать ее врачу.

Робертсон ушел, остановившись у двери, чтобы надеть туристические ботинки и взять палки для ходьбы, которые использовал для тренировки мышц рук.

Марк направился в комнату Лилибет. Пит сидела на кровати, обнимая худые плечи девочки; голова Лилибет покоилась на ее груди. Глаза обеих были закрыты. Когда он вошел, глаза открылись только у Пит.

– Робертсон тебе сказал? – Она умолкла и прочистила горло. – На мгновение мне показалось, что мы ее потеряем.

– Ты позвонила в «скорую»?

– Позвонила, но ты знаешь, как это бывает. Они так долго едут… К их приезду мы с Робертсоном уже справились. Но, Марк, она… Ее губы посинели. – Глаза Пит заблестели от слез.

– Робертсон говорит, что ее нужно показать специалисту.

– А смысл? Она скажет то же, что и всегда: «Ее организм не справляется. В такой серьезной ситуации она нуждается в постоянном уходе». Скажет, что может случиться все что угодно. Удушье, инсульт, аневризма, остановка сердца. Но,

прибавит она, худшего можно избежать, если поместить ее в стационар, где за ней будет круглосуточно наблюдать медицинский персонал.

Марк посмотрел на Лилибет, голова которой склонилась к матери. Телевизор на противоположной стене показывал какую-то серию «Холодного сердца». Звук был приглушен, остались только яркие краски. Интересно, подумал Марк, если б ее глаза были открыты, хватило бы только цвета для стимуляции ее мозга? И можно ли вообще стимулировать ее мозг? И не тратит ли Пит свою жизнь – эти драгоценные годы – на попытку покорить гору, подняться на которую невозможно?

– Наверное, – сказал он жене. – Но, так или иначе, мы должны отвезти Лили к ней. Кто-то же должен осмотреть ее после такого инцидента.

– Осмотреть на предмет чего? Повреждения мозга? – насмешливо поинтересовалась Пит.

– Ты знаешь, что я имею в виду.

– Я больше не хочу слышать эти слова.

– Какие?

– «Поместить в стационар». И «никто вас не упрекнет, если вы примете такое решение насчет ухода за ней». Как будто меня *волнуют* упреки. Как будто я горю желанием сбагрить ее кому-нибудь, кто положит ее на койку в палате и будет подходить три раза в день, и тогда я избавлюсь от бремени, стану беззаботной, смогу… не знаю, ходить в спорт-

зал? Брать уроки гольфа? Снова заняться плаванием? Каждый месяц посещать парикмахера? Играть в теннис? Учить французский?.. Это мой ребенок, Марк. Это наша маленькая девочка.

– Никто не собирается никуда отправлять Лилибет, – сказал Марк. – Но нам нужно понять, что произошло сегодня и как это предотвратить в будущем. Позвони завтра специалисту, Пит. Мы ее отвезем, вместе. И Робертсон может поехать.

– Я не хочу… – Она прикусила язык.

– Что?

– Я не могу отдать ее в стационар. Пожалуйста, Марк. Я знаю, это трудно, но ты должен понять… – Пьетра заплакала, разбудив Лилибет, которая подняла голову. Пит вернула ее в прежнее положение. – Нет, – повторила она. – Я не могу.

– Пит, ты совсем без сил. Давай я побуду с ней немного. Полежи в ванне. Выпей бокал вина.

– Я ее мать. – Слезы на щеках казались горячими и жгли кожу, словно это не слезы, а кислота, разъедающая все, к чему прикасается. – Я хочу остаться ее матерью. Она – мой единственный шанс быть матерью. Я этого *хочу*. Она – моя жизнь, Марк. Разве у тебя не так?

Мир Пит был ограничен Лилибет, но Марк отвергал мысль, что с ним будет так же. Значит, ответ отрицательный. Да, она часть его жизни, и очень важная. Но не вся жизнь. Не так, как для Пит.

– Конечно, она моя жизнь, – ответил Марк, поскольку

знал, что именно это нужно услышать Пит и что это единственный способ увести ее от кровати дочери, чтобы она могла уделить себе хотя бы полчаса. Он погладил мягкие как пух волосы Лилибет. Потом коснулся коротких темных локонов на голове Пит. – Как и ты. Так было, и так будет.

Она испытующе посмотрела ему в глаза.

– Ты серьезно?

– Серьезнее не бывает. – Марк сделал глубокий вдох, чтобы вобрать в себя свою ложь, превратить ее в правду, с которой он может жить. Потом повторил: – А теперь прими ванну и выпей вина. Я с радостью с ней посижу.

– Правда с радостью?

– Конечно.

Пит медленно отстранилась от Лилибет и вернула девочку на подушки, которые поддерживали ее тело. Марк занял место жены на кровати. Потом взял одну из детских книг и начал читать вслух:

– «Все-таки родители – странные люди. Даже если их чадо – самое противное в мире существо, они все равно утверждают, что оно лучше всех»[6].

Он чувствовал, что Пит осталась в комнате. Чувствовал на себе ее взгляд. Шли минуты. Марк продолжал читать. Она наблюдала. Наконец он посмотрел в ее сторону.

– Ванна и вино, Пит. Тебе станет лучше.

Она кивнула, но не двинулась с места. Затем произнесла:

---

[6] *Р. Даль* «Матильда», пер. А. Бирюкова.

– Марк. Я знаю, кто она.

Кингсленд-Хай-стрит Долстон
Северо-восток Лондона

Адаку считала способность ждать одним из своих достоинств: ждать, когда что-то произойдет, ждать, когда что-то поменяется, ждать смены настроения, ждать, что за поворотом ее жизнь пойдет в другом направлении. Поэтому ожидание, пока кто-то войдет в дверь, ведущую в квартиры над магазином игрушек на Кингсленд-Хай-стрит, давалось ей легко. Обстоятельства изменились, и теперь времени у нее сколько угодно.

Она позвонила по номеру на визитной карточке, которую ей дала Эстер Ланж во время предыдущего визита. Сказала Эстер, что тщательно все обдумала и теперь готова. У нее есть дополнительные деньги, которые потребовала Эстер, и она хочет их передать, чтобы записаться на прием. Они договорились обменять деньги Адаку на место в очереди.

Эстер назначила встречу на 10 утра, и вот этот день наступил. Адаку заранее познакомилась с молодым музыкантом, снимавшим студию на противоположной стороне улицы чуть дальше магазина игрушек. Это оказалось просто – достаточно было объяснить свою цель. Он сразу же согласился и представился как Ричард. Все зовут его Дикон, сказал он ей. Она тоже может называть его Диконом, если хочет.

В тот же день он дал ей ключ от своей квартиры, на тот случай, если ей нужно будет войти, а его не окажется дома. По словам Дикона, он сочинял музыкальное сопровождение для фильмов. Работал в основном дома, но ему часто приходилось уезжать в студию. «Чувствуйте себя как дома», – сказал он.

В тот первый визит Адаку поняла, что Дикон хотя и не слишком заморачивается насчет ключей от квартиры, но к своей музыке относится серьезно. Он был владельцем дорогих – судя по виду – клавишного инструмента и синтезатора. «Должно быть, у его соседей богатый слуховой опыт», – подумала Адаку. Но у нее был доступ к окну, выходящему на улицу, и этого достаточно.

Этим утром он еще спал, когда она пришла около семи и открыла дверь своим ключом. Как и во всех квартирах-студиях, спальни здесь не было. В данном случае ее заменяла довольно глубокая стенная ниша, вмещавшая футон, матрас или нечто подобное. Похоже, Дикон пользовался кроватью «ИКЕА» и спальным мешком. Беззвучно шагая к окну, Адаку видела его наголо обритую макушку.

Она повернула подъемные жалюзи, чтобы обеспечить себе хороший обзор улицы. Все тщательно спланировано. Оставалось надеяться, что она была достаточно осторожна.

Около восьми, как и ожидалось, появилась Эстер – она пришла со стороны Ридли-роуд. По дороге к магазину игрушек ее догнала женщина, которая вела с собой девочку.

Все трое подошли к двери вместе; женщина что-то говорила, склонив голову к Эстер, девочка глазела по сторонам. Адаку замерла. Поначалу она не придала значения этой сценке, подумав, что женщина – просто знакомая Эстер, но присутствие девочки заставляло предположить, что ее долгосрочный план работает, причем действие разворачивается прямо на ее глазах. Она с трудом верила в такую удачу.

Эстер отперла дверь, ведущую к квартирам на третьем и четвертом этажах здания, и придержала ее, жестом приглашая гостей войти. Когда женщина с девочкой скрылись внутри, Эстер посмотрела направо, потом налево, потом на другую сторону улицы, что заставило Адаку поспешно убрать пальцы с жалюзи на окне Дикона. Но она не отошла от окна и видела, как Эстер вошла в здание и закрыла за собой дверь.

Адаку не шевелилась. Все должно было произойти не так – по крайней мере, если бы все шло по разработанному ею плану. Но если она не начнет действовать немедленно – когда сложились идеальные условия, – дождется ли второго подобного шанса?

Она представила, сколько времени это может потребовать. Вообразила всю подготовительную работу. Затем сунула руку в карман юбки, достала мобильный телефон и набрала номер.

– Кингсленд-Хай-стрит, – сказал Адаку тому, кто ответил на звонок. – Пора. Прямо сейчас.

Убрав телефон, она положила ключ от студии Дикона на

клавиатуру электроинструмента. Потом тихо вышла из квартиры и спустилась по лестнице. Оказавшись на тротуаре, направилась к своему наблюдательному пункту на входе в кинотеатр «Рио». Адаку хотела посмотреть, как Эстер и остальных выведут из здания и увезут. Разумеется, женщина будет лгать и отпираться. Но к этому все уже давно готовы.

Мейвилл-Эстейт Долстон Северо-восток Лондона

Той ночью Тани не мог заснуть. Жара в спальне была невыносимой, но это еще полбеды. Хуже, что его мозг никак не мог успокоиться. Перед вечерним чаем Абео и Симисола пришли домой раньше Монифы, и Тани подумал, что, какова бы ни была причина их совместного возвращения, ничего хорошего ждать не приходится. Слова Абео: «Исчезни с глаз моих», – сопровождались затрещиной Монифе, которая шла мимо него на кухню. Что касается Сими, то она ушла в спальню и после чая не произнесла ни слова.

Тани уже несколько часов лежал без сна, прислушиваясь к дыханию Сими, доносившемуся из другого конца комнаты, и поэтому обратил внимание на шепот, прозвучавший в квартире уже далеко за полночь. Родители шептались и раньше – стены в доме были тонкими, как папиросная бумага, – но обычно он не обращал на это внимания. На сей раз шепот был яростным, похожим на ожесточенный спор под одеялом. Потом послышался тихий плач матери, и Тани сел и спустил

ноги с кровати.

Подойдя к двери в гостиную, он приоткрыл ее и прислушался. Голос отца. Такого яростного шепота Тани еще никогда не слышал.

– Не перечь мне, Монифа.

– Почему ты никогда не пытаешься понять?

– *Что* ты мне сказала?

Тон Монифы мгновенно изменился, став просительным и даже плаксивым.

– Абео, я не могу позволить…

– Ты сделаешь то, что я скажу. Это стоит гроши.

– Не все измеряется деньгами.

– Если ты посмеешь ослушаться меня, Монифа, клянусь богом…

– Пожалуйста. Ты должен меня выслушать.

– Мои решения не обсуждаются. Я слышал достаточно.

– Нет. Какой выкуп за невесту ты рассчитываешь получить, если Симисола умрет? Иногда мне кажется, что ты не видишь вещи такими, какие они есть. Ты не можешь… – Звук шагов, потом крик матери: – Нет! Абео! Перестань!

Тани шагнул к двери родительской спальни, распаленный как словами «выкуп невесты», так и криком матери.

– Не *смей* разговаривать со мной в таком тоне. – Теперь голос Абео звучал громче. Он уже перестал сдерживаться.

– Я должна говорить, чтобы защитить моих детей.

– Что значит «должна»? Ты ничего не должна. Понима-

ешь? Я защищаю наших детей.

– Перестань! Мне больно…

– Ах, тебе больно… Больно? А чего ты ждала от меня, а? После того, как вы с отцом мне солгали? Чего ты ждала? Я рассчитывал получить плодовитую, а получил тебя, с твоей болью, с твоими слезами… *Хватит. Довольно*. Тебя следует проучить… Ты *вынуждаешь* меня это делать, Монифа… – Послышались звуки борьбы, шаги, потом глухой удар.

– Ты делаешь мне больно. *Пожалуйста*, Абео.

Тани схватил ручку двери и распахнул ее. Отец столкнул Монифу на край кровати, но она все еще сидела. Одной рукой он обхватил ее затылок, другой сжал подбородок и сдавил с такой силой, что ее лицо покраснело.

– Отпусти ее! – крикнул Тани.

Пальцы Абео продолжали стискивать подбородок жены, но он убрал ладонь с ее затылка. Повернувшись к Тани, сжал свободную руку в кулак и занес его.

– Хочешь кого-то ударить? Бей меня, – сказал Тани. – Давай. Потому что мне очень хочется расквасить тебе нос. Понял, Па? Давай. Или ты способен бить только женщин?

– Тани! Пожалуйста! Не говори так!

Но Монифе не стоило волноваться из-за драки.

– Ты знаешь, что делать! – рявкнул ей Абео и оттолкнул Тани.

«Не дурак», – подумал тот. Отец требовал от домашних уважения, но прекрасно знал, что его ждет, если он ударит

Монифу в присутствии сына. Тани вышел вслед за ним из комнаты.

– Дай ему уйти! Тани! Просто дай ему уйти! – крикнула Монифа.

Но Тани не собирался отпускать отца. Спокойствие в семье после его ухода продлится только до утра, а потом все начнется сначала. Этому нужно положить конец, и Тани понимал, что сделать это может только он.

Хлопнула входная дверь. Абео вышел из квартиры.

У него была фора, потому что Тани должен был посмотреть, как там Симисола. Она не спала. Сидела на кровати, прижав подушку к груди; глаза у нее были огромными и черными.

– Иди к маме. Я скоро вернусь, – сказал Тани и вышел из квартиры, пока ее слезы и протесты не задержали его еще больше.

На улице он огляделся. Непонятно, куда мог направиться отец. В такой час все пабы уже закрыты, а в мужской клуб его вряд ли пустят.

Тусклые фонари освещали асфальтовую площадку через дорогу, но она была пуста. Тани еще раз огляделся и увидел, что поблизости ни души. Отец словно растворился в горячем ночном воздухе.

31 июля

Предуниверситетский колледж Эбни Сток-Ньюингтон Северо-восток Лондона

Тани был не в состоянии сосредоточиться на занятиях и поэтому пропустил три лекции и одну контрольную. Он должен с кем-то поговорить, но единственным человеком, с которым ему хотелось поделиться, была Софи. Только вот… есть вещи, которые ей знать не следует, потому что кое-что о своей семье он не решался произнести даже мысленно, не говоря уже о том, чтобы кому-то рассказать. Ему нужен план, но в голову ничего не приходило. Поэтому, решил Тани, нравится это ему или нет, но одна голова – хорошо, а две – лучше.

Софи он нашел в библиотеке; она работала над эссе. В ушах у нее были наушники, и она задумчиво грызла кончик карандаша. Тани смотрел, как она читает текст, делает паузу и пишет несколько строк на листе бумаги. Потом накрыл ладонью раскрытую книгу.

Она подняла голову, улыбнулась и сняла наушники. Тани слышал доносившийся из динамиков белый шум. Похоже на дождь. Он перекинул ногу через стул напротив нее и сел на него верхом.

Софи бросила взгляд на настенные часы над столом библиотекаря.

– Где ты был, Тани? И разве у тебя сейчас нет лекции?

– Лекций я наслушался дома.

– Очень смешно. – Софи наклонилась через стол и поцеловала его. К этому делу она подошла серьезно, чему Тани был очень рад. Когда девушка отстранилась, он снова притянул ее к себе, так что они почти соприкоснулись лбами и он мог смотреть прямо в ее темные глаза.

– Что? – с улыбкой прошептала она.

– Что «что»? – тоже шепотом ответил он.

– Тани, ты пропустил лекцию. Никогда такого не было. С тобой что-то происходит. Я вижу. – Она коснулась его щеки. – И чувствую. У тебя такое напряженное лицо… Опять с папой поругался?

Он отодвинулся, чтобы видеть ее всю, но продолжал говорить шепотом.

– Это все из-за Симисолы. – Отвел взгляд.

Лицо Софи стало серьезным.

– Твоей сестры? Что случилось?

– Может, выйдем на минутку? Время у тебя есть?

Она согласилась, и Тани подхватил ее рюкзак, оставив остальные вещи на столе. Выходя из библиотеки, он пытался придумать, как объяснить Софи, что происходит, не выдав родителей с головой. Не получалось. У него было такое чувство, как будто он оказался в пруду с ледяной водой. Стара-

ясь не смотреть на Софи, Тани сказал:

– Несколько дней назад она, Сими то есть, показала мне весь этот хлам. Дерьмо, которое купила ей мама. На рынке на Ридли-роуд. Одежда, украшения, косметика – вот что это было.

– Правда? Украшения? Косметика? Твоей сестре?.. Странно, правда? Для ее возраста, я имею в виду. И судя по тому, что ты мне рассказывал, на твою мать это не похоже. У меня создалось впечатление, что она вроде как придерживается традиций.

– Да, но это… – Он умолк, задумался, потом решил немного сменить тему: – Послушай, Сими думает, что это для праздника. Большого праздника, как она говорит. После инициации.

Софи нахмурилась.

– Какой еще инициации?

– Принадлежности к йоруба, – объяснил Тани. – Мама сказала ей, что нужна инициация, потому что она родилась тут, а не в Нигерии.

– Как это? То есть разве это не происходит при рождении, если родители ребенка – нигерийцы?

– Конечно. Ерунда какая-то… Я пытался объяснить, но Сими не слушала. Она думает только о том, что там будет торт, что люди будут дарить ей деньги, что она получит все это барахло с рынка, которое не сможет носить, и размалюет себе лицо. Я пробовал говорить об этом с мамой, но та сказа-

ла, что Сими все не так поняла и что единственное, что произошло, – это визит к врачу, медсестре и кому-то там еще. Мама сказала, нужно убедиться, что у нее всё в порядке.

Софи отвела взгляд и задумалась. Она смотрела на фонтан в центре внутреннего дворика, где они сидели на подпорной стенке.

– Это обычное дело для нигерийских девочек? – наконец спросила она. – Я имею в виду медицинский осмотр.

– Не имею ни малейшего представления. Предполагается, что у них будет много детей, так что, мне кажется, сначала нужно ответить на вопрос, могут ли они *вообще* иметь детей.

– Но ведь ей только восемь, да?

– Именно об этом я и подумал… И кое-что еще. Этой ночью я слышал, как мама с папой спорили. Думаю, из-за Сими. Мама говорила, что пытается защитить ее.

Софи прикоснулась пальцами к губам и пристально посмотрела на него, словно хотела что-то прочесть на его лице.

– От чего?

Тани не хотелось признаваться, не хотелось раскрывать тайны своей семьи. Но он чувствовал, что должен поговорить с ней.

– Чтобы папа не брал за нее калым.

– *Калым*? – изумилась Софи. – Твой папа хочет ее *продать*? Это абсолютно *противозаконно*. Ты должен позвонить в полицию, Тани, если он и правда собирается это сделать.

– Бесполезно. Они будут всё отрицать. По крайней мере, Па.

– Тогда ты должен быть готов немедленно забрать ее из дома, как только услышишь или случайно подслушаешь, что кто-то собирается за нее заплатить. Если твоя мама покупала ей одежду и всю остальную ерунду, как будто Сими хотят кому-то отдать, значит, это должно произойти скоро.

– И куда я ее дену? Я же говорил, что звонить в полицию нет смысла. А куда еще, черт возьми, можно обратиться?

Софи посмотрела на дом по другую сторону двора. Тани проследил за ее взглядом. Кто-то открывал окна, надеясь на лучшее – на внезапный порыв ветра, несущего прохладу. Софи молчала, и юноша слышал лишь чириканье птиц, плескавшихся в фонтане, и тихое журчание воды.

– Если звонить в полицию действительно нет смысла, можешь привезти ее ко мне.

– Ни за что.

– Почему? Ты ведь им не говорил, правда? Родителям? Я имею в виду, о нас.

– Нет, но мы вместе ходили на рынок. Кто-нибудь нас видел, можешь не сомневаться. Первым делом они будут искать ее на рынке. А когда Сими там не окажется, мама поймет, что без меня тут не обошлось. Сими так радовалась всему, что ей наговорили об «инициации», что точно не могла бы сбежать сама. Достаточно одному человеку на Ридли-роуд сказать: «А что насчет той девушки, которую видели с Та-

ни?» – и этого будет достаточно. Еще несколько вопросов, и они узнают твое имя и придут к тебе… Нет, нужно найти такое место, где до нее не доберутся.

– Может, социальная служба?

– Я не могу так поступить с Сими.

– А есть другие варианты?

– Не знаю, но я не могу отправить ее в приют… А что дальше? Когда она оттуда выйдет? И выйдет ли *вообще*?

– Ее отпустят, когда твои родители согласятся не искать ей мужа.

– Ни на что они не согласятся. Никогда. Папа не согласится, а мама в конечном счете сделает все, что он ей скажет. Получается, Сими отправится в приют и будет наказана за то, что хотят сделать они.

– Это не наказание, Тани.

– Да уж, конечно… А как она ко всему этому отнесется? Будет напугана до полусмерти.

– Но ты должен забрать ее от них, от родителей, – по крайней мере, пока кто-то не поговорит с ними насчет планов продать Симисолу.

– Да? И кто же с ними поговорит?

Они умолкли, задумавшись. Софи почесала голову, обнаружила заткнутый за ухо карандаш, извлекла его и принялась вертеть в руках. Потом вздернула подбородок, словно ей в голову внезапно пришла какая-то мысль.

– Тани, а тебе не кажется…

Он ждал, но Софи молчала.

– Что?

– Ну, может, это и глупость… Нет ли чего-то такого, что могло бы их остановить? Одного из них? Или обоих? Чтобы Симисолу не продали за калым?

– Но чем их остановить?

– Чем-то вроде шантажа. Может, они делают что-то такое, что хотели бы скрыть от остальных? И знаешь об этом только ты – но никому не скажешь, пока Симисола будет оставаться в безопасности.

– Что такого они могли бы делать? Продавать наркотики в мясной лавке? Содержать притон? Нет. А мама вообще почти не выходит из дома.

– А может, твой отец занимается этим один? Чем-то таким, о чем матери знать не положено?

Тани задумался. Дело в том, что отец часто отсутствовал ночами, возвращаясь только к утру. Тани всегда думал, что отец идет в паб или мужской клуб, но, возможно, он был замешан в чем-то незаконном? Азартные игры, тотализатор, нелегальный ввоз иммигрантов или контрабанда товаров, облагаемых высокими пошлинами…

– Возможно. Он куда-то ходит по ночам. Часто. А возвращается утром.

– Что, если ты за ним проследишь?

– Могу. А если его занятие вовсе не тайное или незаконное? Что тогда?

– Тогда мы придумаем что-нибудь еще. Пока – на всякий случай – ты должен собрать вещи Сими, чтобы быстро увезти ее, если потребуется.

Мейвилл-Эстейт Долстон Северо-восток Лондона

Так получилось, что Тани представилась возможность все выяснить уже этой ночью. За ужином Абео был задумчив. Даже рис с яйцами не повлиял на его настроение; даже *асун*, который Монифа поставила на стол в качестве закуски. Кроме того, ей удалось достать баранину, и она приготовила суп *эведу*. Абео вошел в квартиру в своей пропитанной кровью рубашке после проведенного в мясной лавке дня. Что бы он там ни рубил, вид у него был как у судебно-медицинского эксперта после вскрытия – отбивающий всякий аппетит. Остальным было бы гораздо приятнее, если б он переоделся, но никто не собирался давать ему этот совет. Или просить. Трое остальных членов семьи, похоже, решили – не советуясь друг с другом, – что лучше всего отвести взгляд. Поэтому – если не считать момента, когда Абео отодвинулся от стола и исполнил свой тошнотворный ритуал сморкания и швыряния бумажной салфетки на пол, – за столом были слышны только звуки жевания и глотания, а также голоса, доносившиеся из распахнутых окон и двери квартиры.

Насколько мог судить Тани, с той ночи, когда поругались родители, ничего не изменилось. Абео по-прежнему что-то

требовал от Монифы. Та не соглашалась. Никто не хотел уступать.

После еды Абео резко отодвинул стул и вышел. Он скрылся в ванной комнате, и оттуда послышался звук наполняемой ванны. Монифа принялась убирать со стола тарелки и остатки еды.

– Сими, помоги мне, – приказала она.

Девочка вскочила и присоединилась к ней. Прижав к себе стакан локтем, она посмотрела на Тани. Тот видел, что сестра переживает из-за того, как изменилась атмосфера в семье: все избегали разговоров друг с другом, родители из-за чего-то поссорились, и никто больше не говорил о приближающемся «празднике». Тани считал это добрым знаком. И надеялся, что все быстро превратится в туманные воспоминания.

Абео пробыл в ванной около часа. Выйдя оттуда, он направился в их общую с Монифой спальню, и Тани подумал, что этим вечером отец никуда не собирается, а накажет их всех молчанием, за которым клокочет ярость, которую ему все равно не удавалось скрыть.

Тани пошел к себе в комнату и нашел под кроватью рюкзак, с которым ходил в среднюю школу. Опустошив его, подошел к шкафу с одеждой, своей и Сими. Но едва протянул руку, чтобы взять одно из ее летних платьев, как в комнату вошла Сими. Он поспешно опустил руку – нельзя говорить ей, чем он занят.

– Папа сердится, Тани, – сказала она.

– Да, только ты тут ни при чем.

– А что тогда происходит? Он сердится из-за того, что ты сказал ему, что не хочешь жениться на той девушке?

– Оморуки, или как там ее?.. Да, отчасти.

– А остальное? Это… Тани, это из-за меня?

– Знаешь, Пискля, тебе лучше не лезть в то, что происходит между мамой и папой. Чем тише себя ведешь, тем реже о тебе вспоминают. Можешь мне поверить, сейчас так будет лучше всего.

– Я не понимаю…

– И это тоже хорошо.

Услышав, как открылась дверь родительской спальни, он приоткрыл свою дверь и в образовавшуюся щель смотрел, как к отцу входит Монифа. Увидев ее лицо, Тани напрягся. Он не знал, что собирается делать мама, чтобы сохранить мир, – и не хотел знать.

Когда дверь спальни родителей открылась снова, было уже темно. Тани сидел на кровати и ждал, пока заснет Сими, чтобы незаметно взять что-то из ее вещей. До него донеслись слова матери: «Абео, неужели ты не можешь…» – но тут дверь снова закрылась. Приоткрыв свою дверь, он увидел выходящего в коридор отца; тот был полностью одет, и от него пахло лосьоном после бритья – верный признак, кто он уходит на ночь.

Тани повернулся к сестре.

– Я вернусь, – сказал он. – Сиди тихо, поняла? Мама не должна знать.

– Ладно, – ответила Сими. – Но куда…

– Я же сказал – не знаю. Спи. – Он ждал, пока она успокоится – по крайней мере, попробует.

Вслед за отцом Тани вышел в жаркую и влажную ночь. Абео нигде не было видно, и он стал прислушиваться. Услышав собачий лай, пошел на звук.

Когда лай стал громче, Тани увидел знакомую грузную фигуру отца. Тот явно не спешил, словно вышел прогуляться, пытаясь избавиться от духоты в доме. Он шел в направлении Вудвилл-роуд. Там повернул налево, и Тани пришлось перейти не бег, чтобы не упустить его из виду. Стало ясно, что Абео направляется к Кингсленд-Хай-стрит. Но почему-то он выбрал маршрут по пустым улицам, где в особняках и многоэтажных домах спали люди, стараясь приспособиться к жаре, не ослабевшей даже ночью.

Наконец Абео вышел на главную улицу. Здесь тоже никого не было. Воздух казался густым от жары, словно хотел проникнуть за стекла витрин в закрытые на ночь магазины. Тротуар, впитавший выхлопные газы от многочисленных машин, заполнявших улицу днем, как будто освобождался от них; мусорные контейнеры источали неприятный запах гниющих овощей и остатков дешевой еды.

Абео перешел на другую сторону и оглянулся. Тани поспешно спрятался за синей решеткой магазина азиатской ме-

бели, надеясь, что она укроет его от отцовского взгляда. Похоже, уловка сработала, и Абео продолжил путь. Через несколько минут он свернул на Ридли-роуд.

У Тани мелькнула мысль, что отец, мучимый бессонницей, решил поработать в своей бакалейной или мясной лавке. Зачем еще ему сюда идти? В этом районе больше ничего не было. Все закрыто и заперто, а в тусклом свете уличных фонарей на тротуарах виднелся мусор, ждавший, пока кто-нибудь его сметет. Но до этого оставалось еще несколько часов. Уборщики улиц появятся на рассвете – а вместе с ними и рыночные торговцы.

Абео не остановился на Ридли-стрит. Наоборот, он ускорил шаг. Когда сворачивал на Честер-кресент, а оттуда – на Долстон-лейн, в его движениях появилась какая-то вкрадчивость. Вдали Тани разглядел виадук, по которому улицу пересекали железнодорожные пути, и юношу посетила безумная мысль, что отец собирается куда-то ехать на поезде, хотя в такой ранний час поезда в Лондоне не ходили.

Тани напрягся. Да, Софи подала блестящую идею. Отцу действительно есть что скрывать, и если это можно использовать против него, Сими ничего не угрожает – независимо от того, что задумали родители. Раньше Тани особенно не задумывался, почему отец уходит из дома по ночам. Он просто считал, что так поступают все женатые мужчины, когда хотят побыть в обществе других женатых мужчин. Но то, что он видел теперь – ночная прогулка Абео, – не имело ничего

общего с желанием пообщаться с другими женатыми мужчинами. Отец что-то замышлял, и Тани, пройдя вслед за ним мимо станции метро «Хакни-Даунс», затем по Амхерст-роуд и свернув на Нэрроу-уэй, начал догадываться, в чем дело.

Здесь были ломбарды, и Тани понял, что должен произойти какой-то обмен, результатом которого станут деньги. Без контрабанды тут не обошлось, и Абео пришел сюда либо получить деньги за продажу незаконного товара в одной из своих лавок, либо поделиться прибылью. Одно несомненно: происходящее в эти ночные часы – любой обмен – это, скорее всего, незаконно. Но пока Тани прокручивал в голове этот сценарий, отец дошел до конца улицы, перешел на другую сторону и остановился на углу, по всей видимости добравшись до цели своей прогулки.

Это был Пембери-Эстейт, огромное скопление многоквартирных кирпичных домов. Квартал находился на пересечении Долстон-лейн и Кларенс-роуд, поблизости от букмекерской конторы «Пэдди Пауэр» – очень удобно для обитателей сотен квартир, тешивших себя надеждой разбогатеть.

Тани остановился на углу, наблюдая, как отец заходит на первый этаж. Этот квартал был даже больше, чем Мейвилл-Эстейт, но поскольку Абео шел уверенно и не посмотрел на план, висевший сразу за входом, Тани понял, что отец уже здесь бывал.

Он сократил расстояние и старался держаться у края дорожек, которыми шел Абео, – на случай, если тот обернет-

ся проверить, не следит ли кто за ним. Но Абео не оглядывался. Пройдя по лабиринту проходов между зданиями, он наконец добрался до нужного дома и свернул к панели со звонками у шахты лифта. Но звонить не стал, а извлек что-то из кармана, что позволило ему воспользоваться лифтом. Кабина прибыла, Абео вошел внутрь и поехал наверх.

Тани отошел подальше, чтобы увидеть, где отец выйдет из лифта. Вскоре его старания были вознаграждены. Абео шел по внешнему коридору на третьем этаже. Одна из дверей открылась, и в проеме Тани увидел женщину, а затем услышал ее голос.

– Сегодня ты поздно, – сказала она.

Для Тани этого было вполне достаточно.

1 августа

Пембери-Эстейт Хакни Северо-восток Лондона

Остаток ночи Тани провел прямо здесь, в Пембери-Эстейт, размышляя о том, какие у него есть варианты. Он ждал, устроившись так, чтобы видеть лифт, который отвез отца на третий этаж многоквартирного дома. Всю дорогу от Мейвилл-Эстейт Тани гадал, выйдет ли из этого что-нибудь полезное, но о такой возможности он даже и не мечтал.

В 5:30 из лифта вышли несколько человек. Еще несколько – в 5:45. Абео появился во внешнем коридоре здания только после шести. Он подошел к лифту и спустился на нем. Потом бодрой походкой направился прямо к Тани, словно ожидал увидеть его здесь. В руке у него был большой конверт из коричневой бумаги.

– Я так и думал, что это ты. – Абео взмахнул конвертом. – Ты был осторожен, но все же недостаточно.

От Абео пахло сексом и потом. Запах был так силен, что Тани попятился. Заметив его движение, Абео хитро улыбнулся. Потом повернулся и направился к выходу, тем же путем, что и пришел.

– Если трахаешься на стороне, – сказал Тани в удаляющуюся спину отца, – не помешало бы принимать душ, когда за-

канчиваешь.

Абео не ответил. Походка его была упругой, как у юноши, – словно он гордился, что его секрет раскрыт.

– Не потрудился вымыться? – спросил Тани. – Нет, погоди. Ты *хочешь*, чтобы от тебя воняло так, чтобы каждый человек в радиусе двадцати метров знал, чем ты занимался этой ночью? Это для тебя важно, да, Па? Люди должны *знать*, что у Абео Банколе был секс?

Эти слова заставили Абео остановиться, но на сына он не смотрел. Просто слегка повернул голову, чтобы Тани мог его слышать.

– Ты как разговариваешь с отцом?

Тани подошел к нему.

– Кто она? Как долго это продолжается?

– Это не твое дело, – сказал Абео. – Все, что тебе нужно знать, я сообщу. – Он снова пошел, похлопывая себя конвертом по бедру. Потом начал насвистывать, изрядно фальшивя.

Тани не отставал.

– Третий этаж. Я могу туда пойти. Ты этого хочешь? Чтобы твой сын заявился к любовнице? Кто она? Мало ты обижаешь мать, так еще нашел себе грязную подстилку, которая раздвигает для тебя ноги?

К ним приблизился уличный уборщик, чистивший тротуары и канавы. Окинув их быстрым взглядом, он кивнул в знак приветствия. Абео кивнул ему в ответ. Тани никак не

отреагировал.

Они шли дальше. Машин на улицах становилось все больше. Рычали автобусы. Воздух жадно впитывал выхлопные газы, а солнце обещало еще один день изнуряющей жары.

Тани увидел, что отец открыл клапан коричневого конверта и достал оттуда лист плотной бумаги. Потом протянул Тани. На нем детской рукой были нарисованы состоящие из палочек человечки с кудрявыми волосами. Две большие фигурки и две маленькие. Над человечками печатными буквами было написано: «Моя семья». Под двумя маленькими фигурками более уверенная рука вывела, тоже печатными буквами: «Элтон и Даврина». Под двумя большими, тем же почерком: «Мама и папа». К фигурке мамы был пририсован большой живот, на который указывала стрелочка с надписью: «Малыш».

– Ты трахаешь чью-то жену? И она беременна? Ты в своем уме?

Абео ничего не ответил. Просто протянул конверт сыну. Поначалу Тани подумал, что должен положить рисунок в конверт, но Абео сказал ему:

– Переверни.

На обратной стороне Тани увидел надпись: «Папе от Элтона».

Тани переводил взгляд с печатных букв на отца, не веря своим глазам.

– Какого черта? Кто эти люди?

– Мои дети и их мать, – объяснил Абео. – Элтону шесть, Даврине четыре. Третий родится в декабре. У мужчины должна быть семья. Дети и внуки. Твоя мать бесплодна. Ларк – нет.

– Ларк? – переспросил Тани. – Значит, ее зовут *Ларк*? – И тут до него дошло. – Ты морочишь нам голову всей этой нигерийской чушью, а сам трахаешь англичанку?

– Она черная англичанка, – сказал Абео. – Она рожает мне детей. И еще родит. У настоящего мужчины должно быть много детей.

– Значит, вот как это было, да? Мама родила двоих, но тебе было мало, и ты решил… что… дать *объявление*? – Отец ничего не ответил, и Тани понял, что угадал. – *Точно*. Значит, разместил объявление в интернете. И в нем ничего не было о детях. А что она думает о нас? Знает ли она, где ты пропадаешь, когда ты не с ней?

– Она знает, где я. И с кем. Ее это устраивает. Меня тоже.

Тани почувствовал, что у него кружится голова. Ему захотелось сесть и все обдумать, но нужно было идти дальше, чтобы вытянуть из отца все, что потом можно будет использовать против него.

– А что, если кто-то расскажет маме о… как ее там… *Ларк*… и она бросит… все это – тебя, всю эту поганую жизнь? Что, если мама с тобой разведется?

– Она этого не сделает, – сказал Абео. – У нее нет на это причин. Если они когда-нибудь встретятся, она поблагода-

рит Ларк за ее… – Абео никак не мог подобрать подходящее слово. – За ее услуги. Ларк отлично справляется.

Отец блефовал. Тани видел это по его бегающим глазам. Отец все время отводил взгляд – то на тротуар, то на проезжающие машины.

– Правда? Ладно, тогда я ей расскажу, и мы посмотрим, как она отреагирует.

– Говори. – Похоже, Абео не испытывал ни смущения, ни стыда, ни вины, вообще ничего. Все в нем как бы говорило Тани: «Да, я такой, и ты можешь относиться к этому как угодно. Меня это не волнует».

Тани подумал, что Абео пытается взять его на пушку.

– Я ей скажу, Па.

– Как хочешь, – ответил Абео.

– Ты потеряешь маму, Сими и меня. Потеряешь половину всего, чем владеешь. Ты этого хочешь? Клянусь, я все ей расскажу. Если только…

Теперь Абео смотрел на него. И слегка наклонил голову, явно заинтересовавшись, что последует дальше.

– Если только ты поклянешься оставить Сими в покое. Поклянешься прямо здесь и сейчас. Ты от нее отвяжешься, она останется в Лондоне, и ты *никогда* не станешь продавать ее какому-то там парню в Нигерии.

Абео перешел на другую сторону улицы, Тани – за ним. Солнце освещало верхушки многоэтажек в Мейвилл-Эстейт. Народу на улицах все прибавлялось: на велосипедах,

машинах, мотоциклах и пешком. Скоро откроются магазины, и торговцы на рынке начнут раскладывать свой товар.

– Значит, это твоя цена? – спросил Абео.

– Да, это моя цена. Сими. Она остается в Лондоне. Ее оставят в покое. Такова моя цена.

Абео задумчиво кивнул. Правая сторона его верхней губы дернулась.

– Я подумаю об этом, а ты пока будешь молчать.

– Даю тебе время до вечера, – сказал Тани.

– До вечера, – согласился Абео.

Когда они добрались до Бронте-хаус, Монифа и Симисола еще спали. Тани думал, что отец сразу пойдет в ванную, чтобы смыть со своего тела запах Ларк, секса и пота. Но тот подошел к двери спальни, которую делил с Монифой.

– Нифа, иди сюда, – сказал он, распахнув дверь.

Тани услышал шелест простыней, потом голос матери.

– Что случилось?

– Я сказал, иди сюда, Монифа. Ты что, не слышишь?

Снова шорох, и через секунду на пороге появилась Монифа. Лицо ее было опухшим после сна – или от бессонницы, – под глазами темные круги. Она увидела Тани, потом перевела взгляд на Абео и поднесла руку к горлу.

– Покажи ей, Тани, – сказал Абео и протянул сыну коричневый конверт. – Тебе очень этого хотелось? Давай, прямо сейчас. – Тани не шевелился. – Ты слышал? Покажи матери; ты же собирался это сделать, если я не исполню твое жела-

ние. – Увидев, что Тани по-прежнему не шевелится, Абео выхватил у него конверт и сунул Монифе. – Смотри, – приказал он. – Твой сын хочет, чтобы ты это увидела, так что смотри.

Монифа перевела взгляд с мужа на сына, потом на конверт в своей руке. Ей не нужно было повторять дважды. Она открыла конверт, вытащила лист бумаги и посмотрела на рисунок, который недавно разглядывал Тани. Потом медленно подняла руку, посмотрела на сына и закрыла ладонью половину лица.

– Прости, – сказала она. – Я не хотела, чтобы ты знал.

Абео вскинул голову, вызвав у Тани невольные ассоциации с быком.

– Свари кофе, – бросил он Монифе. – Я буду в ванной.

Тринити-Грин Уайтчепел Восток Лондона

Усилия Нариссы Кэмерон, похоже, не привели к желаемому результату. Несмотря на то что двумя неделями раньше одна из взрослых волонтеров отлично справилась с задачей и продемонстрировала именно тот стиль изложения, который был нужен Нариссе, – Дебора фотографировала ее и записывала все сказанное, в надежде использовать и то и другое при работе над новой книгой, – ни одной девочке пока не удалось это повторить. И на репетициях, и на съемках все они, как автоматы, произносили перед камерой заученный текст.

Еще больше Нариссу злило то, что с Деборой – этой проклятой *белой* женщиной, черт бы ее побрал, – девочки держались естественно. Дебора знала, что дело тут не в каком-то волшебстве. Просто у нее больше опыта. Учеба на курсах и годы, посвященные съемкам портретов, научили ее раскрывать своих персонажей. Похоже, Нарисса еще не овладела этим навыком, который приходит с опытом, и ее разочарование вступало в конфликт со страстным желанием углубиться в истории девочек.

Выйдя из «Дома орхидей», Дебора остановилась. На нижней ступеньке лестницы она увидела Нариссу, которая разговаривала по мобильному.

– Плохо. На *самом* деле плохо. *Ужасно*. Виктория, ты *должна*…

Вероятно, Виктория перебила ее, а затем довольно долго что-то говорила, после чего Нарисса взволнованно ответила:

– Я знаю, что мне нужно. Ты *не* помогаешь. Ты мне кто, спонсор или мать?

Затем она снова слушала и, похоже, ей не понравилось услышанное.

– Я не могу прийти. Это займет слишком много времени. Я не…

Снова Виктория. Потом:

– Ладно. Да. Ладно.

Отключив телефон, Нарисса заметила Дебору.

– *Что*? Зачем вы тут болтаетесь? Почему не идете домой?

Уходите! – Не дожидаясь ответа, Нарисса зашагала по выжженной солнцем лужайке, протянувшейся между двумя рядами коттеджей. На середине она оглянулась и, увидев, что Дебора не сдвинулась с места, крикнула: – Почему вы *никого* не слушаете? Что с вами такое?

Дебора спустилась по лестнице и подошла к ней.

– Может… Кажется, вы… Я просто… Я могу вам чем-то помочь?

– Я похожа на человека, который нуждается в вашей помощи?

– Честно? В общем… похожи.

– Что вы хотите? Кем вы себя воображаете? Какой-то мадонной-покровительницей… черт. Черт, я даже не могу придумать, чего именно.

Дебора засмеялась и тут же извинилась.

– Ой, простите, – сказала она, прикрывая рот рукой.

Нарисса закатила глаза.

– Вам никогда не давали пинка по вашей привилегированной белой заднице?

Дебора задумалась. Да, такие ситуации бывали. Поэтому она ответила серьезно:

– Не сомневаюсь, что были такие, которым этого хотелось. Но до сих пор им всем удавалось держать себя в руках.

Нарисса направилась к внешней стене и улице за ней. Дебора не отставала.

– *Что?* – Нарисса снова бросила на нее испытующий

взгляд.

– Кажется, съемки… ну… идут не так, как вы надеялись.

– Ага, Шерлок номер два, – Нарисса снова закатила глаза.

– Можно я скажу? Кажется, у вас некоторые трудности.

– Катастрофа – вот что у меня, черт бы его побрал.

– Можно сказать и так, – согласилась Дебора.

– Вы когда-нибудь ругаетесь? – поинтересовалась Нарисса. – Или вы вся такая деликатная-деликатная?.. Ладно, проехали. Не отвечайте. Мне нужно на это проклятое собрание – вот что мне нужно. Или выпить. Или таблетку. Или еще что-то.

– Может, поговорить? – предложила Дебора. – Да, я понимаю, что вам нужна не я. И конечно, я не знаю и не могу делать вид, что знаю, на что это похоже. То есть ваши собрания и все прочее. Но я могу поговорить. А если точнее, я могу слушать. Говорить будете вы. Я могу реагировать, если вам нужна реакция.

Нарисса снова окинула ее испытующим взглядом. Дебора поняла, что ее оценивают. Оставалось только ждать, что решит эта женщина.

– Ладно, черт с ним, – наконец буркнула Нарисса. – Я получаю от них все, кроме ярости. И все время спрашиваю себя, почему они не возмущаются. Мы слышали о предательстве, лжи, потере невинности, о деградации и об угнетении женщин, но почему они не возмущаются? Я возмущаюсь. Я просто вне себя. И именно это – ярость – *полностью* отсут-

ствует, когда я просматриваю снятый за день материал. А вот когда девочки говорят с вами, я ее вижу. Но почему они так разговаривают именно с вами… я имею в виду, что вы белая, благополучная, милая и все такое. Что я делаю не так?

Они все еще шли к внешней стене, тянувшейся вдоль тротуара. Когда добрались до конца, Дебора остановилась в тени одной из растрепанных акаций.

– Похоже… ну, не знаю… вы очень строги к себе?

Нарисса отрывисто рассмеялась, но смех вышел невеселым.

– *Это* у меня быстро пройдет. Не сомневайтесь. Это моя сильная сторона.

– Можете шутить сколько хотите. Но у меня вопрос: это ваш первый документальный фильм?

– Я работала с отцом, а тот снимал документалки лет сорок. Так что я знаю, что делаю, – если вы это имеете в виду. Я знаю процедуру. Слышала с самой колыбели.

– Что именно?

– Что самый надежный путь к успеху – способность режиссера оставаться объективным, а сам он во время съемки должен держаться нейтрально и в то же время благожелательно. – Ответ Нариссы был похож на давно заученный текст.

– И все же это ваш первый документальный фильм?

– Какая разница? Я должна уметь…

– Что? И почему? – Нарисса не ответила, и Дебора про-

должила: – Почему вы что-то *должны*?

– Потому что я очень этого хочу, – после паузы ответила Нарисса.

– И что? Послушайте, я ничего не понимаю в кинодокументалистике, но, может, вы подходите не с той стороны? Судя по всему, вам нужно возмущение, исходящее от девочек. А разве негодовать должны не зрители фильма? И не должен ли режиссер верить, что зритель действительно испытает это чувство? Разве возмущение и негодование не возникают в процессе фильма? Ведь дело не в том, как девочки рассказывают свои истории, – их безыскусные слова говорят громче, чем… Не знаю. Что они должны делать? Рвать на себе волосы? Биться головой о стену? Всхлипывать? Рыдать? Знаете, Нарисса, возможно, вы сами всё портите. Как будто все эти голоса в вашей голове убеждают вас не беспокоиться, потому что все равно ничего не выйдет.

– Не люблю доморощенных психоаналитиков. Хотите честно? У вас покровительственный тон. Перестаньте.

– Вовсе нет. Я белая, вы черная, и я понимаю, что мы живем в расистском мире. И все равно я скажу: вы плохо подготовились потому, что у вас нет веры. Ни в девочек, ни в силу их историй, ни в способность зрителей понять ваш замысел – и, главное, в себя.

– Веры в себя хоть отбавляй, а вы как будто обвиняете меня в желании сделать что-то особенное, – с жаром возразила Нарисса. – Эти девочки, которые сюда пришли… Они испы-

тали такое давление, которое вы даже представить не можете. С самого рождения их учили, что женщины должны превратиться в сосуды целомудрия и чистоты, предназначенные для мужчин. А все ради того, чтобы стать достойной парня, который хочет оставить в тебе свое семя. Разве от этого не хочется кричать? И все это продолжается и продолжается, и практически *никто* ничего не делает, чтобы это остановить.

– Зачем вы так говорите? А Завади? А вы сами?

– Потрясающе. Нас двое.

– Я тоже, – сказала Дебора. – И, думаю, есть много других, кто испытывает ярость, нужную для вашего фильма, в котором им, наверное, тоже найдется место.

– Я уже говорила с несколькими, – признала Нарисса, неохотно и после секундной паузы. – Перед тем, как начала снимать здесь.

– Кто они?

– Несколько копов, пытающихся положить этому конец.

– И?..

Нарисса вышла через калитку на тротуар, за которым по Майл-Энд-роуд с ревом проносились машины.

– Они были нормальными, эти копы. Готовыми говорить, распространять информацию, вместе добираться до мозгов людей – все что угодно. Они познакомили меня с хирургом, которая тоже этим занимается.

– И вы видели ярость? Мне кажется, хирург должен сохранять спокойствие.

– Я надеялась, но интервью не состоялось. Мне с трудом удалось поговорить с ней по телефону. Она здорово смотрелась бы в фильме – но не захотела. Это очень плохо, потому что я могла бы вставить ее в финал. Один из копов сказал, что пытаться остановить то, что происходит с женщинами, – все равно что вычерпывать воду из лодки чайной ложкой, так что было бы неплохо закончить фильм ноткой надежды… – Нарисса посмотрела на проезжавшие мимо машины. Ее лицо стало задумчивым. «Интересно, о чем она размышляет», – гадала Дебора. Ответа долго ждать не пришлось. – На самом деле вы должны поговорить с ней для вашего проекта, с хирургом. Ее зовут Филиппа Уэзеролл. Судя по всему, она жуткий параноик и поэтому не разрешит ее сфотографировать, но интервью с ней в качестве введения или заключения к вашей книге… А может, и во введении, и в заключении. Подходит и для того, и для другого.

Дебора переместила вес с одной ноги на другую и внимательно посмотрела на Нариссу Кэмерон.

– Погодите. Вы только что подсказали мне структуру фотоальбома, который я собираюсь делать? Чтобы он заканчивался интервью с хирургом?

– Господи! Неужели? И что это значит? Мы пытаемся помочь друг другу? Зачем, черт возьми, нам это делать? У нас ничего общего. Мы не можем быть подругами. Вы мне даже не нравитесь.

– Вы мне тоже не нравитесь. Значит, кое-что общее у нас

есть, – улыбнулась Дебора.

Нарисса рассмеялась. В этот момент у нее зазвонил мобильный, и она посмотрела на экран.

– Мой спонсор. Хочет встретиться где-то поблизости. «Анонимные алкоголики» или «Анонимные наркоманы». Я должна ответить.

– Конечно. Мне все равно уже пора домой.

– Где вы живете?

– В Челси.

Нарисса хмыкнула и закатила глаза.

– *Конечно*, а где же еще?

Рынок на Ридли-роуд Долстон
Северо-восток Лондона

Он рассказал все Софи.

– О боже! Поверить не могу… Твоя мама? Ты знаешь, почему она… – пробормотала Софи.

У него не было ответов, а она даже не могла сформулировать вопросы. Да, в жизни отца Тани *действительно* была тайна, и ее можно было бы использовать, но оказалось, что он не делал ничего незаконного, а мать все знала.

Софи не могла этого понять. «Просто в голове не укладывается», – сказала она. Тани был с ней согласен. Совершенно очевидно, что нет смысла шантажировать отца его отношениями с Ларк, а значит, нужно придумать что-то другое.

Тани задумался, не привлечь ли на этом этапе саму Сими: рассказать ей о второй семье Абео, о том, что Монифа все знает, и о плане отца отдать Сими какому-нибудь нигерийскому парню, согласному заплатить за нее калым. Но он понимал и риск. Услышав все это, Сими, скорее всего, пойдет прямо к матери и спросит, правду ли рассказал ей брат. Монифа будет все отрицать. На этом дело и закончится. Сими верила матери на сто процентов. Тани должен пошатнуть эту веру, но он понятия не имел, как это сделать.

А вот что он может, так это подготовить сестру к тому, чтобы она исчезла, как только поймет, что *должна* исчезнуть. Первым делом нужно сложить часть ее вещей в старый рюкзак. Тани открыл половину общего шкафа с одеждой, где лежали вещи Сими, и достал несколько платьев, подходящих для летней жары. Потом передвинулся к комоду, где лежали белье и футболки. Достал из-под ее кровати принадлежности, которые она использовала для изготовления тюрбанов и для украшения одежды из благотворительных магазинов. Каждый раз он брал совсем немного, чтобы у Сими не возникло подозрений до того, как придется увезти ее из Мейвилл-Эстейт. Все вещи сестры Тани сложил в рюкзак, а сам рюкзак спрятал в своей части шкафа, в глубине, откуда его можно быстро достать при необходимости.

Следующий шаг – понять, куда увести сестру, когда придет время. Похоже, вариантов немного. Самый лучший – рынок на Ридли-роуд. Сими там многие знали. Ему просто сле-

дует осторожно поговорить с людьми и найти того, кто согласен временно приютить его сестру, пока он не разработает надежный план, как обеспечить ее безопасность.

Тани отправился на рынок. Он понимал, что нужно соблюдать крайнюю осторожность. Разговоры на рынке – словно вода в решете, а слово «конфиденциальность» никому ни о чем не говорило. «Люди, которые лучше всего знают Сими, скорее всего, хорошо знакомы с Монифой и Абео, – подумал Тани. – Вряд ли они помогут забрать девочку из дома, поскольку не захотят пересекать границу, отделяющую бизнес на рынке от семейных дел. Поэтому придется вычеркнуть из списка Талату, Машу, а также всех, кто занимался украшением тортов».

На рынке царила привычная суматоха – музыка, гул голосов, споры, фасовка товара. В этот ранний час тут уже было полно народу. Половина улицы еще скрывалась в тени от соседних зданий, и скоропортящийся товар убрали с солнца, хотя ни ранний час, ни тень не слишком ослабляли жару.

Тани решил начать с парикмахерской. Он знал, что Сими несколько раз ходила в один и тот же салон – посмотреть, как плетут косички, наращивают волосы, делают разные прически. Проблема в том, что на Ридли-роуд было три таких салона и Тани не помнил, который из них выбрала Сими.

Удача улыбнулась ему со второй попытки. Два парикмахера в «Кхоса бьюти» знали его сестру. Одну женщину звали Блисс, другую – Тиомбе. Когда Тани появился на поро-

ге, Блисс одобрительно присвистнула, а Тиомбе окинула его оценивающим взглядом и сказала:

– М-м… Смотри-ка, что у нас на обед.

Все рассмеялись.

Похоже, они не пасовали перед мужчинами. И это хорошо, потому что когда Абео начнет искать Сими, то человек, который ее прячет, не должен пугаться ни его присутствия, ни его гнева.

– Могу я с вами поговорить? – спросил он, переводя взгляд с Блисс на Тиомбе, затем опять на Блисс.

– Сейчас? – в один голос спросили они.

– Думаешь, мы бездельничаем, красавчик? – прибавила Блисс.

– Это важно, – ответил Тани. – Но я могу подождать.

– Гм… Именно этим тебе и предстоит заняться, – сказала Тиомбе.

– Или приходи через час, – прибавила Блисс.

– Тебе решать, – сказала Тиомбе. – Волосы твои, а мы обычно не стрижем парней.

– Дело в моей сестре.

– А кто твоя сестра?

– Симисола Банколе. Сими.

– Сими Банколе? – Блисс вскинула идеально выщипанную бровь. – Мы знаем Сими. Я покупаю у нее тюрбаны. И еще две головные повязки. Она твоя сестра?

Тани кивнул.

– Это важно.

– С ней всё в порядке? – спросила Тиомбе.

– Не особенно.

Тиомбе и Блисс переглянулись. Тиомбе положила руку на плечо клиентки и спросила:

– Вы не возражаете, миссис Окино?

А когда та ответила, что готова подождать, Тиомбе кивком указала Тани на дверь и вместе с ним вышла на улицу. Там она закурила и предложила ему сигарету, от которой он отказался. Тиомбе курила, держа сигарету между пальцами так, как показывают в кино; остатки дыма выходили у нее изо рта во время разговора.

– Что не так с Сими?

– Мне нужно найти место, где она будет жить.

– Почему? – Тиомбе прищурилась. Она была полукровкой, и Тани понял, что кто-то из ее родителей – китаец.

Он оглянулся. Ему не хотелось, чтобы у родителей возникли неприятности с полицией, и он не знал, насколько можно доверять Тиомбе. С другой стороны, нужно защитить Сими. Как совместить и то и другое?

– Мой папа кое-что устраивает для Сими в Нигерии. Она этого не хочет, – наконец решился он.

– Почему?

– Из-за того, *что* это.

– И что это?

– Калым. Я имею в виду, он обещал ее какому-то парню,

который согласен заплатить за нее кучу денег.

Глаза Тиомбе широко раскрылись.

– Ты хочешь сказать, что отец хочет выдать ее замуж? Сколько лет Симисоле?

– Восемь. – Тани не стал говорить, что Сими выйдет замуж прямо сейчас. Он видел, что Тиомбе возмутила сама мысль, что восьмилетнюю девочку можно кому-то обещать, даже если речь не идет о деньгах. И это гораздо важнее.

– Понимаете, отец заплатил калым за девушку в Нигерии, на которой должен был жениться я. Думаю, он хочет компенсировать эти деньги и считает, что самый лучший способ – это калым за Сими.

Тиомбе сделала долгую, глубокую затяжку. Потом покачала головой.

– Это отвратительно. Чем я могу помочь?

Тани оглянулся. Теперь очень важно, чтобы никто их не услышал.

– Спрятать ее, – тихо сказал он. – Только на несколько дней, пока я не найду что-нибудь постоянное.

– Приют, – посоветовала Тиомбе.

– В приюте ей будет плохо. Я этого не хочу.

Тиомбе отвела взгляд. Ее лоб прорезали морщины.

– Может, кто-то поговорит с твоим отцом?.. Нет, это безумие. А твоя мама тоже в этом участвует?

Тани покачал головой.

– Нет, но она не пойдет против него. Он принимает реше-

ния за всю семью. Это не обсуждается.

– Ага. Твой отец – Абео Банколе, да? У него маленький магазин африканских товаров и мясная лавка?

– Откуда вы знаете? – удивился Тани.

– У него привычка флиртовать с женщинами. И он не всегда представляется как Банколе.

Тани не мог представить, что отец с кем-то флиртует. Почти все время он был либо злым, либо раздраженным – и всё.

– Пару раз он приглашал меня и Блисс пропустить по стаканчику в пабе. А может, и три раза, – сказала Тиомбе. – Один раз мы согласились. Он приятный человек, твой отец. Только я не люблю приятных женатых мужчин, и Блисс тоже. Я все ему объяснила, и он, похоже, понял. С тех пор мы несколько раз сталкивались, но он всегда проявлял уважение. Так что если ты хочешь, я могу пойти к нему и…

– Нет! Очень важно, чтобы он не знал о нашем разговоре. Он попытается выяснить, что я задумал. И сделает так, чтобы Сими не сбежала. Это всего на несколько дней. Поможете?

Тиомбе кивнула, бросила окурок на тротуар и потушила его носком туфли на высоком каблуке. Потом нырнула в дверь салона, вернулась с листком бумаги и написала на нем номер телефона.

– Мой мобильный. Когда будешь готов, позвони, и я отвезу ее к себе домой. Сими любит животных?

– Животных? Собак, что ли?

– Коз. У меня дома живет козочка.

Часть II

5 августа

Вестминстер Центр Лондона

Детектив-инспектор уголовной полиции Томас Линли сидел в своей машине, смотрел на унылую бетонную стену подземного гаража, протяженное пространство которой тщетно взывало о Бэнкси[7], – и кипел от ярости. Он злился на Дейдру Трейхир, женщину, с которой у него были отношения, если это можно так назвать, в чем Томас глубоко сомневался – гораздо чаще, чем следовало бы, если судить по тому, как далеко зашли их отношения. Или не зашли. Но если честно, то злился он на самого себя. Разговор, который состоялся между ними накануне вечером, был совершенно лишним. Затеял его он. И ссора, которой все закончилось, – похожая на все предыдущие ссоры, тема которых оставалась неизменной, – тоже была совершенно лишней. Но он, похоже, не мог упустить шанс вставить свой комментарий.

---

[7] «*Бэнкси*» – псевдоним анонимного английского андеграундного художника стрит-арта, политического активиста и режиссера, работающего с 1990-х гг.

Однако в данном случае дело было не в случайном комментарии. Это был серьезный разговор, который завела сама Дейдра. Речь шла о ее младших брате и сестре, близнецах Гороне и Гвиндер, которые, по настоянию Дейдры, поселились в ее летнем домике в Полкер-Коув на западном побережье Корнуолла. До сих пор они жили вместе с родителями; Горон помогал отцу собирать металлолом в реках, а Гвиндер помогала ухаживать за матерью в последние годы ее жизни. Когда мать умерла после долгой и, следует признать, безнадежной борьбы с раком, в которой использовались такие средства, как посещение католических и кельтских святынь, вода из святых источников, восточная медицина и два медиума, единственным желанием Дейдры было забрать брата и сестру из убогого трейлера, который служил им семейным домом. Она знала, что отец никогда не бросит свой трейлер. Возможно, перевезет к другой речке в Корнуолле, но не бросит. А вот насчет близнецов Дейдра сомневалась. Им было уже под тридцать, и они, по всей видимости, накопили некий жизненный опыт. Пора уже поставить перед собой какие-то цели и добиваться их. Им это необходимо. Но изолированная стоянка для трейлеров – не слишком подходящее для этого место. Летний дом Дейдры тоже находился в глуши, но от него рукой подать до деревни Моренстоу, а там недалеко и до города Касвелин.

Поэтому она добилась их согласия на переезд – с Гороном пришлось труднее, потому что он обычно боялся любых

перемен, – но у нее не было денег, чтобы содержать их, так что им пришлось искать работу. Несколько раз наведавшись к близнецам, Дейдра нашла им работу на местной ферме, занимавшейся производством сидра: Горон был подсобным рабочим, собирал яблоки и следил за созреванием сидра, а Гвиндер варила яблочный джем.

Но через несколько недель близнецы решили, что хотят вернуться к отцу. Горону не нравилась работа, которую ему поручили, – обслуживать все механизмы на ферме, – а Гвиндер не хотела присматривать за огромными чанами с джемом. Но Дейдра цеплялась за мысль, что близнецам просто нужно время – привыкнуть к новому месту, расширить круг общения, понять и признать серьезные ограничения своей простой жизни.

– Они просто напуганы, – сказала Дейдра вчера вечером, когда Линли пришел в ее квартиру в районе Белсайз-Парк. Она только что приехала из Корнуолла, и он направился прямо к ней, как только ему удалось вырваться из Нового Скотленд-Ярда. По дороге Томас купил карри, но они к нему даже не притронулись – сразу бросились в спальню.

Потом они сидели на кровати, и Дейдра завела разговор о Гороне и Гвиндер и об их намерении вернуться к отцу.

– Они не хотят мне верить, когда я говорю, что они обязательно привыкнут, а если вернутся в тот трейлер, то никогда не узнают другой жизни. Их отец – мой отец, хотя я перестала считать его отцом, когда нас всех забрали у него, –

не вечен; что они будут делать, когда он умрет?

– Может, ты слишком торопишься? – предположил Линли. – Я хочу сказать, слишком рано забрала их из трейлера после смерти матери.

– Тут любой момент будет неподходящим, Том. А если они вернутся, это лишь укрепит их стремление бежать от всего, что их пугает. На мой взгляд, если тебя что-то пугает, то единственный способ изменить это, то есть побороть страх – встретить его лицом к лицу.

Именно в этот момент Линли подумал, что у него есть шанс. Ему следовало бежать от этого шанса, как от огромной воронки на ландшафте своей жизни, но он зачем-то ухватился за него.

– Кстати, об этом, Дейдра… – нерешительно начал Томас.

– О чем именно?

– Чтобы не бежать от страхов…

– И?..

Она не собиралась идти у него на поводу. Он видел это по вздернутому подбородку, который был повернут к нему в профиль, по прямой спине, прижатой к горе подушек в изголовье кровати.

– Я очень хочу, чтобы ты была со мной, – сказал Линли.

– Я и так с тобой. Посмотри на нас, Томми.

– Да, конечно. Но я имею в виду… – Интересно, что на самом деле он имеет в виду? Что ему от нее нужно, кроме того, что он уже имеет? Признание в любви? Обещание ка-

кого-то общего будущего? Она ни разу не использовала слово «любовь» для описания своих чувств, но разве это так важно? Томас опустил взгляд на простыню, прикрывавшую их обоих, на холмики их тел под тонкой тканью. И понял, что это важно. Но тут же возник вопрос: почему? А вот на него ответа не было. «Потому что я этого хочу» – совершенно недостаточно. В конечном счете он сказал:

– Наверное, я хочу, чтобы были «мы», «нас», «наше». Я люблю тебя и хочу сделать еще один шаг.

Она слегка повернулась и посмотрела прямо ему в лицо.

– Я тут, с тобой. Я твоя. Я хочу, чтобы ты присутствовал в моей жизни. Мне нравится быть с тобой. Разве этого недостаточно?

– Это никуда нас не ведет.

– А почему это должно нас куда-то вести?

– Потому что так устроена любовь. По крайней мере, моя к тебе. Я на это надеюсь. – Он снова подумал, что это возможность. Дейдра либо войдет в открытую дверь, либо захлопнет ее.

Она откинула свои рыжеватые волосы с лица и взяла очки с большой картонной коробки, которая по-прежнему служила ей прикроватной тумбочкой. Потом молча надела очки, и мудрый мужчина не стал бы продолжать разговор. Но… Линли вздохнул. Когда дело касалось Дейдры, ни о какой мудрости не могло быть и речи.

– Чего ты боишься? – спросил он.

– Я не боюсь. – Она встала, подняла с пола футболку и белье, оделась. – Откровенно говоря…

К чести Линли, он сразу понял, что эта откровенность не сулит ничего хорошего.

– …наши теперешние отношения… ты и я, Томми… в данный момент… в общем, на этом я всегда заканчивала с мужчинами. Мужчины всегда чего-то от меня хотят, и я не понимаю чего. И не понимаю, почему недостаточно того, что у нас есть. – Она прижала руку к груди и посмотрела ему в лицо. – Я такая. И всегда буду такой. Я много раз пыталась тебе это объяснить, но ты, кажется, веришь, что если будешь упорно возвращаться к этой теме, лезть мне в голову, чтобы… Даже не знаю, как это назвать. Похоже, ты думаешь, что с помощью этих разговоров получишь от меня что-то еще. Но этого у меня просто нет.

Линли тоже встал и начал одеваться.

– А *ты* остаешься в убеждении, что внутри тебя ничего нет, кроме желания держаться на расстоянии от остального человечества в целом и от меня в частности. Это не вся жизнь, а лишь ее половина, а я не верю, что тебе достаточно этой половины. Ты боишься идти в будущее вместе со мной, и я не знаю почему. И не узнаю, если ты мне не скажешь.

– Это не страх. Не знаю что, но не страх. То, какая я есть, не имеет отношения к страху.

– Что же это? Как можно от него избавиться, если ты не знаешь, что это, не можешь даже дать ему название?

– Послушай, Томми. – Дейдра надела джинсы и направилась к двери спальни, но не вышла, а снова повернулась к нему. – А кто тогда ты? Мой психоаналитик? Мой психиатр? Мой викарий? Мой… Ради всего святого. Я даже не знаю.

– Я – мужчина, который тебя любит.

Они еще несколько раз возвращались к этой главной теме – и расстались недовольные друг другом. Линли решил – и сказал ей, – что ему не стоит оставаться на ночь.

– Как хочешь, – ответила Дейдра.

Ничего он не добился – как и раньше. Только в этот раз она не проводила его до двери.

Теперь, на подземной парковке в Новом Скотленд-Ярде, Линли смотрел в стену, называя себя последним дураком. Жаль, что он бросил курить. Ему очень хотелось затянуться сигаретой.

Тут, словно джинн, услышавший его желание и выскочивший из медной лампы, у водительской дверцы его «Хили Элиотт» появилась давняя коллега, сержант Барбара Хейверс; она втягивала в себя дым из почти докуренной до конца сигареты «Плейерс». Линли подождал, пока она потушит окурок, и открыл дверцу. Она была одета в обычном для нее стиле: слишком короткие брюки, вероятно найденные в благотворительном магазине «Оксфам», неизменные красные высокие кроссовки и футболка с надписью: «Кремация – моя последняя надежда вдохнуть горячего дыма». Увидев всю эту красоту, Линли не удержался от вздоха. По крайней

мере, на шее у нее был повязан какой-то свитер. Его можно будет быстро натянуть при встрече с начальством, не столь терпимым к внешнему виду подчиненных.

Она испытующе посмотрела на него.

– Устали или злитесь?

– Ни то ни другое. – Линли направился к лифту; Барбара – за ним, едва не наступая ему на пятки.

– Правда? А почему у вас такой вид, будто вы только что уронили тушеные бобы с тоста прямо себе на рубашку? – Она обогнала его и внимательно изучила его одежду. – Я угадала, да?

– Разве что в переносном смысле. – Он нажал кнопку, вызывая лифт.

– Ага. Значит, Дейдра, – заключила Хейверс.

– Ей не понравилось бы сравнение с тушеными бобами на тосте.

– Я ей не скажу. А вы?

– Возможно, когда мы снова начнем разговаривать… Но, скорее всего, нет. А кроме того, Барбара, я обычно не ем на завтрак тост с тушеными бобами.

– Провалиться мне на этом месте, – простонала она. – Я приучила вас к «Поп-Тартс».

Томас молча посмотрел на нее. Двери лифта открылись.

Первым человеком, которого они встретили наверху, была Доротея Гарриман, секретарь их отдела, гроза всех сотрудников. В отличие от Хейверс, она была, как всегда, одета

с иголочки, хотя Линли всегда удивлялся, как Доротея умудряется ловко перемещаться по зданию на таких высоких каблуках, похожих на какое-то средневековое орудие пыток.

– Ага, – сказала она, увидев Линли и Хейверс. – Исполняющий обязанности старшего суперинтенданта Линли, вас хочет видеть начальство. Джуди звонила… – она посмотрела на запястье, на котором красовались какие-то навороченные часы, умеющие делать все, разве что не готовить еду, – минут двадцать назад. Мне позвонить ей и сказать, что вы уже идете? Она сообщила, что у нее сидит Стивенсон Дикон. Думаю, вы понимаете.

– Лучше вы, чем я, – пробормотала Хейверс. Она ненавидела главу пресс-службы не меньше, чем Линли.

– Мы знаем, о чем пойдет речь? – спросил Томас.

– Все держится в тайне и говорится вполголоса, но ходят слухи о каком-то хитроумном плане, исходящем из Эмпресс-стейт-билдинг.

«Ничего хорошего это не предвещает, – подумал Линли. – Эмпресс-стейт-билдинг – один из трех больших полицейских центров, отвечавших за группы районов города; непрекращающиеся сокращения в полиции приводили к укрупнению и отказу от местных участков. Если на помощь призывают Новый Скотленд-Ярд, значит, дело серьезное. А участие пресс-службы говорит о том, что и неприятное».

– Кто-то сделал то, о чем будет жалеть. Или уже жалеет. – Хейверс словно прочла его мысли.

– Я введу тебя в курс дела, как только все выясню, – пообещал Линли и направился к кабинету помощника комиссара.

Вестминстер Центр Лондона

Не прошло и десяти секунд после ухода Линли, как Доротея повернулась к Барбаре, критически осмотрела ее футболку, потом брюки и кроссовки.

– Барбара… – Она перенесла вес с одной ноги на другую, и Хейверс поняла, что предстоит долгий разговор об одежде, который ей был вовсе ни к чему.

– Знаю, знаю, – поспешно сказала она. – У меня в машине есть во что переодеться. Просто я утром была на пробежке, и это первое, что подвернулось под руку.

– Пробежки по утрам, – сказала Доротея. – Думаешь, я в это поверю? А почему вчера вечером ты пропустила танцевальный кружок?

– Вросшие ногти? – с надеждой произнесла Барбара.

– Не смешно. На следующей неделе я притащу тебя за волосы, если потребуется. Сколько ты сбросила?

– Не знаю. Мы с весами в ванной давно не встречались. Вероятно, нисколько, Ди. Все, что мне удается сбросить, я набираю за остаток недели с помощью карри. И лепешек с начинкой. Просто горы лепешек.

– Господи, – вздохнула Доротея. – Ты невозможна.

– Звучит как комплимент.

– Не спорь со мной, Барбара. Я запрещаю тебе спорить со мной. Хватит. Пойдем к компьютеру. Я нашла для нас кое-что примечательное.

В лексиконе Доротеи *примечательное* означало возможность подыскать себе – и, к несчастью, Барбаре – мужчину. В данном случае ее намерение, похоже, не ограничивалось одним мужчиной. Это был сайт под названием «Груп мит», и Доротея открыла его на компьютере Барбары, как только они подошли к ее столу.

– Просто высший сорт, – сказала Доротея.

Высший сорт? Кажется, это из… Барбара не была уверена. Из 1920-х? Ди снова смотрит старые фильмы?

– Что это? – спросила Хейверс, заглядывая через плечо Ди. Яркие краски, фотографии смеющихся, улыбающихся и хихикающих людей от тридцати пяти до семидесяти лет за самыми разными занятиями. Мужчины с женщинами, мужчины с мужчинами, женщины с женщинами, старые со старыми, молодые с молодыми, пожилые мужчины с женщинами помоложе, молодые мужчины с женщинами старше себя. Они играли в теннис, катались на лодках, работали в саду, катались верхом, слушали оперу или смотрели балет. И все явно получали удовольствие.

– Какого черта, Ди? – повторила Барбара. – Это ведь не сайт знакомств?

– Господи, конечно, нет, – сказала Доротея. – Избави бо-

же. Это сайт, посвященный увлечениям. Нужно лишь просмотреть разные занятия… Смотри! Вот чечетка! Просто кликни то, что тебе нравится, и появится информация о ближайших мероприятиях. Давай я покажу.

Барбара смотрела, как Доротея щелкает мышкой на «Прогулки». На экране появились фотографии гуляющих и список маршрутов. Затем Доротея выбрала «Прогулки по пабам», и они увидели десяток экскурсий, начинающихся или заканчивающихся в пабах, в разных районах Англии. Щелчок по Оксфордширу показал два маршрута, оба на следующей неделе. При выборе одного из них на экране появился список участников.

– Добавляешь свое имя к списку и просто приходишь в условленное место, – объявила она. – Правда, классно? Выбираешь занятие, и тебе сразу находится компания. Смотри. – Вернулась на главную страницу и принялась читать меню: рисунок, пленэр с акварельными красками, скалолазание, гребля, бальные танцы, любительские спектакли, хоровое пение, китайская кулинария, военная история, архитектура, ландшафты Иниго Джонса[8]. – И так далее, и так далее. Мы должны пойти куда-нибудь вместе, Барбара. Этот *так* здорово!

Барбаре все это напоминало круги ада. Но Ди не унималась.

---

[8] *Иниго Джонс* (1573–1652) – английский рисовальщик, архитектор и художник-декоратор.

– Конечно, мы с тобой можем продолжить заниматься чечеткой. Но жизнь гораздо богаче.

– Точно. Кроме того, *после* чечетки всегда идет карри.

– Не говори глупостей. Я куда-нибудь запишусь. – Доротея снова уставилась на экран. – Рисунок, – решила она. – Записываю нас на рисунок. Всегда хотела рисовать. А ты?.. Впрочем, неважно. Ты скажешь, что никогда об этом не задумывалась. Но я знаю тебя лучше, чем ты сама. Так что – рисунок… Ой! Посмотри на это, Барбара. Тут есть и языковые курсы. Французский, немецкий, китайский, иврит, арабский, итальянский, финский… боже, разве сегодня кто-то еще говорит на финском? Тебе нравится итальянский, Барбара? Знаешь, он может оказаться полезным во время путешествий. Разговоры с местными и все такое…

Барбара прищурилась. Ди была очень умна. Она подводила разговор к теме, которую Хейверс избегала уже несколько недель. Инспектор Сальваторе Ло Бианко из полиции Лукки был в Англии на стажировке с начала июня – и еще не уехал, насколько ей было известно, – и Доротея сразу увидела в нем воплощение мечты молодой девушки, или, по крайней мере, ее мечты относительно Барбары. Только вот та не была мечтательной молодой девушкой и не считала Сальваторе мужчиной, на которого она может иметь виды. Интересно, откуда взялось это выражение – «иметь виды»? Скорее всего, из какого-то любовного романа эпохи Регентства. «Пора менять жанр, – сказала она себе. – Возможно, на романы ужасов. Да.

Хоррор – отличная идея».

– Два ужина в винном баре в Холланд-Парк. Европейский поцелуй в щеку в конце вечера.

– Что? – Доротея удивленно заморгала.

– Ди, пожалуйста. Я знаю тебя лучше, чем ты сама, – так мне кто-то говорил. Тебе интересно, виделась ли я с Сальваторе Ло Бианко кроме нашего танцевального выступления, хотя назвать это концертом – значит предположить, что мы действительно умеем *танцевать*…

– Что абсолютная правда, и ты это знаешь.

– Ладно. Неважно. Я дважды ужинала с ним, один раз вместе с Линли и доктором Трейхир, так что это вряд ли считается. – На этом ее отношения с итальянским полицейским закончились, и у Барбары не было намерения продолжать. Но Доротея была полна решимости сделать этого мужчину частью будущего Барбары, а также своего собственного. – В любом случае я уже знаю итальянский, – прибавила она.

– Боже! Правда?

– *Чао, грацие, пицца* и *прего*, только не спрашивай меня, что это значит. За исключением пиццы, конечно. Это я прекрасно знаю.

– Очень смешно, – сказала Доротея. – Весело. Животик надорвешь. В общем, записываю нас на рисунок. Будешь плохо себя вести, запишусь на китайскую кулинарию.

– Отлично. Чудесно. Замечательно – и все такое прочее, – ответила Барбара. – Посмотри насчет рисунка; потом рас-

скажешь, что нашла. Я начну потихоньку воровать бумагу и карандаши.

Вскоре вернулся Линли. Он принес стопку папок из коричневого картона, кивком головы пригласил Барбару в свой временный кабинет и махнул рукой в сторону сержанта Уинстона Нкаты. Тот был полностью погружен в изучение кадров, снятых камерой наблюдения на станции метро «Глостер-роуд». И, похоже, не находил того, что ему было нужно. Барбаре пришлось три раза окликнуть его, прежде чем он поднял голову. Тогда она повторила жест Линли, указав на дверь его кабинета.

Уинстон встал. Он был довольно высоким, метр девяносто пять, и поэтому смена положения требовала определенного времени. Как только он распрямился, Барбара направилась в кабинет Линли. Если начальник хотел видеть их двоих, велика вероятность, что игра уже началась.

Войдя в кабинет, она отметила, что исполняющий обязанности старшего суперинтенданта – Линли – оставил помещение в прежнем виде. Бывшая хозяйка – старший суперинтендант Изабелла Ардери – уже восемь недель была в отпуске, проходя курс лечения на острове Уайт. Состояние кабинета указывало на уверенность Линли в способности Ардери справиться с зависимостью от алкоголя, прежде чем спиртное окончательно разрушит ее жизнь. Личные вещи – например, фотографии ее близнецов – забрала сама хозяйка кабинета. Все остальное осталось на месте. Даже мебель не была

сдвинута ни на дюйм.

Линли махнул рукой в сторону круглого стола у одной из стен.

– Доротея была права. Нам кое-что пришло из Эмпресс-стейт-билдинг.

– Что-то запутанное, сэр? – спросила Барбара.

– Убийство, – ответил Линли.

– А при чем тут пресс-служба?

– Обычное дело: не поднимать шума, сохранять спокойствие и, они надеются, как можно дольше не допускать утечек в прессу.

Эмпресс-стейт-билдинг Вест-Бромптон Юго-запад Лондона

Массивное здание Эмпресс-стейт-билдинг располагалось на Лилли-роуд недалеко от станции метро «Вест-Бромптон», а также от покрытых лишайником викторианских надгробий Бромптонского кладбища. Здание было невероятно высоким, немного похожим на трилистник – скучный серый цвет и стекло, как и многие современные здания в Лондоне. Подобно Новому Скотленд-Ярду, оно было хорошо защищено. Никто не мог просто так войти с улицы, чтобы поболтать с местным «бобби».

Линли ждали. После пятиминутного ожидания напротив кафе «Пилерс» из лифта вышел мужчина среднего возраста

с темными с проседью волосами и миновал турникет.

– Старший суперинтендант Линли?

– Томас, – представился Линли. – И всего лишь исполняющий обязанности старшего суперинтенданта. Меня попросили заменить шефа на несколько недель, пока она в отпуске. Вы – старший суперинтендант Финни?

– Марк. – Мужчина протянул руку. Рукопожатие у него крепкое, отметил Томас.

– Вижу, вам выдали бейджик посетителя. Хорошо. Идемте со мной. Мы сидим на семнадцатом, но я отвезу вас в «Орбиту». Оттуда открывается потрясающий вид.

Он провел Линли через турникет к лифтам, которые поднимали пассажиров только на верхние этажи здания. Поездка не заняла много времени: лифт оказался быстрым и беззвучным.

«Орбита» представляла собой нечто среднее между комнатой отдыха и кафе; кухня располагалась посередине, в стебле трилистника. Вид полностью соответствовал описанию Финни – потрясающий. У Линли возникло ощущение, что, куда ни посмотри, он может увидеть окружающие Лондон графства.

Томас принял предложение Финни выпить кофе и нашел свободное место рядом с одним из окон во всю стену. Окна окружали «Орбиту» со всех сторон, и довольно скоро Линли обнаружил, что помещение медленно вращается. Если сидеть тут достаточно долго, можно увидеть весь Большой

Лондон.

Финни вернулся с двумя чашками кофе и двумя круассанами, поставил все это на стол и сел напротив Линли.

– Чем я могу вам помочь, Томас?

– Расскажите мне о сержанте Бонтемпи.

– Тео? – переспросил Марк. – Разве она идет на повышение? Я не знал.

«Странная реакция», – подумал Линли.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– В больнице. Три дня назад.

– Вам не звонили из больницы?

– Нет. К чему вы клоните, Томас?

– Увы, она умерла.

Финни изумленно смотрел на него, как будто попытка прочесть по губам то, что произнес Линли, ни к чему не привела.

– Как это? – Он обращался к самому себе. И прежде чем Линли успел ответить, прибавил: – Я ее видел. Она была жива. Это я ее нашел.

– Где? – спросил Линли.

– В ее квартире. Вошел и увидел ее на кровати. Разбудить не смог, но… Господи, она дышала, это точно. Я позвонил в «три девятки». Когда они наконец появились…

– Наконец?

– Прошло не меньше получаса. Они проверили у нее жизненно важные показатели, поставили капельницу, положили

на носилки и отвезли в больницу. Я поехал за ними на своей машине.

– Вы смогли с ней поговорить?

Финни покачал головой.

– Когда я в последний раз ее видел, ее везли в отделение неотложной помощи. Я ждал известий. Через два часа мне сообщили, что Тео перевели в реанимацию и что они связались с ближайшими родственниками. Не знаю, кто это был: муж, родители или сестра. Хотя, кажется, муж. Я ушел раньше, чем они появились. – Он встал, подошел к окну и прижал ладонь к стеклу. Потом сказал своему туманному отражению: – Она лежала в постели, когда я ее нашел. В пижаме. Почему она умерла?

– Как вы попали в ее квартиру? – спросил Линли.

Финни отвернулся от окна. Линли заметил, что его румяное лицо побледнело.

– Я показал консьержу свое удостоверение и объяснил ситуацию.

– Какую?

– Что?

– Ситуацию. Что привело вас в ее квартиру?

Финни сжал одну руку в кулак и ударил по раскрытой ладони.

– Она недавно перевелась в отдел убийств на одном из участков на юге Лондона и попросила несколько дней отдыха, прежде чем приступить к работе. Но в назначенный день

она там не появилась. Мне позвонили с просьбой подтвердить, что дата перевода верна. Я подтвердил, а поскольку Тео – сержант Бонтемпи – любила свою работу, ее отсутствие выглядело необъяснимым. Моя первая мысль – что-то случилось с ее отцом. В начале года он перенес инсульт. Я позвонил ее родителям, но у них все было в порядке. Тогда я начал названивать ей на мобильный. Она не отвечала. Через несколько часов я поехал к ней.

– Разве вы не могли позвонить кому-то, кто был поблизости?

– Наверное. Конечно. Но я не стал его искать. Просто приехал туда, показал удостоверение консьержу и вошел в квартиру.

– Вы знали, где она живет? Вы уже у нее бывали?

– Однажды подвозил ее домой после вечеринки, которую устроила наша команда в местном пабе. Знаете, для поднятия духа. Машины у нее не было, я выпил всего один бокал вина; было поздно, и я подумал, что общественный транспорт – не самая лучшая идея.

– Она была пьяна?

– Навеселе, но не пьяна… Послушайте, что происходит? При чем тут служба столичной полиции?

Линли не видел причин уклоняться от ответа.

– Боюсь, ее убили.

– Убили… – Финни был явно ошарашен и не мог поверить услышанному. – *Убили*? В больнице?

– Она умерла в больнице. Но причина ее смерти – в квартире.

– Как это возможно? – Финни нахмурился. – Что случилось?

– Эпидуральная гематома. Ударом по голове ей раскроили череп. Она была в коме, когда вы ее нашли. Поэтому и не смогли разбудить.

– Говорите, убийство… Но она могла упасть и удариться головой. Я хочу сказать, что она была в пижаме. В постели. И никаких признаков – я имею в виду, удара. Так что у меня не было никаких оснований полагать… Кто еще в курсе?

– Что это убийство? Родственники знают только, что она умерла, потому что требовалось их согласие, чтобы отключить ее от аппарата искусственной вентиляции. А о ее смерти знали еще до вскрытия. Я отправил к ее родственникам сотрудников, которые сообщат, что смерть не была естественной.

– Но *убийство*… Без следов удара на голове?

– Удар пришелся по затылку, так что вы ничего не увидели, а кожа не была повреждена. Кроме того, удар был нанесен каким-то предметом. Об этом свидетельствует характер повреждений черепа.

– Что это было?

– Пока не знаем. Все, что могло послужить орудием убийства, изъято и отправлено на экспертизу. Если среди этих предметов его нет, логично предположить, что преступник

принес орудие убийства с собой. А потом забрал.

– Тогда почему вы полагаете, что ее ударили, а не… – начал Финни и сам ответил на неоконченный вопрос: – Да, конечно, вскрытие. Как вы сказали. Господи, я мог бы ей чем-то помочь… Меня учили обращать внимание на мелочи, но я ничего не увидел.

– Вы не могли знать, что произошло, Марк. Как вы сказали, она лежала на кровати в пижаме. Что вы должны были подумать? Возможно, сама сержант не знала, насколько серьезна ее травма. Ее ударили, но потерять сознание она могла не сразу. Возможно, у нее начала кружиться и болеть голова и она приняла парацетамол. А могла не помнить, что произошло. Легла в постель, не понимая, какая ей грозит опасность. Затем ей стало хуже, она потеряла сознание и впала в кому. Спасти ее можно было только в том случае, если б ее вовремя нашли и доставили в больницу, чтобы снизить внутричерепное давление. Но этого не случилось, и никто из знавших ее людей не виноват – кроме убийцы.

– Вы хотите сказать, что она знала убийцу?

– Если б нападение произошло на улице или в другом общественном месте, ее сразу нашли бы. Но факты говорят о том, что она впустила убийцу к себе в квартиру.

– Или у убийцы был ключ.

– Или так. Да.

– Наверное, ключи есть у родственников. Родителей, сестры… Может, даже у ее мужа, Росса Карвера.

– Даже?

– Они расстались. Года два назад?.. Или раньше?.. Но они вместе жили в этой квартире, когда были женаты. Может, у него остался ключ.

Финни вернулся на диван, взял круассан и разломил его пополам; поднял, но, похоже, не смог заставить себя есть. Вернув круассан на тарелку, он взял кофе. Рука у него дрожала, отметил Линли. Не слишком сильно, чтобы это заметил непрофессионал, но этого было не скрыть от человека, который более или менее регулярно допрашивает преступников.

– Расскажите мне о ее переводе, – попросил Линли. – Он был добровольным?

Финни колебался. Линли увидел, как он с усилием сглотнул.

– К сожалению, нет. Инициатором был я. Она предпочла бы остаться здесь.

– Вы упоминали о команде. Полагаю, она была ее частью.

– Да, – подтвердил Финни. – Она была хорошим полицейским и превосходным детективом.

– Тогда почему вы ее перевели?

– Это трудно объяснить, и я предпочел бы этого не делать. Но проблема была в том, *как* она работала. Наткнувшись на предполагаемую ниточку, предпочитала действовать самостоятельно. И предлагала свои варианты действий – так что она не была тем командным игроком, который мне тут

нужен. Если что-то приходило ей в голову – даже если это не входило в круг наших обязанностей, – она этим занималась, а докладывала потом, если вообще докладывала. Мы с ней несколько раз спорили насчет того, что лучше для проекта.

– Над чем вы работали? – спросил Линли. Слово «проект» предполагало текущую задачу, возможно долговременную.

– Насилие в отношении женщин, – ответил Финни. – Но в основном женское обрезание. Она была полна решимости положить конец этой практике, вырвать с корнем. Разумеется, как и все мы. Но проблема в том, что она хотела немедленных действий в любом направлении, куда уводила ее фантазия, а расследование и без того шло трудно.

Линли взял свой круассан и отщипнул кусочек. Круассан оказался очень вкусным. Впрочем, как и кофе.

– Я могу понять ее рвение.

– Да. Конечно. Как женщина, она…

Линли не дал ему договорить:

– Она была не просто женщиной в конкретной ситуации.

– Что вы имеете в виду?

– Ее саму жестоко изуродовали. Это выяснилось при вскрытии. Думаю, она никому об этом не говорила, за исключением мужа.

Марк опустил взгляд. Рот у него приоткрылся. Несколько секунд он молчал, а в это время в «Орбиту» вошла шумная группа – вероятно, на второй завтрак.

– Нет, конечно, она мне не говорила, – наконец выдавил

он из себя. Потом кивком указал на папки, которые принес Линли. – Вы сказали, жестоко?

– Инфибуляция[9].

– Господи Иисусе… – В глазах Финни блеснули слезы. Он поднес ладонь к лицу, словно закрываясь от взгляда Линли. Возглавляя этот проект, он явно знал, что такое инфибуляция.

– По свидетельству патологоанатома из Министерства внутренних дел, операция была сделана много лет назад, возможно в младенчестве. Единственное, что мы знаем, – сделана она была варварски. Ее почти полностью зашили.

Марк поднял вторую руку, давая понять, что не желает знать подробности. Томас не мог его винить. Женщина была его коллегой. Удивление, ужас… И именно Марк Финни вынудил ее перевестись.

– Я не должен был ее переводить, – сказал тот, словно прочитав его мысли. – Почему она мне не сказала? Она могла бы *сказать* мне, почему… – Он растерянно умолк.

– Почему она не играла по вашим правилам?

– Все могло быть иначе, скажи она мне.

– Осмелюсь заметить, для такого признания она должна была вам полностью доверять, – сказал Линли. – А после того, что с ней сделали, ей, наверное, было трудно кому-то до-

---

[9] *Инфибуляция* – калечащая операция на гениталиях, создающая препятствия для полового акта. Женская инфибуляция представляет собой зашивание влагалища с целью обеспечения целомудрия женщины. При этом удаляются половые губы, а остающаяся плоть сшивается, образуя отверстие для мочеиспускания.

вериться. – Он допил кофе и встал. – Нам нужно взглянуть на все, чем она занималась в команде и что делала самостоятельно. Ее папки, записи, компьютер, отчеты о проделанной работе, цифровые фотографии и все остальное, что она могла задокументировать и передать вам – или утаить. И мне потребуется поговорить с ее коллегами.

– В нашей команде, кроме меня, есть еще два детектива и сержант Джейд Хопвуд, которая заменила Тео.

– Всего четыре человека? – удивился Линли. – И как вы собирались бороться с насилием в отношении женщин, имея в своем распоряжении только одного сержанта и двух детективов?

– Это все, что нам выделила служба столичной полиции, – ответил Финни. – Думаю, вы понимаете, с какими трудностями мы сталкиваемся.

Нью-Энд-сквер Хэмпстед Север Лондона

Сержант Уинстон Нката знал, что одна из причин, по которым ему поручили сообщить семье Тео Бонтемпи, что ее убили, заключалась в том, что он черный, как и его погибшая коллега – и, вероятно, ее семья. Его это не волновало, хотя он и задавал себе вопрос: неужели шеф – Линли – думает, что если услышать ужасную весть от человека своей расы, это каким-то образом ослабит удар? Он выслушал поручение молча, воздержавшись от вопросов и замечаний, хотя

и не обрадовался. Никому не хочется сообщать такого рода новости.

Нкату удивил адрес родственников – Хэмпстед. Хэмпстед – это куча денег, а куча денег означает наследство, которое не все ушло на похороны или хорошо оплачиваемую работу. Выросший в многоквартирном доме на юге Лондона, в районе, который все еще ждет, чтобы стать модным, Уинстон привык к похожим на башни домам, смешению рас, войнам подростковых банд, обычно черных, и родителям – в частности, его собственным, – которые выпускали ребенка из квартиры только при условии, если он мог назвать место, куда направляется, и маршрут, не заводивший на чужую территорию. Но это не особо помогало. Он все равно присоединился к «Воинам Брикстона» – как и его брат Гарольд, который пребывал в тюрьме на содержании королевы и останется там еще как минимум семнадцать лет. Уинстон расстался с «Воинами» благодаря доброте и заинтересованности, проявленной копом – черным, как и семья Нкаты, – и в результате выбрал другой путь. За эти годы его жизнь сильно изменилась, но он давно пришел к выводу, что люди его расы, поселившиеся в Хэмпстеде, могут быть только знаменитостями: кинозвездами, известными спортсменами и тому подобное.

Адрес семьи Бонтемпи привел его на Нью-Энд-сквер, с утопающими в тени тротуарами и украшенными глицинией портиками домов. Жилье Бонтемпи впечатляло: особняк из красного кирпича, самый большой из всех соседних. Он был

огорожен черной чугунной оградой. Между оградой и домом – цветущий сад. Дом трехэтажный – по пять больших окон на каждом этаже, – а из крыши торчит куча дымоходов. Имелась даже одноэтажная пристройка, хотя Нката никак не мог понять, зачем такому большому дому еще и пристройка. Перед домом была припаркована одна машина, «Лендровер» последней модели. Свою «Фиесту» сержант поставил прямо за ней.

Выбравшись из машины, он направился к калитке. Высота забора и калитки была чуть больше метра, но калитка тем не менее оказалась запертой. Нката нажал единственную кнопку. Ничего. Пришлось сделать еще несколько попыток. Наконец строгий женский голос ответил:

– Да? В чем дело?

Уинстон назвал себя, и замок на калитке открылся. Он вошел и направился к большой «пещере» из глицинии, видимо накрывавшей крыльцо. Так и оказалось. Глициния разрослась в трех направлениях из одного мощного ствола, который выглядел так, словно его перенесли сюда из райского сада, где Адаму и Еве указали на дверь. Вьющиеся побеги закрывали крыльцо, обрамляли окна первого этажа и тянулись к крыше.

Дверь открылась раньше, чем он успел подняться по ступенькам. На пороге, держась за ручку двери, стояла высокая и чрезвычайно привлекательная женщина. Примерно одного возраста с ним – двадцать семь – и одетая в летнее бе-

лое платье с узором из подсолнухов, перехваченное в талии. Ткань контрастировала с цветом ее кожи, но этот контраст был приятным. Ноги босые, заметил Нката, на ногтях красный лак; волосы распрямлены и спускаются по щекам аккуратной стрижкой, которая ей очень идет. Тщательный макияж, украшения. Все элегантное. Судя по ее виду, ею занимался профессиональный стилист.

– Новый Скотленд-Ярд? – неуверенно переспросила она, даже не пытаясь оторвать любопытный взгляд от длинного шрама на его лице. «Возможно, именно шрам вызвал у нее опасения», – подумал сержант.

Он протянул женщине удостоверение. Она прочла его, потом снова посмотрела на сержанта.

– Как, вы сказали, вас зовут? – Это было нечто вроде проверки.

– Произносится: «Н» плюс «ката», – ответил он.

– Значит, африканец.

– Мой отец из Африки. Мама с Ямайки.

– Но у вас нет ни того, ни другого акцента.

– Я родился здесь.

– Вы действительно из службы столичной полиции?

– Совершенно верно. И мне нужно поговорить с вашими родителями.

Женщина довольно резко повернулась, так что платье взметнулось вверх, обнажив нижнюю часть ног, и исчезла в доме. Дверь она оставила открытой, и Нката вошел. Он ока-

зался в прихожей с отполированным до блеска полом из черного дуба. На полу лежал персидский ковер. Антикварные столики, рукоятки из полированной бронзы, пейзажи в золоченых рамах. Как выразилась бы Барбара Хейверс, семья Бонтемпи не прозябала в нужде.

Молодая женщина вернулась. В руках у нее был поднос с большой бутылкой воды «Сан-Пеллегрино» и четырьмя бокалами.

– Они скоро будут. Идите за мной, – сказала она и провела его в гостиную, похожую на картинку из журнала, посвященного дизайну квартир: мягкие диваны, мягкие кресла, обивка с узором из цветов и виноградных лоз, сияющий столик из красного дерева, антикварный шкафчик с необычной коллекцией маленьких фарфоровых фигурок женщин, обрезанных у талии. Об их назначении Нката даже не догадывался.

– Кстати, меня зовут Розальба. То есть Рози, – сказала женщина. – Вы насчет Тео? Я ее сестра.

Уинстон отвернулся от антикварного шкафчика.

– Да. Верно.

– «Сан-Пеллегрино»? – спросила она, поднимая бутылку.

– С удовольствием. Да. – Он не смог сдержать любопытства: – Можно задать вам вопрос: чем занимаются ваши родители?

– Ужасно невежливый вопрос.

– Да. Простите. Мне просто интересно.

Рози нахмурилась, но все же ответила:

– У отца ветеринарная клиника возле Рединга. Вроде обычной клиники. Я хочу сказать, круглосуточная, со специалистами, операционными и всем прочим. Мама – пилот частных самолетов. – Рози закатила глаза. – Доставляет скучающих жен всяких боссов за туфлями во Флоренцию и на обеды в Париж.

– Не будь такой злой, Рози, – донесся голос с той стороны, откуда пришла Рози с водой и бокалами. Эта женщина говорила с акцентом, похожим на французский. Нката повернулся. И был чрезвычайно удивлен. Мать Рози была белой, по-настоящему белой, и ее кожа резко контрастировала с черным костюмом в тонкую полоску. «Ди Гарриман ее оценила бы», – подумал сержант: узкие брюки, накрахмаленная белая блузка с поднятым воротником, обрамляющим лицо, облегающий фигуру пиджак, туфли с золотыми пряжками. Украшения у нее тоже были золотыми – и, похоже, настоящими: кольца, серьги и цепочка с кулоном, который он толком не мог разглядеть.

– Я Соланж Бонтемпи, – представилась женщина. – Рози сказала, вы пришли насчет Тео…

«Она не похожа не скорбящую мать, – подумал Нката. – Интересно почему? – Потом задался вопросом, почему ему это интересно. По опыту работы он знал, что люди по-разному переживают горе. – Чем же вызваны мои сомнения – тем, что она белая? Возможно», – решил он. Но, прежде чем он

успел ответить, послышался голос Рози:

– *Papá*[10] нужна помощь?

– Да, но только не предлагай, милая. Сегодня… как и раньше. – Она повернулась к Нкате, словно прочла его мысли. – Чезаре, мой муж, очень переживает из-за смерти Тео. Мы с Рози стараемся не усугублять его страдания своими. Всё никак не можем привыкнуть, словно это случилось не с нами… И нам не отдают ее тело.

– Это из-за вскрытия. Думаю, придется еще немного подождать.

– Кое-чего я совсем не понимаю, – сказала Соланж. – И никто нам ничего не говорит.

– Именно поэтому он здесь, *Maman*[11]. Сержант Нката из службы столичной полиции.

– И зачем к нам явился сержант Нката из службы столичной полиции? – В мужском голосе тоже слышался иностранный акцент. Но не французский. Мужчина появился из той же двери, что и его жена и дочь, но двигался медленно, с помощью ходунков. Одна нога его плохо слушалась, заметил Нката.

– Это насчет Тео, Чезаре, – объяснила Соланж Бонтемпи.

– Я не понимаю, почему нам не разрешают забрать ее домой, – Чезаре Бонтемпи обращался к Нкате. – Мы хотим устроить похороны. Собрать друзей. Хотим, чтобы священ-

---

[10] Папе (*фр.*).

[11] Мама (*фр.*).

ник… – Он умолк и махнул рукой.

– *Papá*, сядь, – сказала Рози. – Пожалуйста. Сюда. Давай мы тебе поможем. *Maman*?

Он вскинул руку, останавливая их, и продолжил мучительный путь в комнату. На лбу и верхней губе у него выступили капельки пота. Все молча ждали, пока он присоединится к ним. Наконец Чезаре рухнул – не сел, а буквально рухнул – на диван, оттолкнул ходунки в сторону и снова повернулся к Нкате.

– Почему нам не возвращают дочь?

Уинстон ждал, пока женщины сядут. Похоже, они не собирались этого делать. У Рози был такой вид, словно ей хотелось сбежать: она все время косилась в сторону входной двери. Жестом сержант указал им на два кресла, а сам сел в другом конце дивана, на котором устроился Чезаре.

– Новости не очень хорошие. Мне жаль, что приходится их вам сообщать.

– Что там еще? – Соланж поднесла руку к горлу – защитный жест, характерный для многих женщин, – но тут же перевела взгляд на мужа. – Чезаре, может…

– Нет! Говорите, мистер сержант, как вас там.

– Нката. Уинстон Нката. Я пришел сообщить вам, что вашу дочь, похоже, убили. Вот почему вам не отдают ее тело.

– Убили? – переспросил Чезаре. – Тео *убили*? Она же полицейский! Кто убивает полицейских?

Соланж вскочила и подошла к нему. Он снова взмахнул

рукой, отказываясь от помощи.

– Чезаре, прошу тебя. Ты должен…

– Что я должен? Сохранять спокойствие? Теодору убили, а я должен оставаться спокойным?

– Ты неважно себя чувствуешь, мой дорогой. Мы с Рози боимся за тебя.

Чезаре покосился на Рози. Она опустила голову и сцепила руки, не отрывая взгляда от своих коленей.

– Я не понимаю, – сказала Соланж. – *Кто* решил, что ее убили? И почему? И как?

Опираясь на данные отчета судмедэкспертов, которыми Линли поделился с ним и Барбарой Хейверс, Нката рассказал, что могло произойти с Тео. Он не стал вдаваться в подробности того, что им уже было известно: обнаружение Тео Бонтемпи коллегой, госпитализация, обследование, рентген, эпидуральная гематома, тщетные попытки спасти молодую женщину, просверлив отверстие в черепе, чтобы снизить давление, проведенное полицейским патологоанатомом вскрытие, выявившее, что такую травму она не могла нанести себе сама. Нката сообщил только выводы, к которым пришел судмедэксперт. Отчет вскоре будет представлен коронерскому жюри. Но характер травмы, последующая кома и смерть – все свидетельствует об убийстве.

Все трое молчали. Похоже, они были потрясены и не могли понять, как такое могло случиться. Первой нарушила молчание Соланж:

– Кто мог хотеть смерти Тео? И почему?

– Именно это мы и пытаемся выяснить, – ответил Нката. – Отчасти за этим я к вам и пришел. Начнем с вопроса: кто?

– Думаете, это один из нас? – Нката видел, что сцепленные руки Рози по-прежнему лежали у нее на коленях.

– Не думаете же вы… – сказала ее мать.

– Мы должны предъявить *алиби*? – перебила ее Рози.

– Просто формальность, но такова процедура, – подтвердил Нката.

– И вы захотите знать, были ли у нее враги, – прибавила Соланж.

– У Теодоры не было врагов, – буркнул Чезаре Бонтемпи.

– Нам трудно об этом судить, – возразил Нката. – Поэтому нам понадобятся имена ее друзей, имена всех, с кем она могла встречаться. Мы знаем, кто ее муж. – Он пролистал записи, которые сделал до прихода сюда после разговора по телефону Линли и Хейверс. – Росс Карвер. Пока всё.

Когда прозвучало имя Росса Карвера, трое членов семьи Бонтемпи переглянулись. Нката собирался спросить, какие отношения были у Тео и Росса в последнее время, но не успел.

– Вы захотите знать, когда мы видели ее в последний раз, – предположила Рози.

– Было бы неплохо для начала.

– Она была здесь… думаю, недели три назад, – сказала Соланж. – Приходила проведать *papá*.

– Мы смотрели кино, тот старый ковбойский фильм, где они прыгают со скалы, – прибавил Чезаре.

– Да-да, «Бутч Кэссиди», я помню. Вы любите этот фильм и много раз смотрели его вместе. – Соланж улыбнулась, вспоминая, что отцу и дочери нравился один и тот же фильм. – Тео не могла приходить сюда так часто, как хотела. Работа в полиции отнимала все ее время.

– Она жила работой, – подтвердила Рози.

– Многие копы такие. Поэтому они часто несчастливы в семейной жизни.

– Как и она, – сказал Чезаре. – Ее брак. Он распался.

– Когда это было?

– Больше двух лет назад, – ответила Рози. – Они тогда расстались, но… до сих пор не развелись. Хотя Тео хотела. Если подумать, какой смысл цепляться за брак, когда отношения между людьми мертвы…

– Они оба…

– Росс…

Соланж и Рози заговорили одновременно, но свою мысль закончила только Рози:

– Они оба хотели. – Она не отрывала взгляда от Нкаты, а родители смотрели на нее.

– Она с кем-то встречалась? – спросил Нката.

– Может быть, но Тео никогда не делилась со мной подробностями личной жизни. Может, из-за разницы в возрасте? Она на семь лет старше.

– А ее муж? У него кто-то есть?

Ответом было молчание.

– Вы говорите о Россе? – переспросила Соланж, словно была сторонницей полиандрии[12], а Росс Карвер был одним из ее многочисленных мужей. Она посмотрела на Чезаре, потом на Рози, потом снова перевела взгляд на Нкату. – Мы время от времени видимся с Россом, но о таком он нам не стал бы рассказывать.

– Потому что…

– Думаю, не хотел, чтобы Тео знала. Официально они были еще женаты.

Нкате это казалось бессмысленным. Они разводились. Они не жили вместе уже два года. Какая разница, если Тео Бонтемпи узнает правду о муже, с которым рассталась? Сержант поерзал на диване, внимательно разглядывая всех троих, и пришел к выводу, что они что-то скрывают. В семье что-то происходит, и дело не только в гибели одной из дочерей.

Уинстон не стал нарушать затянувшуюся паузу – этому приему он научился у Линли. Большинство людей долго не выдерживают. Но эти трое, как выяснилось, не относились к большинству.

– Я устал, – наконец нарушил молчание Чезаре. – Пойду.

Жена тут же вскочила, чтобы помочь ему, потом повернулась к Нкате.

---

[12] *Полиандрия* – многомужество.

– Вы не возражаете, сержант? Милая, продиктуй ему, пожалуйста, номера наших мобильных телефонов. Вам же они нужны, правда, сержант?

Он кивнул, и Соланж вывела мужа из комнаты. До него доносились их приглушенные голоса. В дальней части дома открылась, потом закрылась дверь, и все стихло.

Как бы то ни было, Рози осталась с ним. У него сложилось впечатление – по ее напряженности, – что она хранит множество секретов: и своих, и чужих. «Она знает гораздо больше, чем говорит, – подумал Нката. – Непонятно только, с кем связаны эти секреты – с родителями, сестрой или мужем сестры».

Хакни Северо-восток Лондона

Работодатель посоветовал ему взять несколько дней отпуска, и поэтому Барбара Хейверс нашла Росса Карвера дома. Ей не составило труда его найти – просто позвонила по номеру телефона напротив его имени в одной из папок, и он взял трубку. Можно поговорить с ним о смерти Тео Бонтемпи? Она готова встретиться в любом месте или прийти к нему – как ему удобно.

– Тео? – после довольно долгой паузы ответил Росс; в его тоне чувствовалось смирение. – Конечно. – Он назвал Барбаре адрес, и она отправилась к нему.

Его квартира находилась в одном из больших кварталов,

тянувшихся вдоль Голдсмит-роу, в Хакни. В большинстве своем это были унылые, давно не мытые здания из красного кирпича. Только один дом, похоже, построили относительно недавно, и его бетонный фасад еще не стал жертвой выхлопных газов, пыли и другой грязи.

Разумеется, тут не нашлось места для ее «Мини» – это же Лондон. По какой-то непонятной причине проезжая часть Голдсмит-роу была перегорожена тремя тумбами; дальше только пешком или на велосипеде. Всё. Поэтому она заехала на тротуар рядом с чугунной оградой, почти скрытой кустарником, и выудила из захламленного «бардачка» потрепанную табличку с надписью «Полиция» и прикрепила так, чтобы ее было видно всякому, кто заглянет внутрь через лобовое стекло. Барбара надеялась, что табличка отвлечет внимание от груды картонок из-под еды навынос и от переполненной пепельницы. И никто не заметит оберток от шоколада «Кэдбери», которые она обычно бросала через плечо.

Выйдя из машины, Барбара тут же почувствовала сильный запах навоза. Огромного количества навоза. Это место было настоящим царством навоза, который летняя жара превращала в гигантское вонючее варево. Вместе с огромным петухом, кряканьем множества уток и ревом осла все это свидетельствовало о близости городской фермы в Хакни. И действительно, когда Хейверс заглянула за кусты по другую сторону ограды, то увидела запущенные клумбы с цветами и овощные грядки, а за ними виднелась крыша амбара. По-

ка она разглядывала огород, из торца амбара вышли две молодые женщины в высоких резиновых сапогах и панамах. В руках у них были садовые инструменты и корзинки. «Время сбора урожая», – подумала Барбара. Вне всякого сомнения, из изобилия навоза ферма извлекала пользу.

Пока она шла по Голдсмит-роу, разглядывая номера домов, запах не ослабевал. Барбара не могла представить, как можно жить через дорогу от фермы. Вероятно, здесь невозможно открыть окно десять месяцев в году.

Дом, где жил Росс Карвер, находился в самом конце улицы, но воздух тут был нисколько не чище. Барбара поймала себя на том, что инстинктивно задерживает дыхание. Вонь была такой сильной, что если дышать через рот, то можно подвергнуться воздействию двух десятков бактерий, не известных науке, подумала Барбара.

Она позвонила, и замок на двери открылся, впуская ее в здание. Лифт привез ее на верхний этаж. Видимо, Росс Карвер ждал – она едва успела поднять руку, чтобы постучать, как дверь открылась. Перед Барбарой стоял красивый загорелый мужчина – вероятно, сам Карвер.

Знала она о нем только то, что он – инженер-строитель. В данный момент Карвер был больше похож на поклонника рок-звезды. Щетина на щеках; шикарные темные кудри убраны с лица и зафиксированы каким-то гелем, а на затылке собраны в пучок; в одном ухе две серьги в виде маленьких колечек и похожий на бриллиант «гвоздик», в другом –

такой же гвоздик. Из одежды на нем был жилет, знававший лучшие времена и явно не по размеру, и синие джинсы. Рубашки не было. На Прекрасного Принца он не тянул.

– Росс Карвер? – спросила Барбара.

– Сержант Хейверс? – в свою очередь поинтересовался он.

После такого импровизированного знакомства мужчина шире распахнул дверь в квартиру, мебели в которой было так мало, что Барбара засомневалась, живет ли он тут вообще. Из другой комнаты вышел подросток.

– Мой сын Колтон, – сказал Карвер у нее за спиной.

Она кивком поздоровалась с парнем. Тот кивнул ей в ответ, типично подростковым движением головы отбросил волосы с лица и посмотрел на отца.

– Мне уйти?

– Так будет лучше, – ответил Карвер. – Она пришла поговорить о Тео. Спроси маму насчет поездки в Гибралтар. Скажи, что я позвоню ей вечером.

– Она же отказалась.

– Я попробую ее умаслить.

– Как же, – фыркнул Колтон и побрел к двери.

Когда дверь за ним закрылась, Карвер повернулся к Барбаре.

– Я выпью пива. Хотите?

– Для меня слишком рано. Стакан воды подойдет.

– Минутку, – сказал он и вышел, вероятно на кухню.

Барбара подошла к окну. Ей захотелось открыть его, пото-

му что в комнате было градусов на десять больше, чем можно выдержать, а дезодорант посылал тревожные сигналы из подмышек, – но Хейверс вспомнила о запахе с фермы, который может убить их обоих.

– Вы их никогда не открываете? – спросила она, имея в виду стеклянную дверь слева от себя, ведущую на балкон. Там виднелись несколько картонных коробок, велосипед и комплект гантелей.

Росс вернулся с бутылкой воды в одной руке и пивом «Стелла Артуа» в другой.

– Я арендовал квартиру в разгар зимы. В это время года дожди смывают весь запах, и я ничего не заметил. Кроме того, я немного торопился. А теперь… – Он махнул рукой в сторону южной части города. – Собираюсь вернуться в Стритэм.

– В квартиру Тео?

– Она была нашей общей, когда мы жили вместе.

– Вы пакуете вещи. – Барбара кивком указала на коробки на балконе.

– Я их просто не распаковывал. – Он сделал глоток из бутылки. – Всегда надеялся, что и не придется. Тео хотела развестись. Я – нет. Надеялся, что она примет меня назад. – Он прижал холодную бутылку ко лбу, и Барбара пожалела, что отказалась от пива – хотя бы ради этого. – Вы хотели поговорить со мной о ней.

Барбара сунула руку в сумку, висевшую у нее на пле-

че, выудила оттуда блокнот «на пружинках» и механический карандаш, который стащила со стола Нкаты. Они с Россом Карвером прошли в комнату, напоминавшую гостиную: четыре лежака, расставленные вокруг карточного столика. «Настоящий минималист», – подумала сержант. Был тут еще один предмет мебели – торшер. Никаких мелочей – вероятно, он не доставал их из коробок. Ни журналов, ни газет, ни зонтиков, ни разбросанных туфель или одежды. Зато здесь были фотографии. Огромное количество фотографий. Почти все они стояли вдоль одной стены. Часть из них – свадебные фотографии его самого и его бывшей супруги.

– Присядем? – предложила Барбара.

– Устраивайтесь. Места тут не так много.

– В отличие от фотографий.

Росс окинул взглядом снимки, выстроившиеся как на параде.

– Тео не захотела их взять, когда мы расстались. Но мне нравится на них смотреть. Они служат мне напоминанием.

– О чем?

– О том, какими мы были. О счастливых временах. Выбирайте, что вам больше нравится. – Он снова окинул взглядом фотографии. – Мы росли вместе. Наши родители подружились еще до нашего рождения.

– Как они познакомились?

Карвер задумался.

– Пожалуй, я этого не знаю. Такое впечатление, что они

всегда были рядом, семья Тео… Я не помню времени, когда их не было. Вряд ли в церкви. Мои родители, да и, собственно, все мы – за исключением семьи Тео – атеисты. Родители Тео были – и остаются – католиками.

– А сама Тео?

– С родителями и сестрой она праздновала только Рождество и Пасху. В остальном – нет. Тео не… Она не любила внешний блеск.

– А вот блеск свадьбы ее привлекал, – заметила Барбара, имея в виду фотографии.

– Думаю, как и большинство женщин, даже если они начинают думать, что все это ненужная суета и глупости. Кроме того, ее мать настояла. Лично я предпочел бы регистрацию в загсе и обед в шикарном ресторане. Шампанское и клубника в шоколаде. Но Соланж – мама Тео – любит традиции, и доставить ей удовольствие не составляет труда.

– Как она отреагировала, когда вы расстались?

– Так же, как и все остальные. Удивилась. Расстроилась. Мы так долго были вместе, что для наших семей «Тео-и-Росс» превратилось в одно слово.

– Для вас тоже.

Карвер посмотрел на бутылку у себя в руке, потом медленно кивнул.

– Я уже вам говорил, что не хотел расставаться. Но в конечном счете причиной стал я.

– Другая женщина?

Он покачал головой.

– Для меня никого не существовало, кроме Тео.

– Но Колтон?.. Разве он не доказательство присутствия в вашей жизни другой женщины?

– Колтон – результат того, что спортивные бальные танцы превратились в нечто другое. Мне было восемнадцать, моей партнерше тоже, и мы совершенствовали сальсу. Латиноамериканские танцы затуманивают мозги. По крайней мере, мои они затуманили. Она забеременела и думала, что мы поженимся. У меня были другие планы.

– Тео знала о Колтоне?

– Он был в моей жизни с самого рождения. Я отверг его мать – кстати, я этим совсем не горжусь, – но не его. Тео все знала.

– Где теперь его мать?

– В Хаммерсмите. Замужем, двое других детей, и полностью довольна жизнью. – Карвер наклонил бутылку и сделал еще несколько глотков пива. – Последнее я только предполагаю, – признался он. – Но не вижу, почему бы ей не быть счастливой. Колтон ничего плохого не говорил, и они с Кираном – его отчимом – прекрасно ладят. Он очень приличный парень, этот Киран.

– Тео не чувствовала себя преданной?

– Из-за беременности Телин? Нет, конечно. Тео на три года младше. Ей было всего пятнадцать, когда это случилось – то есть между Телин и мной, – и мы с ней даже еще не встре-

чались. А потом я ни разу не посмотрел на другую женщину. Не было никакого желания.

– В таком случае – если вы не изменяли в браке, – почему именно вы стали причиной разрыва?

– Я слишком сильно ее любил.

– Слишком сильно?

– Знаете, так бывает. – Росс посмотрел на балконную дверь, словно то, о чем он хотел сказать, находилось там. – Это как залить водой растение. У тебя благие намерения, а оно не выдерживает и погибает.

«Странная аналогия, – подумала Барбара, – потому что Тео Бонтемпи – бывшая Тео Карвер – в настоящий момент ждет погребения».

– Когда вы видели ее в последний раз?

– За два дня до того, как она попала в больницу.

– Где?

– В Стритэме. В квартире.

– Сами пришли или она пригласила?

– Она пригласила. Сказала, что ей нужно со мной поговорить.

– Нужно?

– Нужно. Хочет. Думаю, это означает одно и то же – разговор. Она пригласила меня поговорить. Я пришел. – Росс умолк и сдвинул брови, словно пытаясь вспомнить произнесенные женой слова. – Она хотела… «кое-что обсудить», так это было сформулировано. Попросила меня приехать в

Стритэм. Я был свободен и согласился. Но когда приехал, она не ответила на звонок в дверь.

– И вы ушли?

– У меня был ключ, так что…

– Она дала вам ключ?

– Я не отдавал ей свой. После того как мы расстались, я приезжал четыре раза. Или пять… Забрать свое барахло. Тео не просила отдать ключ, потому что не всегда бывала дома, когда мне было нужно.

– И вы не вернули ключ, когда переехали?

– Нет. Так что в тот вечер я вошел в дом. Подумал, что она выскочила на минутку, например в магазин. Она знала, что я еду, и я решил подождать, потому что не знал, когда еще выпадет такой шанс.

– Шанс?

– Увидеть ее. – Он допил пиво из бутылки. – Возьму еще одну. Не хотите?

Барбара отказалась. Тем не менее Карвер вернулся с двумя бутылками. Одну, уже открытую, поставил перед ней, объяснив:

– На всякий случай.

Он сел, но не произнес не слова. Барбара подумала, что поход за пивом нужен был для того, чтобы выиграть время.

– Вы догадываетесь, о чем она хотела с вами поговорить?

Ответить он не успел – зазвонил его мобильный. Карвер извлек его из заднего кармана джинсов и посмотрел на

экран.

– Извините. Я должен ответить.

Она махнула рукой в сторону телефона.

– Да? – сказал Росс, а затем молча слушал. Потом встал, прижимая телефон к уху, подошел к балконной двери, открыл ее, вышел на балкон и закрыл дверь. Он по-прежнему молча слушал. Барбара видела, как изменилось его лицо. Карвер посмотрел на нее, увидел, что она за ним наблюдает, отвернулся, опустил голову и начал что-то говорить. Разговор продолжался недолго, меньше двух минут. Когда Росс вернулся в комнату, лицо его было мрачным.

– Ее *убили*? Когда, черт возьми, вы намеревались мне об этом сказать?

– Кто сообщил вам эту информацию? – спросила Барбара.

– Не все ли равно?

– Нет, поскольку речь идет об убийстве.

– Почему вы не говорите мне, что происходит, сержант… Простите, как вас зовут?

– Хейверс.

– Сержант Хейверс. Почему вы не говорите мне, что, черт возьми, происходит? Тео была в больнице. Она была…

– …в коме после удара по голове.

Карвер на секунду умолк.

– Удара по голове? Как удара по голове? – Он непроизвольно бросил взгляд на телефон.

– Кто вам звонил?

– Сестра Тео, Розальба. Она сказала, что приходила полиция и сообщила им новости. Почему мне не сказали? Потому что мы расстались? Или вы думаете, что я с ней что-то сделал? Вы к этому ведете? Вы меня слушаете, да? Я вошел в квартиру. Нашел ее на полу в туалете. Ее вырвало в унитаз. Она сказала, что ее тошнит и у нее кружится голова. Я хотел вызвать неотложку, но она отказалась. Сказала, что ей нужно просто прилечь, и я помог ей.

– В документах указано, что она была в пижаме. Вы ее так и нашли на полу в туалете?

Карвер снова глотнул пива.

– Нет. Я… Послушайте, я раздел ее, но это не то, что вы думаете.

– Что я думаю?

– Что это имеет отношение к сексу. Что я ею воспользовался. Нет. С этим было покончено. Так она хотела. Но она мне не безразлична, и я переодел ее в пижаму, достал из аптечки две таблетки парацетамола и уложил ее в постель.

– А потом ушли? Вы так и не узнали, зачем она хотела вас видеть?

– Нет.

– Что именно? Не ушли или не узнали, зачем она хотела вас видеть?

– Она не сказала мне, о чем хотела поговорить.

– Вы уложили ее в постель и ушли?

– Нет. Часть ночи я провел рядом с ней.

– Вы провели часть ночи с бывшей женой?

– Я не хотел оставлять ее одну. Уложил в постель, лег рядом и заснул. Не собирался, но так получилось. Когда я проснулся… не знаю… около половины четвертого… она спала, и я не стал ее будить. Положил ее мобильник рядом с кроватью и ушел.

– Почему вы не попытались ее разбудить?

– Зачем? Я же сказал, что она *спала*. Не было никаких причин будить ее посреди ночи.

– Даже для того, чтобы поговорить о том, ради чего вы бросились в Стритэм? Разве вам не было любопытно? Сдается мне, что было.

Барбара видела, как у него на лбу, у самой линии волос, выступил пот. В комнате было жарко, так что этому можно было найти объяснение. Хотя дело скорее в волнении, а не в температуре воздуха.

– Если б я не заснул… если б настоял на том, чтобы отвезли ее в больницу, как и собирался… – Росс умолк, а затем продолжил, словно не слышал вопроса об отсутствии любопытства к тому, о чем хотела поговорить с ним жена: – Вы сказали, удар по голове. Какой именно?

– Раздробивший череп. Ее ударили чем-то тяжелым. Вы знаете, что такое эпидуральная гематома? – Увидев, что он кивнул, Барбара продолжила: – Это ее и убило.

Карвер посмотрел ей в глаза.

– Это не я. Я ни за что на свете не ударил бы Тео. Я *любил*

ее. Я хотел ее вернуть.

– Как вы узнали, что она в больнице?

– От ее родителей. Они мне позвонили. Сказали, что она в больнице и что ей делают томографию. Когда я туда приехал, ее уже перевели в реанимацию…

– Они просили вас приехать, ее родители?

– Что? Просили меня? Нет. Но я должен был. Я должен был быть там. Я не понимал, почему при обычном падении нужно делать томографию мозга, почему она в коме и… все остальное.

– Все остальное – это ее смерть.

– И то, что было перед ней: аппарат искусственной вентиляции легких, мониторы, дефибрилляторы, системы жизнеобеспечения…

– И смерть мозга, – бесстрастно прибавила Барбара, пытаясь оценить его реакцию. Она хотела, чтобы ее слова прозвучали как можно резче, хотела понять, что он знает. Карвер выглядел искренним – как и большинство психопатов. Они умеют притворяться нормальными.

– Ничего не хотите добавить? – спросила она. – О своей жене? А о вашем браке?

Карвер покачал головой.

– Честно говоря, мне хочется проснуться и обнаружить, что все это был страшный сон.

– Как и всем нам, – согласилась Барбара.

Пембери-Эстейт Хакни Северо-восток Лондона

Тани понимал, что только он один стоит между сестрой и намерением Абео отдать ее какому-то старому нигерийцу, достаточно богатому, чтобы уплатить запрашиваемую цену. Он также знал, что Монифа позволит это сделать, хотя ей нужно всего лишь собрать два чемодана, один для Сими, а второй для себя, и покинуть Мейвилл-Эстейт, пока Абео нет дома.

А дома его не было почти все время. Теперь, когда вторая семья была обнаружена и ее уже не было нужды скрывать – по крайней мере, от Тео, – Абео, по всей видимости, решил проводить с ними больше времени, почему-то уверенный, что ни Монифа, ни Тани ничего не расскажут Сими. Он приходил домой только для того, чтобы снять пропитанные кровью рубашки и фартуки, которые Монифа послушно стирала и гладила. Поразмыслив, Тани понял, что Абео приносил Монифе для стирки вещи своей второй семьи, и мать стирала и гладила их, что объясняло ту гору одежды, над которой она трудилась.

Ему не потребовалось много времени, чтобы придумать еще один способ воздействовать на отца. Поэтому в тот день, ближе к вечеру, Тани ждал появления отца в Пембери-Эстейт, чтобы сделать свой ход. В бакалейном магазине он не появлялся ни сегодня, ни вчера – не хотел встречаться с от-

цом, пока не поймет, что делать дальше. Теперь он был готов. Теперь он прятался в Пембери-Эстейт – в таком месте, чтобы видеть лифт, на котором Абео поднимался к своей второй семье. Когда это наконец произошло, в конце дня, Абео выглядел усталым, но на нем была свежевыстиранная и отглаженная рубашка, так что Ларк и ее дети были избавлены от неприятного вида крови животных на его одежде, груди и бедрах. Тани ждал. Он хотел, чтобы отец расслабился, прежде чем перейти в наступление.

Через двадцать пять минут после прихода Абео Тани направился к лифту. Было уже поздно, и другие жители дома входили и выходили из него, так что он вошел в кабину вслед за женщиной с многочисленными сумками, кивнул в знак приветствия, нажал кнопку третьего этажа и поехал наверх.

Б*о*льшая часть дверей внешней галереи были открыты. Как и дверь квартиры второй семьи его отца. Тани слышал щебетание детей, голос Абео, отвечавшего им, потом женский голос:

– Да, вот так. О, любимый мой… – Затем смех. – Щекотно! Нет, нет! Абео, перестань!

– Значит, так? – Голос Абео, снова женский смех.

– Элтон, иди сюда! Скажи папе, чтобы прекратил.

Тани встал в дверном проеме. Любовница отца лежала на диване с куском влажной фланелевой ткани на голове; ее ноги лежали на коленях Абео, который делал вид, что кусает ее ступни, и притворно рычал. Она смеялась, а их дети хихи-

кали, стоя на коленях на стульях у стола, где собирали что-то зеленое из кубиков лего. Абео выпрямился и принялся водить кубиками льда по подошвам ног и между пальцами Ларк. Рядом на полу стояла бутылка с лосьоном и полотенце.

– Полегчало? – спросил он.

– Ты ангел, – вздохнула Ларк.

Именно она заметила Тани. Сняла влажную ткань со лба и сказала дочери:

– Даврина, маме нужен еще лед. Принеси, милая.

Даврина спрыгнула со стула, но потом тоже заметила Тани и спросила:

– Кто он?

Абео повернул голову.

– Для мамы ты тоже это делал, да? Когда она была беременна? – Слова царапали горло Тани.

– Что тебе нужно? – спросил Абео. – Почему ты не был на работе?

Тани переступил порог и подошел к столу, за которым сидели дети.

– Мне сказать им, кто я, или ты хочешь сделать это сам? – спросил он Абео.

– Мне все равно, – ответил тот. Потом повернулся к детям. – Это ваш брат от моей жены Монифы – по крайней мере, он так говорит. Его зовут Тани. Поздоровайтесь и возвращайтесь к игре. – И продолжил массировать ступни Ларк.

Тани увидел, что дети собирают фигуру тираннозавра. Он

взял один из кубиков и стал разглядывать. Интересно, как он будет выглядеть, если вогнать его отцу в глаз?

– Любишь играть в лего? – спросила его Даврина.

– У меня его никогда не было, – ответил Тани.

– Вообще?

– Вообще. Кстати, у тебя есть еще и сестра. Ее зовут Симисола. Она тоже никогда не играла в лего. – Потом он повернулся к отцу. – Ее ждет та же судьба, Па? Когда она чуть подрастет? Или у тебя планы только на Сими?

Ларк растерянно посмотрела на Тани, потом на его отца.

– Ларк – англичанка, – сказал Абео. – Наши дети – англичане.

– Да? А что будет значить «Ларк – англичанка», когда дело дойдет до продажи маленьких девочек – маленьких *производительниц* – тому, кто предложит больше?

Ларк села. Выражение лица у нее изменилось. Это отражалось в основном в глазах, отметил Тани. Она с тревогой смотрела на Абео.

– Она наполовину нигерийка, по отцу, так? – продолжил Тани. – Даврина… Нигерийским девочкам положены мужья, которые согласны уплатить большой калым, да? По крайней мере, ты хвастался этим, когда речь шла о Симисоле. – Потом он обратился к Ларк: – Он вам это говорил?

– Абео, что он…

– Поскольку она наполовину англичанка, полагаю, ты продашь только ее часть, да? Какая половина Даврины будет

продана? Верхняя или нижняя? Левая? Правая? Хочешь, угадаю?

– Уходи, – сказал Абео.

– О чем он говорит, Абео? – спросила Ларк.

– Ни о чем. Слушает всякую чушь и верит, что понимает то, что слышал. Потом начинает обвинять. Вот и всё.

– Кого обвинять? И в чем?

– Он собирается продать Симисолу, – сказал ей Тани. – Вы понимаете, что я имею в виду? Она должна будет рожать детей какому-то парню в Нигерии, и как только созреет, отец отдаст ее тому, кто согласен заплатить запрашиваемую цену. Это произойдет только после того, как Сими будет в состоянии забеременеть, но теперь она еще ребенок и не знает, что ей уготовано. – Он посмотрел на Даврину, которая вместе с братом смотрела на него круглыми любопытными глазами.

– Иди к себе в комнату, Даврина, – приказала Ларк дочери. – И ты, Элтон.

– Но тираннозавр…

– Марш!

– Папа!

– Делай, что говорит мама. Нам нужно поговорить с этим человеком.

Дети убежали, бросая испуганные взгляды на Тани. Через секунду из глубины квартиры донесся звук закрывшейся двери. Дождавшись, пока они уйдут, Абео заговорил:

– Ты мне не сын. Я виню твою мать в том, каким ты стал,

со своими английскими привычками и со своим английским отношением к нашему народу.

– Совершенно верно, Па. Мы – *англичане*, разве нет? Если б ты не хотел, чтобы мы стали англичанами, нужно было оставаться в Нигерии. Но ты приехал в Лондон, рассчитывая при этом, что ничего не изменится. И все мы будем делать то, что ты хочешь, чтобы чувствовать себя важным, – определять наше будущее, извлекать выгоду для себя. – Он повернулся к Ларк, которая поднесла руку к груди и теребила серебряное распятие, ярко блестевшее на ее темной коже. – Он делает что хочет, мой отец. Теперь он хочет денег. Ведь он не рассказывал вам о покупке девственницы, на которой я должен жениться? Правда? Да, именно так он и поступил, и единственный способ вернуть часть потраченных денег – взять хороший калым за Симисолу.

Абео медленно покачал головой, демонстрируя печаль и разочарование.

– Монифа говорила, что этот человек – мой сын, Ларк, и восемнадцать лет назад я решил ей поверить. Но мы с ним… – Абео встал и взмахнул рукой, показав сначала на себя, затем на Тани. – Посмотри на нас. Видишь, какие мы разные? Он давно знает, что не мой сын, и винит за это *меня*. Он всю жизнь пытался разрушить мой брак с его матерью, а теперь хочет уничтожить то, что есть у нас с тобой: нашу семью. История, которую он тебе рассказывает… Подумай сама: стал бы я поступать так со своей дочерью Симисолой?

Или с нашей дочерью Давриной? Конечно, нет. Зачем же он это говорит? Вот тебе ответ: он думает, что, если убедит тебя, что я собираюсь разрушить жизнь Симисолы или Даврины, ты меня бросишь. Возьмешь наших детей и этого нового ребенка, который растет у тебя внутри, и исчезнешь. Это, думает он, будет плата за то, что я позволил ему считать себя моим сыном.

Во рту у Тани пересохло, словно он проглотил чашку опилок. Такая наглость отца у него просто в голове не укладывалась. Абео был воплощением лицемерия, и его любовница не могла этого не видеть. Тани посмотрел на Ларк, которая не отрывала взгляда от Абео. Она встала с дивана, поддерживая живот, в котором созревала новая жизнь. Потом подошла к Абео, прижала ладонь к его щеке и повернула его голову к себе.

– Мне очень жаль, что тебе приходится так страдать, Абео, – сказала Ларк, и Тани понял, что она сделала свой выбор.

Он не мог ее винить за то, что она поверила Абео на слово. Двое детей и третий на подходе… Она нуждалась в Абео больше, чем в правде. Тани думал, что сможет перетянуть ее на свою сторону, но ошибся.

Однако у него оставался последний козырь.

– Я женюсь на девушке, – сказал он Абео.

– То есть?

– Если Сими оставят в покое, позволят ей вырасти и быть

собой, я поеду в Нигерию и женюсь на Оморинсоле. Кажется, ее так зовут? Оморинсола, девственница с гарантированной плодовитостью? Я на ней женюсь. Сделаю ей детей. Привезу ее в Лондон. Твою невестку и твоих внуков, Па. Сделаю то, что ты хочешь. И буду работать в бакалейной лавке.

Абео усмехнулся.

– Твои слова о продаже Симисолы – злобная ложь, так зачем же ты вообще что-то предлагаешь?

– О, здесь прозвучало очень много лжи, Па. Но то, что я говорил о Симисоле, – правда.

– Убирайся! – рявкнул Абео, но по его глазам Тани видел, что отец намерен обдумать его предложение.

Белгравия Центр Лондона

Линли всегда ненавидел политический аспект работы полицейского, а этот первый день расследования убийства сержанта уголовной полиции Тео Бонтемпи имел все шансы стать политическим. В отличие от политики, связанной с управлением страной, когда соперничающие стороны встречаются, спорят, дискутируют, выдвигают аргументы и вырабатывают компромисс в виде закона, полицейская политика по большей части связана с контролем информации, которую предоставляют прессе. На утреннем совещании с помощником комиссара сэром Дэвидом Хиллиером и главой пресс-службы Стивенсоном Диконом политические со-

ображения обоих были такими пространными и туманными, что в них было невозможно разобраться. Судя по тщательно сформулированным объяснениям Хиллиера и Дикона, Тео Бонтемпи была не просто детективом полиции, а *черным* детективом. И не просто черным детективом, но и *женщиной* черным детективом. Меньше всего служба столичной полиции нуждалась в обвинениях, что они выделили для расследования недостаточно сил, потому что данный сотрудник был черным или женщиной – или то и другое вместе. Расизм, сексизм, мизогиния… Нельзя позволить даже *намека* на это во время расследования. Понимает ли это исполняющий обязанности старшего суперинтендента?

Прежде чем Линли успел поделиться своими соображениями, что к этому расследованию он относится точно так же, как к любому другому, Дикон извлек из своего портфеля два таблоида и передал Томасу для изучения. На первой странице каждой газеты была помещена статья о пропавшем ребенке. Девочку похитили у родителей несколько дней назад, был большой переполох; отец – барристер, мать – врач, а дочь в последний раз видели с двумя подростками на станции метро «Гантс-Хилл». Статьи сопровождались фотографиями и ссылками на следующие страницы. Линли знал о пропаже ребенка в первый же день, из публикации – не столь подробной – в утренней газете, которую он имел обыкновение читать. Томас не был уверен, что исчезновение девочки как-то связано со смертью Тео Бонтемпи, и спросил об этом.

Связи никакой, ответили ему, *но* как только таблоиды решат, что тема исчерпана, они набросятся на убийство Тео Бонтемпи, как крысы на мусорную яму, а когда они это сделают, пресс-служба должна быть уверена, что у старшего суперинтенданта Линли будет для них масса информации, причем такой, которая не оставляет сомнений, что служба столичной полиции использует все имеющиеся у нее ресурсы, чтобы привлечь к ответственности убийцу их коллеги, независимо от ее пола и расы.

– Кстати, о ресурсах… – Томас объяснил, что им, вероятно, потребуется больше сотрудников.

Дикон заверил, что он получит все что нужно. Хиллиер бросил на Дикона взгляд, в котором ярость смешивалась с удивлением. «Не в твоей власти распределять людей». Это причина ярости. «И кто ты, черт возьми такой, чтобы давать такие обещания?» А это удивление.

Линли ушел, оставив их разбираться друг с другом.

Мобильник зазвонил в тот момент, когда он отпирал дверь своего дома на Итон-Террас. Томас надеялся, что это Дейдра – вчера вечером они расстались не лучшим образом. Но это была Барбара Хейверс. Пока он открывал дверь и входил в дом, она скороговоркой выдала ему порцию информации:

– Бывший муж был с ней в ту ночь, когда ее ударили по голове, сэр. Как выяснилось, почти всю ночь. Утверждает, что она попросила его прийти, потому что хотела о чем-то

поговорить.

– О чем?

– Неизвестно. По крайней мере, мне и ему. Он сказал, что она попросила его прийти для разговора, он согласился, и на этом все. Проверить несложно. Их мобильники все покажут.

– Гм… – Линли взял дневную почту. Чарли Дентон оставил ее на полукруглом столе из орехового дерева в прихожей, в старом контейнере «Таппервер», стоявшем на месте серебряного подноса. Очевидно, он забыл отнести их – дневную почту и контейнер – на кухню. – Что-то еще?

– Говорит, что развода хотела она, а не он. Говорит, что «любил ее слишком сильно» и она не смогла с этим справиться – что бы это ни значило. У него вся гостиная уставлена ее – и их совместными – фотографиями. Говорит, любит на них смотреть.

– Навязчивая идея?

– Возможно.

– Преследование, за которым следует: «Не доставайся же ты никому».

– Я бы так не сказала. Кстати, он собирается вернуться в их общую квартиру.

– Любопытная деталь.

Барбара рассказала остальное: о том, что у Росса Карвера был ключ от квартиры, как он нашел бывшую жену, что она ему сказала о тошноте, головокружении, потере памяти – а возможно, нежелании говорить, о том, что случилось до его

прихода.

– Кстати, он белый парень, если это важно.

«Интересно, – подумал Линли, – этот факт понравится Хиллиеру и Дикону – или взбудоражит их еще больше?

– Может, у нее был другой любовник и мужу это не нравилось?

– Не исключено. Но он об этом не расскажет. Возможно, родственники знают… От Уинстона есть известия?

– Пока нет.

– Что дальше?

– Стритэм. Завтра нам нужно тщательно осмотреть квартиру. Судмедэксперты уже закончили?

– У них было достаточно времени. Я им позвоню. Ты где? В Белзи-парке?

– Сегодня ночую дома. Поставил Белзи-парк на паузу.

– Ага. Думаешь, это разумно?

– Разумно? Барбара, тебе давно пора осознать, что я понятия не имею, что такое разумно в романтических отношениях между мужчиной и женщиной.

6 августа

Ил-Пай-Айленд Твикенхэм Большой Лондон

Дебора оставила машину на свободном месте парковки на берегу Темзы напротив Ил-Пай-Айленд перед самым рассветом. Она никогда раньше не была в этом месте. Даже не слышала о нем, хотя жила в Лондоне с семнадцати лет. Естественно, никто не пытался скрыть от нее существование этого острова, но, как ей удалось выяснить, его лучшие деньки остались в прошлом. Даже слава маленькой мекки рок-н-ролла в 1960-х не спасла его от сегодняшнего забвения.

Посоветовав Деборе поговорить с доктором Филиппой Уэзеролл, Нарисса порекомендовала повторить утреннее путешествие, которое совершила она сама, когда искала врача в надежде, что личная встреча – в ее доме, прежде чем она отправится на работу – поможет убедить ее, что появление в документальном фильме Нариссы даст надежду девочкам, которым может грозить опасность, и женщинам, уже пострадавшим. Но ее усилия, призналась Нарисса Деборе, ни к чему не привели. Она пожертвовала несколькими часами сна и ехала целый час, потратив бензин и драгоценное время. Доктор Уэзеролл ответила, что не хочет привлекать к себе внимание из страха преследования.

– Попробуйте, – сказала Нарисса Деборе. – У вас же не фильм – может, вам больше повезет. – Она поделилась информацией о хирурге, для сбора которой потребовался целый час блуждания в Сети с помощью разных поисковых систем и банков данных. – Можете сначала позвонить, но я бы не советовала. Именно так я и поступила – и готова поспорить, что она записала свой отказ и выучила его наизусть.

Деборе нужно найти дом доктора Уэзеролл на Ил-Пай-Айленд, сказала ей Нарисса. У коттеджей там нет номеров, так что Деборе придется ориентироваться на «Магонию»[13]: дом кремового цвета с синей черепицей ярдах в двадцати от главной дороги, пересекающей остров. Названия у дома нет, но там есть штакетник, давно нуждающаяся в ремонте беседка, неухоженная лужайка, несколько чахлых кустов и немного декоративной травы.

Дебора спросила, как вообще попасть на остров, который находится посреди Темзы. Ответ Нариссы – «не волнуйтесь, сами увидите» – не вселил уверенности, но Дебора решила довериться ей. Все еще спали, когда она оставила записку на разделочной доске в кухне и поехала в Твикенхэм, а там увидела, что имела в виду Нарисса. На остров вел арочный пешеходный мост, перила которого украшали маленькие цветы петунии, красные и белые.

Оказавшись на мосту, где легкий утренний ветерок обманчиво обещал ослабление жары, Дебора увидела, что ост-

---

[13] *Магония* – род кустарников семейства Барбарисовые.

ров невелик. Вдоль берега были построены коттеджи с выходом к реке, и в слабом утреннем свете она смогла разглядеть маленькие причалы или просто причальные столбы, а также моторные лодки, байдарки, шлюпки и каноэ. Остров был очень зеленый. У самой воды росли огромные ивы. Тополя, каштаны и липы отбрасывали тень на извилистую мощеную дорожку. Вокруг ни души – только мелькание птиц и воркование голубей. В другое время дня Ил-Пай-Айленд, вне всякого сомнения, был оживленным местом.

Коттедж с синей крышей, как выяснила Дебора, находился рядом с мощеной дорожкой, совсем близко, – Нарисса описала его достаточно точно. Она пропустила пустые оконные ящики для растений и пустую шпалеру, однако все остальное оказалось на месте. Но в доме было темно. Доктор либо уже уехала на работу, либо еще спала, либо находилась в глубине дома, так что свет не был виден с дорожки. Раз уж она забралась так далеко, решила Дебора, нужно испытать удачу. Она миновала покосившуюся калитку, которая держалась на одной из двух петель.

Крыльца в доме не было, только приподнятая площадка перед дверью. Поискав звонок, Дебора поняла, что нужно стучать, и с силой ударила костяшками пальцев по дереву. На стук отреагировал только рыжий полосатый кот, довольно худой. Он вышел из-за угла дома и принялся тереться о ноги Деборы, жалобно мяукая. Затем над дверью зажегся свет, хотя на улице было уже достаточно светло, так что

Дебору можно было рассмотреть из дома. Дверь открылась. Кот, воспользовавшись шансом, прошмыгнул в дом.

– Кто вы, черт возьми? И какого дьявола стучите в мой дом в такое время?

Не слишком успешное начало.

– Доктор Уэзеролл? – спросила Дебора.

– Что вы хотите? Кто вы? – Хозяйка дома шагнула вперед. Невысокая, не выше метра пятидесяти пяти, в черном обтягивающем костюме из неопрена. В руке у нее была ветровка из ткани, которая светится в темноте, когда на нее попадает луч света. Ноги босые.

– Погодите. – Это прозвучало резко, как команда. – Вас послал тот чертов режиссер? Марисса… как там ее?

– Нарисса Кэмерон. На самом деле я…

– Ни при каких условиях – можете ей это передать. Это не обсуждается. Мне нечего добавить.

– Речь не о ее фильме, – сказала Дебора. – Я фотограф. Может, вы поговорите со мной? Это займет пять минут. Клянусь, это не имеет отношения к фильму Нариссы.

– В любом случае меня это не касается. И у меня нет пяти минут. Я уже опаздываю к реке.

Она решительно развернулась, и Дебора решила, что дверь сейчас захлопнется перед ее носом. Но доктор Уэзеролл так же быстро вернулась, держа в руке кота. Потом выкинула его на улицу. Он возмущенно мяукнул и стрелой бросился в дом.

– Проклятье! Чертов кот!

В свете лампы Дебора увидела на краю площадки перед дверью две пустые миски в форме кошачьих голов.

– Похоже, для еды и воды?

– Это даже не мой кот! – рявкнула доктор Уэзеролл. Потом прибавила: – Черт возьми. – Откуда-то слева от двери извлекла кувшин с водой и пакет с сухим кормом. – Убирайся оттуда, если хочешь что-то получить, Дариус! – крикнула она и наполнила миски.

Дариус? Дебора с удивлением посмотрела на довольного кота, появившегося на пороге.

– Терпеть не могу кошек, – заявила Филиппа Уэзеролл.

– Тогда возникает вопрос: зачем вы кормите этого?

– Ответ очевиден. Потому что я дура.

Доктор Уэзеролл убрала еду и воду, взяла пару кроссовок, вышла за дверь и закрыла ее за собой. Согнувшись в талии – колени остались прямыми, отметила Дебора, – надела кроссовки. Судя по всему, врач находилась в прекрасной физической форме.

– Если вам нужно пять минут, можете получить их во время прогулки, – сказала она Деборе и направилась к калитке. Выйдя на дорожку, повернула направо, в противоположном направлении от моста.

Дебора последовала за ней. Доктор Уэзеролл, поняла она, была настроена решительно. Женщина шла быстро, и Дебора едва поспевала за ней. Совершенно очевидно, что ни о

каких пяти минутах речи быть не могло. Поэтому она начала рассказывать: о проекте, над которым работает для департамента образования, о «Доме орхидей», о книге фотографий, которую собирается делать, об идее закончить книгу интервью с ней.

– Нарисса о вас высокого мнения, – закончила Дебора.

– Очень мило с ее стороны. – фыркнула хирург. – Вряд ли меня это должно волновать. Но я подробно объяснила Нариссе, почему по возможности предпочитаю оставаться в глубокой тени. Меня не назовешь популярной фигурой среди той части нигерийского и сомалийского сообщества, где калечат женщин, не говоря уже о неуверенных в себе мужчинах, которые ищут обрезанных и зашитых женщин, чтобы их сексуальные возможности – вернее, их отсутствие – никогда не могли сравнить с возможностями другого парня. Вы говорили с этими женщинами?

– Говорила. И меня не встречали с распростертыми объятиями – что вряд ли удивительно с учетом природы этой проблемы, не говоря уже о нашем обществе, но я с ними говорила. Можно спросить: почему белая женщина занялась восстановительной хирургией?

– Я училась во Франции. Они – пионеры в этом вопросе, так что я, что называется, припала к источнику.

– Вы всегда занимались восстановительной хирургией?

– Нет. Я, как и большинство людей, ничего не знала о том, как калечат женщин. По специальности я акушер-гинеколог.

– Как случилось, что вы занялись тем, что делаете сейчас?

Они подошли к воротам с кодовым замком. Доктор Уэзеролл набрала шифр, открыла ворота и направилась к воде.

– Однажды меня пригласили проконсультировать особый случай. У ребенка развилась инфекция, не поддававшаяся лечению. Она вроде бы затихала, исчезала, а затем появлялась вновь, еще более сильная. Ей сделали операцию за десять недель до того, как она попала ко мне.

– Что с ней случилось?

– Она умерла. Родители слишком долго тянули, прежде чем обратиться в больницу.

– Ужасно.

– Это еще не всё. Ей было три года.

– О боже. Это… Я даже не знаю, как это назвать.

– Страшно, ужасно, бесчеловечно, гнусно, отвратительно, шокирующе, чудовищно, омерзительно… Словами это не опишешь, правда? После того случая я решила, что должна что-то *делать*. Но, как вы верно заметили, я белая женщина, и не просто белая женщина, а англичанка. Я понимала, что будет почти невозможно объяснить любой женщине из общин черных иммигрантов, все еще практикующих калечащие операции на женских половых органах, что их культура – или по крайней мере часть тех, кто принадлежит к этой культуре, – придерживается невежественной традиции, угрожающей здоровью девочки, ее будущему, ее способности иметь детей, а возможно, и жизни. Кроме того, у меня

нет таланта красиво говорит, убеждать и все такое. Поэтому я предложила свои услуги женщинам, которым уже причинили вред.

Они прошли вдоль здания и вышли на широкий бетонный причал. Здание оказалось лодочным сараем. Внутри горел свет, и кто-то уже выдвинул вперед высокую стойку с лодками. Доктор Уэзеролл ловко подцепила одну из них и спустила на землю.

– Потребовалось много лет, чтобы завоевать доверие, но мне помогла Завади. Она увидела смысл в том, что я делаю и что могу сделать. Начала направлять ко мне молодых женщин. И до сих пор направляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.